

УДК 140.8
ББК 87
Л50

Лесков Л.В.
Л50 О героическом энтузиазме
(интеллектуальный потенциал российской
цивилизации)/Л.В. Лесков. — Международный
институт П. Сорокина — Н. Кондратьева —
М.: ЗАО «Издательство «Экономика», 2006. —
248 с.

ISBN 5–282–02642–2

В книге рассказывается о славной когорте замечательных людей, составивших честь и гордость России. Через их жизнь, их деяния и напряженную работу мысли раскрывается история России, начиная со времени формирования ее государственности при великом князе Иване III и до наших дней.

Задача книги состоит в том, чтобы показать молодому поколению патриотов, с кого надо делать жизнь, чтобы наполнить ее высоким смыслом. По мнению автора, светлое и счастливое будущее страны зависит главным образом от нового, смелого, трудолюбивого и высоконравственного молодого поколения — будущих замечательных энтузиастов. Им и посвящается эта книга.

Автор книги Л.В. Лесков — доктор физ.-мат. наук, профессор МГУ, академик Российской Академии естественных наук (1931-2006).

УДК 140.8
ББК 87

ISBN 5–282–02642–2

© Лесков Л.В., 2006
© Яковец Ю.В., 2006. Предисловие
© Оформление, оригинал-макет
ЗАО «Издательство «Экономика»,
2006

ПРЕДИСЛОВИЕ

ГЕРОИЧЕСКИЙ ЭНТУЗИАСТ

Перед Вами, дорогой читатель, последняя книга великого русского мыслителя, ученого-энциклопедиста Леонида Васильевича Лескова (1931–2006). Работу над рукописью он закончил за две недели до своей кончины, твердо зная, что дни его сочтены. Это не столько его научное завещание, сколько итоговые размышления о знаковых проблемах прошлого и будущего российской цивилизации, о тех, кто составлял соль русской земли, внес весомый вклад в ее судьбу и духовный мир.

История появления этой рукописи такова. Несколько раз при наших предыдущих встречах — а они участились в последние два года, после тяжелой операции, и каждый раз проходили с высоким интеллектуальным накалом — он говорил, что хотел бы написать книгу «Героический энтузиазм». Последняя встреча состоялась 31 марта 2006 г., в день 75-летия ученого. И хотя болезнь явно прогрессировала, и Леонид Васильевич с трудом мог двигаться, несколько часов прошло в разговорах о науке, о книгах, о прошлом. Мы обсудили перспективы публикации главной книги — «Синергизм: фило-

софская парадигма XXI в.», которая вышла в свет благодаря поддержке члена-корреспондента РАН Б.Н. Кузика, почитавшего талант Леонида Васильевича и привлекавшего его в качестве автора разделов монографий «Россия-2050: стратегия инновационного прорыва» (М.: Экономика, 2004, 2005) и «Цивилизации: теория, история, диалоги, будущее» (М.: ИНЭС, 2006. Т. II).

Речь зашла о двух незаконченных рукописях — «Неизвестная Вселенная» и «Героический энтузиазм». Первая из них — неразгаданные загадки Вселенной — являлась логическим продолжением изданных в последние годы монографий «Нелинейная Вселенная. Новый дом для человечества» и «Пять шагов за горизонт». Вторая — венчала размышления о российских пассионариях — ученых и писателях; политических деятелях и поэтах, которые внесли весомый, нередко противоречивый, вклад в судьбу России и мира, в интеллектуальный потенциал российской цивилизации.

Прошло дней десять — и утром звонок от Леонида Васильевича: бодрым голосом он сообщает, что завершил работу над обеими рукописями и готов отдать их для подготовки к печати. Это был наш последний разговор.

Почему первую же фразу я начал со слов о великом русском мыслителе? Конечно, окончательную оценку величия человека, дела его жизни даст лишь время, десятилетия спустя. Но уже сейчас, зная его труды и общаясь с ним во многих научных дискуссиях и беседах, можно с уверенностью сказать, что

это был неординарный, удивительно талантливый и разносторонний мыслитель, каких в наше время единицы. Я бы выдвинул следующие аргументы в поддержку своей оценки.

Это был человек энциклопедически-разносторонний, что подтверждается и его жизнью, и его творчеством. Блестяще закончив физический факультет Московского государственного университета, первые десятилетия своего творческого пути он отдал становлению нового направления науки и технологий — космонавтике, решил несколько сложных задач в этом прорыве в будущее, впоследствии став одним из организаторов и действительных членов Академии космонавтики. Будучи по его приглашению на юбилейных мероприятиях в Гагарине, в Калуге, я убедился, с каким уважением относились к нему космонавты, ученые и инженеры, причастные к этому героическому подвигу в недавней истории нашей страны.

Его научные интересы простирались вглубь происхождения и строения Вселенной, он развивал новую, встреченную в штывки многими учеными гипотезу о природе вакуума, о торсионных полях, говорил об экспериментальном подтверждении кажущихся невероятными выводов. Заметен вклад Л.В. Лескова в обоснование концепции развития принципиально нового источника энергии — водородной энергетики, в освоение композиционных материалов.

И одновременно, как типичный русский интеллигент «ленинградского розлива», как один из по-

томков знаменитого русского писателя Н.С. Лескова (на которого, кстати, он был удивительно похож), Леонид Васильевич внес весомый вклад в широкий спектр общественных и гуманитарных наук. Он преподавал философию в Московском университете и был одним из авторов учебника по философии. Он стал одним из основоположников современной синергетической школы и создал новую ее ветвь — футуросинергетику. Как активный член Отделения исследования циклов и прогнозирования Российской академии естественных наук, Международного фонда Н.Д. Кондратьева, Международного института Питирима Сорокина-Николая Кондратьева, Ассоциации «Прогнозы и циклы» Л.В. Лесков сделал многое для развития теории циклов и кризисов, методологии предвидения, участвовал в ряде работ по подготовке прогнозов развития науки и техники, по осмыслению судьбы цивилизаций.

Леонид Васильевич был постоянным членом регулярно проходивших на экономическом факультете МГУ собраний Философско-экономического учебного собрания, немало его статей и выступлений опубликовано в альманахе «Философия хозяйства» и в издаваемых профессором Ю.М. Осиповым сборниках научных трудов.

Почитав настоящую книгу, читатель убедится, насколько обширны были познания Л.В. Лескова в области литературы, этики, религии, истории.

Но дело не только в многогранности интересов мыслителя, но и в том, насколько глубок его творческий вклад в каждую из областей, которая занимала

его пытливую мысль. Мне трудно судить о значимости идей и технических решений, предложенных им в различных сферах естественных и технических наук. Но бесспорно признание его заслуг коллегами по космонавтике и других отраслей знаний. Более очевиден для меня творческий прорыв в общественных науках, которые выдвигаются на передний план в постиндустриальной научной парадигме. Не каждому ученому дано сформировать собственное течение научной мысли. Л.В. Лесков сформировал такое направление и назвал его футуросинергетикой, эффективно применяя системный нелинейный подход, циклично-генетическую методологию к долгосрочному прогнозированию не только науки и техники, но и общества в целом, локальных и мировых цивилизаций. Новое слово, подчас неожиданные оценки и предложения ученого — в философии (в том числе философии освоения космоса), в инноватике, в прогнозировании, наконец, в литературоведении, что представлено в ряде очерков настоящей книги.

И в заключение: почему я назвал краткое предисловие к книге «Героический энтузиаст?» Дело в том, что и к жизни, и к творчеству Леонида Васильевича больше всего подходит этот краткий, но емкий термин, предложенный Джордано Бруно. Вся его жизнь была подвигом, пронизанным героическим энтузиазмом. После счастливого детства в интеллектуальной семье — блокадный Ленинград. Ожидание расстрела после эвакуации на Кубань, которая вскоре была оккупирована фашистами. Труд-

ные годы учебы в школе, а затем в МГУ. Любовь с первого взгляда к студентке соседнего факультета Людмиле Ивановне — любовь, которая продлилась более полувека и дала жизнь сыну Сергею, дочери Наташе, а через них и внукам. Решение сложнейших творческих задач в космонавтике. Десятилетия преподавания в МВТУ им. Баумана, МГУ, Российской академии государственной службы при Президенте РФ. Тысячи благодарных студентов получили заряд творчества, слушая его лекции и общаясь с ним. Многогранная и активная научная жизнь, общение и дискуссии с коллегами, сотни печатных работ, заслуженная известность и признание (в том числе и награждение медалью Н.Д. Кондратьева «За вклад в развитие общественных наук»). Подвиг двух последних лет. После тяжелейшей операции, зная, что он обречен, Леонид Васильевич почти до последних дней активно и плодотворно работал, написал несколько монографий, увенчавших оставленное им научное наследие. Иначе чем героическим энтузиазмом эту жизнь не назовешь.

Человек рано или поздно уходит с исторической арены, со сцены жизни. Но мысли и дела его остаются. И наш долг — долг многочисленных друзей и единомышленников Леонида Васильевича — собрать, издать, сделать доступным для настоящих и будущих поколений все богатство его идей. И пусть следующие поколения сами оценят, что из полученного наследия они возьмут в свой долгий жизненный путь, включают в состав постиндустриальной научной парадигмы.

А теперь — хотя и с некоторым запозданием, после затянувшейся характеристики автора — о самой книге. Что это за произведение — научное или литературно-критическое? О чем и для кого оно? Какова его главная тема, ведущая идея?

На эти естественные вопросы трудно дать однозначный ответ. Это не научная монография — здесь нет единства, строгой логики изложения, обычно присущей автору, хотя немало очерков о замечательных русских ученых — В.И. Вернадском, Н.Н. Моисееве, А.Л. Чижевском, В.В. Налимове, Н.Д. Кондратьеве, П.А. Сорокине, Д.И. Менделееве, С.Н. Булгакове, В.А. Базарове, К.Э. Циолковском, С.П. Королеве и др. Это не сборник критических статей о писателях и поэтах золотого и серебряного веков русской литературы, хотя читатель найдет для себя немало нового в оценке граней таланта А.С. Пушкина и Н.В. Гоголя, А. Блока и С. Есенина, М. Булгакова. Это и не исторические и политологические заметки, хотя в оценке Петра I и особенно Ленина и Сталина мы находим подчас неожиданные повороты мысли и сравнения. Это не трактат о нравственности, хотя поражают глубиной очерки об этической катастрофе России и основах синергетической этики.

И все же можно определить общий жанр книги — это заметки глубокого мыслителя, который спешит поведать итоги своих размышлений новому, смелому, трудолюбивому, ответственному молодому поколению, будущим замечательным энтузиастам. Есть общий предмет — богатство творческих талан-

тов русского народа, соль земли российской цивилизации, ей еще предстоит возродиться после тяжелейшей катастрофы, в которую ее ввергли чуждые и враждебные этой цивилизации «гайдариобразные». И есть главная идея, проходящая через большинство очерков, — пути выхода из этой катастрофы, возрождения российской цивилизации, опираясь на богатейшее научное и культурное наследие, на богатство и разнообразие талантов, на научные идеи, представленные в книге и монографиях автора. Это не голос пророка, а голос творца, и будем надеяться, что он будет услышан и воспринят новым поколением. Это доброе напутствие для нового поколения героических энтузиастов. Только они могут вывести страну из цивилизационного тупика.

Ю.В. Яковец

*доктор экономических наук,
профессор РАГС, академик РАЕН,
президент Международного института
Питирима Сорокина-Николая Кондратьева*

ВВЕДЕНИЕ

Отношения России с Западом всегда были внутренне противоречивы. Были времена, когда Запад мог опасаться российской агрессии — в эпоху империи Николая I или Советского Союза. Но даже и сейчас Россия, значительно ослабленная во многом усилиями самого Запада, может представлять для него некоторую опасность: у нее еще есть грозное ракетно-ядерное оружие, а ее будущее плохо предсказуемо.

Кроме того, в основе западного менталитета всегда лежал постулат о том, что единственно мирная и единственно приемлема только либеральная и демократическая идентичность самого Запада. Все прочие варианты, которых на земном шаре немало, воспринимаются как неприемлемые. Россия с ее северной и индоевропейской цивилизацией тоже другая. Не могут также не смущать ее центральное положение на евроазиатском континенте, ее природные богатства, благодаря которым она в состоянии играть роль своеобразного дирижера в их распределении.

Да, у России сейчас добрые отношения с Западом и с США. Россия — член восьмерки ведущих держав мира, а с 2006 г. наш президент возглавляет ее работу. Но это на поверхности. Отношение западной и американской общественности по-прежнему остается недоверчивым, а со стороны многих СМИ — откровенно враждебным. Реакционные западные и

американские стратеги делают все возможное для того, чтобы придвинуть НАТО к нашим границам. По отношению к России применяется стратегия двойных стандартов. В Югославии дело идет к тому, что Косово станет первым самостоятельным мусульманским государством в центре Европы. За это голодает его население, а Запад свято придерживается принципов соблюдения прав человека.

Население Абхазии и Южной Осетии хочет того же самого. Нет сомнений, решение этого вопроса ослабило бы напряженность на южных рубежах России. Но западные стратеги утверждают: это никак невозможно. Государственная целостность Грузии должна быть сохранена.

Наступление на Россию, внешне, возможно, и не очень заметное, ведется широким фронтом. Одно из главных направлений — это стремление вымыть из народной памяти национальные традиции, подменить вековую культуру, подорвать основы менталитета и идентичность. Решая эту задачу, Запад опирается на своих наемников, которых в современной России немало. Это разграбившие народное достояние олигархи, «новые русские», вороватые чиновники, мафиозные и криминальные структуры. Но особенно стараются в этом деле СМИ, о разлагающей молодежь деятельности которых не хочется даже говорить.

Эта грязная политика не является чем-то новым, ей посвящен ряд художественных произведений. В одном из романов Чингиза Айтматова описывается жестокий обычай: взятому в плен воину жгутом туго затягивали голову, и в результате он превращался в манкурта, лишённого памяти. Человек ста-

новился послушным рабом победителей, с ним можно было делать что угодно.

У Л. Лагина есть фантастический роман «Эликсир Ван-дер-Хунта». Этот эликсир сказочно ускорял рост любых живых существ. Молочный поросенок, например, в считанные дни превращался в жирного борова. Какая-то организация, наверное, фашистская, решила испытать это средство на людях. Похитили группу детского сада — и через неделю получили пару десятков дюжих молодцов, дружно марширующих под детскую песенку:

*— Дяденьку мы слушались —
Хорошо накушались.
А если бы не слушались,
Мы бы не накушались.
А что еще нужно такому «дяденьке»?*

Кое-кому на Западе и в США хотелось бы превратить население России в подобных манкуртов. Все проблемы, мучающие заокеанских стратегов, были бы прочно и навсегда решены.

Какими средствами мы располагаем, чтобы противостоять этой губительной стратегии? Прежде всего надо возродить нашу историческую память, которую так старательно стараются размыть. Нам есть, что вспомнить. В нашей истории немало героических и славных дел. Мы не забываем имен наших замечательных полководцев, политических деятелей, ученых, деятелей культуры. Они, как бы поднимаясь из могилы, крестом своих рук осеняют нас, живых, чтобы мы не сдавались, а продолжали их великие дела.

В этой книге мне хочется рассказать о некоторых из славной когорты этих людей. Через их жизнь, их деяния и напряженную работу мысли показать всю историю России, начиная со времени формирования русской государственности при великом князе Иване III и до наших дней.

Я понимаю, насколько не проста и неизбежно субъективна эта задача. Но мне хочется показать той части молодого поколения, которая еще не научилась читать, с кого надо делать жизнь. Я хочу, чтобы они вспомнили, что жизнь дается только один раз, и наполнить ее надо великим смыслом, научиться ставить перед собой высокие цели, делающие жизнь людей лучше и чище. Только такая жизнь приносит счастье. Единственной альтернативой является ей сегодня тупое и жадное потребительство, когда умирая, можно будет сказать только одно: после меня осталось не недоделанное, а недоеденное.

В книге употребляется термин «синергический». Он происходит от греческого слова *sinergia*, которое означает органическое взаимодействие энергий разного класса и уровня.

Я хочу светлого и счастливого будущего для своей страны. И убежден, что единственным гарантом решения этой задачи может стать только новое, смелое, трудолюбивое и ответственное молодое поколение — будущие замечательные энтузиасты. Им я и посвящаю эту книгу.

Глава 1

КОСМОС ЗОВЕТ

В предутренние часы 17 февраля 1600 г. под глухой звон колоколов к Кампо ди Фьори — Площади Цветов — в Риме двигались две процессии. Одну из них составляли монахи, лица которых были закрыты зловещими капюшонами с прорезями для глаз. Другая направлялась из тюремной башни — это стража вела осужденного на казнь проклятого церковью еретика, которого звали Джордано Бруно.

Место казни было освещено светом факелов. Палачи натянули на Бруно санбенито — балахон, пропитанный серой, разрисованный языками пламени. Ему вырвали язык, чтобы он не мог сказать в свой последний час чего-нибудь недозволенного. Затем его прикрутили к столбу железной цепью и туго перетянули мокрой веревкой — от жара костра она врежется в тело и будет причинять несчастному дополнительные мучения. Закончив приготовления, палач поднес к хворосту факел. Монахи из братства усекновения главы Иоанна Крестителя, стоявшие у подножия костра, затянули унылый погребальный гимн...

Так был исполнен приговор, вынесенный святой инквизицией: подвергнуть подобающей казни, «проявляя милосердие и без пролития крови...». Прошло без малого четыре столетия, пока глава римско-католической церкви не признал это решение ошибкой. Теперь на Кампо ди Фьори стоит бронзовый памятник Бруно.

Однако в XVI в. «святая мать католическая церковь» прекрасно понимала, кого она отправила на костер и почему она это сделала. Один из следователей, ведших дело Бруно, ознакомившись с его взглядами, признал, что это «один из самых выдающихся и редчайших гениев, каких только можно себе представить» (1, с. 274). Но именно это

в конечном счете оказалось губительным для Бруно — масштаб личности, решительное выступление против церковной ортодоксии, глубина и новаторство мысли.

Джордано Бруно родился в 1438 г. в Ноле — пригороде Неаполя. Он получил прекрасное образование. В 28 лет защитил диссертацию и стал доктором богословия. Но к тому времени его философские взгляды были уже далеки от схоластической традиции. Сбросив монашескую рясу, он отправляется в странствия по Европе. Его путь проходит по Швейцарии, Франции, Англии, Германии. Он преподает, читает лекции, пишет и издает научные книги. Бруно принимают при королевских дворах во Франции и в Англии. У него появляются ученики и последователи.

Характеризуя время, в которое жил Бруно, Энгельс справедливо писал, что это была эпоха, которая нуждалась в титанах и которая породила титанов по силе мысли, страсти и характеру, по многосторонности и учености. К числу этих титанов несомненно принадлежал и Ноланец.

Какими же чертами характера должны были обладать эти люди, мысли и дела которых отвечали бы нелегким требованиям переломной эпохи? Ответу на этот вопрос Бруно посвятил книгу, которую назвал «De gli Heroici Furogì» — «О героической страсти». Это книга о мистической любви, о торжестве духа над материей. Человек, утверждает Бруно, должен пробудить в себе искру божественного огня. Цель героического человека не имеет конца, он должен работать для блага людей.

В русском переводе это сочинение Бруно известно под названием «О героическом энтузиазме». Хотя это не очень точно, но замысел Ноланца передан верно. Греческое слово *entusiasmos* означает экстаз, воодушевление, наполненность Богом, страстное увлечение идеями и полное напряжение сил ради нее. Именно так прожил свою жизнь сам Бруно.

В этой своей книге Бруно формулирует нечто вроде нравственного кодекса Героического Энтузиаста. Путь героя через тернии к звездам — это борьба света и тени, испытание силы духа. Победить в борьбе — значит победить страх. Энтузиаст должен «выказать силу и крепость, подобную каменному дубу». Необходимо научиться отстаивать

вать свои убеждения: «ведь мудрый не меняется каждый месяц, тогда как глупый меняется, как луна». А потому нужно иметь силу, противостоять мнению толпы. Главной опорой Энтузиаста должна стать сила разума: «умственная сила никогда не успокоится, никогда не остановится на познанной истине».

Это были принципы, от которых Бруно не отступал никогда, даже в застенках инквизиции, где он провел последние восемь лет своей жизни. Главное, чего он добивался, — это открыть людям путь в золотой век. Критикуя средневековую схоластику, основанную на учении святой церкви и выхолощенных трудах Аристотеля, Бруно отстаивал собственную «философию рассвета», истоки которой лежат в идеях Пифагора и Платона, а также в средневековом учении герметизма. В основе этого учения, приписываемого современнику Моисея Гермесу Трисмегисту — Трижды Величайшему, лежит перенос представлений о строении Космоса на отношения между людьми, и наоборот — попытка понять космос через микрокосм, через человека.

В своей книге «О бесконечности, Вселенной и мирах» Бруно писал: «Существует бесконечное, то есть эфирная область, в которой находятся бесчисленные и бесконечные тела вроде Земли, Луны, Солнца, называемые нами мирами... Разумному и живому уму невозможно вообразить себе, чтобы все эти бесчисленные миры, которые столь же великолепны, как наш, или даже лучше его, были лишены обитателей подобных нашим или даже лучших; эти миры суть солнца или же тела, которым солнце посылает свои божественные и живительные лучи».

В этой бесконечной Вселенной, провозглашал Бруно, каждый разумный обитатель, каждый человек несет в себе частицу Бога. А все наши беды, толковал он, — результат забвения этой истины и отхода от нее. А потому путь в золотой век лежит через преодоление мертвящей ортодоксии, через освобождение божественной сущности и укрепление человека. Именно эти идеи он отстаивал при дворе Генриха III, а потом Генриха IV во Франции и при дворе Елизаветы I в Англии. В его трудах нет термина «просвещенная монархия», но свои надежды Бруно явно связывал именно с ней.

Отстаивая истины новой философии, Бруно не мог не войти в острый конфликт с защитниками средневековой схоластики, которая требовала слепого подчинения букве святого писания и велениям церкви. Подавить ростки нового образа мыслей стремился не только Ватикан, те же цели преследовали также и сильная и крайне ортодоксальная Испания. Испанские короли из династии Габсбургов пытались поставить под свой контроль всю Европу.

Это было трудное и опасное время. Но гордый Ноланец не хочет склонить головы перед своими противниками. Говоря о них, он не стесняется в выражениях, клеймит их лицемерие и невежество. В книге «Тайна Пегаса» он высмеивает некоего Онория — любителя пустого красноречия, который после череды перевоплощений становится подобным ослу догматистом. «Торжествующий Зверь» — называет его Бруно.

Героический Ноланец прекрасно понимал, что этот Зверь никогда не простит посягательств на его власть над душами людей. Предвидя свою судьбу, он писал: «Я же не считаю, что меня что-либо может связать, так как убежден, что не хватило бы никаких веревок и сетей, которые смогли бы меня опутать какими бы то ни было узами, даже если бы с ними, так сказать, пришла сама смерть».

От своих взглядов Бруно не отрекся, даже оказавшись в застенках инквизиции. Восемь долгих лет его подвергали многочисленным допросам и изощренным пыткам. Содержали в сырой камере, где нельзя было выпрямиться во весь рост. Целый год один из высших иерархов церкви кардинал Беллармин лично пытался принудить Бруно к отречению — публичное унижение мыслителя, которого знала вся Европа, не без оснований полагали инквизиторы, остановит дальнейшее распространение его опасных идей.

Но Героический Энтузиаст не уступил. «Брат Джордано Бруно Ноланец, — говорится в отчете инквизиции, — заявил, что не должен и не желает отречься, не имеет, от чего отречься, не видит оснований для отречения и не знает, от чего отречься». Вновь и вновь повторяя одно и то же столь желанное для них слово «отречение», тюремщики явно не могли скрыть своей растерянности.

«Вы с большим страхом произносите приговор, — бросил в лицо своим судьям Бруно, — чем я его выслушиваю». Взойдя на костер, он победил. Цена, которую он заплатил за свою победу, была страшной, но его идеи и его дело были для него важнее всего.

Идейный вдохновитель казни Бруно кардинал Беллармин в том же году, когда Ноланец взошел на костер, опубликовал книжку «Вздых голубки», состоящую из «сладчайших» и «проникновеннейших» бесед с самим собой. Ныне и самого Беллармина, и его насквозь фальшивые сочинения вспоминают лишь в связи с драматической историей Ноланца. А вот имя Джордано Бруно осталось в веках.

Мне хочется процитировать прекрасные строки, которые посвятил подвигу Бруно замечательный русский поэт Иван Бунин:

*Я умираю — ибо так хочу.
Развей, палач, развей мой прах презренный!
Привет Вселенной, Солнцу! Палачу! —
Он мысль мою развеет по Вселенной!*

Около пятидесяти лет назад, анализируя обширный этнографический материал, Л.Н. Гумилев выявил закономерность исторического развития: время от времени ход истории резко ускоряется под действием пассионарных толчков целенаправленной активности. Пассионарность — это способность человека к сверхнапряжению и жертвенности ради достижения высокой цели. Носителями этой способности являются пассионарии — люди энергоизбыточного типа, обладающие даром увлечь окружающих, передать им свои поведенческие установки, сообщить свой энтузиазм. Нет сомнений, что Бруно принадлежал именно к такому типу людей.

Нельзя исключить, что источником этой пассионарной активности служат поступающие из Космоса импульсы, физическая природа которых пока неясна. В разговоре со мной Лев Николаевич упомянул известного физика-теоретика академика А.М. Будкера, с которым он обсуждал эту идею.

И если эта мысль Гумилева содержит рациональное зерно, то в качестве другого человека, обладавшего столь же высоким зарядом пассионарности, можно назвать нашего великого соотечественника К.Э. Циолковского, который уже с ранней юности думал о завоевания Космоса. В нашей стране и за рубежом он получил заслуженное признание как основоположник космонавтики, однако наряду с широко известными работами, посвященными техническим вопросам, перу Константина Эдуардовича принадлежит не менее ста книг, брошюр и статей по мировоззренческим и философским, этическим, социологическим, футуросинергетическим и другим гуманитарным вопросам. Обращение к этим дорогим для Циолковского проблемам сближает его труды с тем направлением творческого поиска, в котором двигалась мысль великого Ноланца.

Цели, ради которых трудился Циолковский, близки к замыслам Бруно. «Я надеюсь, — писал Циолковский, — что мои работы может быть скоро, а может быть и в отдаленном будущем дадут обществу горы хлеба и бездны могущества». Его предвидение оправдалось: космонавтика к концу XX в. превратилась в одно из наиболее эффективных направлений хозяйственной деятельности человечества.

Но значение творческого наследия основоположника космонавтики выходит за пределы одних только технических достижений. К сожалению, цикл работ Циолковского по гуманитарным проблемам известен значительно меньше, так как из-за противодействия идеологической цензуры публикация большинства из них в советский период вашей истории оказалась невозможной.

Между тем, в наше время задуматься поглубже над этой частью творческого наследия Циолковского далеко не бесполезно. Есть одна весьма драматичная примета наших дней. Общество не может жить без идей, без идеалов, страна не может существовать без государственной доктрины. Ничего этого сегодня нет у России. Впервые за несколько сотен лет ее существования страна оказалась в идеологическом вакууме. И никакие пустые обещания не смогут заменить отсутствующей стратегической концепции выживания России и ее перехода к регулируемому,

устойчивому будущему. Поиски такой концепции сегодня являются наиболее приоритетной задачей, от решения которой зависит судьба страны.

Русская философская и культурная традиция, в русле которой немаловажное место занимает творческое наследие Циолковского, может стать той идейной и моральной основой, на которой могут быть найдены способы воссоздания духовной самобытности России и ее национального возрождения.

Во-первых, это русский натурфилософский космизм как ощущение сопричастности живому Космосу. Идейная переключка с «философией рассвета» Джордано Бруно просматривается здесь явственно. Пренебрежение этим фактором привело к тому, что получил распространение взгляд на Космос как на пустое пространство, заполненное космическими телами, в котором человек вправе распоряжаться как в собственной мастерской. Эти взгляды послужили идейной основой современной экологической безответственности.

Второй важный для нас урок Циолковского также связан с его космической философией — это синкретизм, ощущение целостности бытия при всей его внутренней противоречивости, вселенского единства эволюционного процесса. Именно исторический жизненный порыв, пассионарный импульс во все времена сообщал объединительный смысл целостному российскому суперэтосу, и только он в состоянии вернуть ему сегодня историческую перспективу.

Третий урок, который дает нам Циолковский, — это этико-центризм. Наиболее пространная работа Циолковского «Этика, или естественные основы нравственности» посвящена именно этим проблемам. Над вопросами научного обоснования этических принципов Циолковский трудился около 35 лет; первая его работа на эту тему датирована 1902–1903 гг., последняя — «Космическая философия» — мае 1935 г., т.е. всего за несколько месяцев до кончины ученого.

Этот завет Циолковского имеет исключительно важное значение в наше время небывалого криминального разгула. Не случайно современные противники России в качестве главной мишени своих пропагандистских усилий вы-

брали этико-центристские традиции нашего национально-го менталитета. И снова мы можем отметить параллель с нравственным кодексом Героического Энтузиаста, над которым размышлял Бруно.

Сравнивая особенности творческого поиска Циолковского и Ноланца, нетрудно заметить общую черту, которая присуща им обоим, — это явные признаки утопического мышления. Для стиля, в котором выдержаны работы Бруно — современника Кампанеллы и Томаса Мора, это совершенно естественно. Сложнее обстоит дело с Циолковским. Подготовленная им программа последовательных этапов освоения космического пространства к настоящему времени оказалась выполненной более чем наполовину, причем почти в точном соответствии с его прогнозом. В то же время его проекты преобразования Земли и освоения человечеством Солнечной системы, а затем и звездных миров, несомненно, носят утопический характер.

Было бы, однако, ошибкой отказываться на этом основании от этой части наследия основоположника космонавтики. Утопии, отмечал известный писатель-фантаст А. Кларк, — это естественная тренировка ума для тех, кто желает смотреть вперед более чем на десятилетие. Как бы соглашаясь с ним, сам Циолковский писал: «Сначала неизбежно идут мысль, фантазия, сказка. За ними шествует научный расчет. И уже в конце концов исполнение венчает мысль».

Исполнение великих замыслов — это удел пассионариев, Героических Энтузиастов. Только теперь их сила должна быть в другом — здесь нужны прирожденные лидеры, практики, люди дела. Нашей стране повезло: когда подошло время становления практической космонавтики, эту работу возглавил человек именно такого склада. Это был Сергей Павлович Королев.

Сохранились документальные кинокадры, показывающие руководителей партии и правительства во главе с Л.И. Брежневым на торжественном мероприятии по случаю вручения наград в связи с очередной победой, одержанной на космических орбитах. Диктор перечисляет членов Политбюро, получивших ордена и золотые звезды героев. Награжденные радостно смеются и пожимают друг

другу руки, поздравляя с успехом. Если приглядеться, за спиной одного из них можно увидеть половину лба и один глаз человека, о котором диктор не сказал ни единого слова. Это и был С.П. Королев...

К тому времени имя его гремело по всему миру. И только наши СМИ до самой его смерти вынуждены были писать о безымянном Главном конструкторе, следуя идиотической инструкции, единственный смысл которой состоял в уничтожении подлинных творцов истории космонавтики. Не случайно древняя мудрость гласит: *per aspera ad astra* — через тернии к звездам. Путь Королева к великим свершениям был нелегок. Ему пришлось пройти через застенки ГУЛАГа, через голод и нищету, через потерю близких и предательство друзей, научиться мастерству общения с высоким, но малокомпетентным начальством, овладеть навыками руководства большими и сложными коллективами.

Читая страницы биографии таких людей, как К.Э. Циолковский и С.П. Королев, поневоле вспоминаешь нравственный кодекс Героического Ноланца. Почти наверняка ни один из них никогда не держал в руках этой книги. Но принципами пассионарного Энтузиаста каждый из них руководствовался всю жизнь.

Огромная работа, которая была задумана К.Э. Циолковским и проведена в жизнь С.П. Королевым вместе с другими творцами космической техники, возглавившими большие коллективы энтузиастов, дала свои плоды. Создание ракетного щита явилось первостепенным фактором, который исключил возможность перерастания «холодной войны» в самоубийственный ядерный конфликт. Мировая история не знает другого такого периода, когда в течение более половины столетия на земном шаре не велись бы крупномасштабные боевые действия с участием наиболее сильных государств.

К настоящему времени космические системы стали неотъемлемой частью хозяйства Земли. Прибыль, которую приносит космическая деятельность, исчисляется десятками миллиардов долларов. Глобальные информационные космические системы связи обеспечили возникновение небывалого ранее феномена — единого информационного пространства для всей Земли. Космические исследования

открыли бесценные возможности расширить наши знания о собственной планете, о Солнечной системе, о других звездных мирах. Будучи лидирующей отраслью машиностроения, космическая техника задает направления и темпы развития другим отраслям промышленности.

Все, что мы имеем в этой области сегодня, — плоды деятельности великих пассионариев, Героических Энтузиастов. Говоря об их славной когорте, нельзя не упомянуть имени первого космонавта планеты Юрия Алексеевича Гагарина. О подвиге Гагарина сказано много верных и справедливых слов. Но мне хочется проследить за другим поворотом мысли, который тоже важен для обсуждаемой темы.

Процитирую стихотворение Наума Коржавина, посвященное полету Гагарина:

*Шалеем от радостных слез мы.
А я не шалею — каюсь:
Земля — это тоже космос.
И жизнь на ней — тоже хаос.
...Идти сквозь него опасней,
Чем в космос взлетать в ракете,
Пускай там тарелки, блюда,
Но здесь — пострашней несчастья:
Из космоса можно вернуться,
А здесь — куда возвращаться?*

«Над миром взлететь в ракете, — признает поэт, — легкая это работа, и нервы нужны тут стальные. Все правда». Но можно ли думать, спрашивает он, что полеты в космос нужны людям, что они «всем приносят на унцию больше счастья», когда «у планеты — астма». А потому поэт не чувствует себя вправе присоединиться к всенародному торжеству и завершает свое стихотворение на тревожной ноте:

*Гремите вовсю, орудья!
Радость сия — велика есть:
В Космос выносят люди
Их победивший
Хаос.*

Конечно, мы живем в другую эпоху: сегодня за стремление в Космос на костер больше не посылают. Но вот мысль о том, что человечеству не нужен космос, что людям следует оставаться на своей планете и позаботиться о наведении на ней порядка, сегодня высказывают многие. И не только поэты. Среди критиков эколог Н.Ф. Реймерс, философ В.А. Кутырев. Профессор В.И. Данилов-Данильян предлагает свернуть научно-технический прогресс, доктор геолого-минералогических наук З.А. Зубаков рассматривает возможность передать его под контроль киборгов, которые, заменив людей, устремятся к звездным далям.

В рассуждениях современных противников космонавтики нетрудно обнаружить рецидивы утопического мышления. Но дело не только в этом. Антикосмические выступления имеют также мировоззренческую основу, их авторы практически отрицают космическую философию, в становление которой внесли свой вклад Джордано Бруно, К.Э. Циолковский, В.И. Вернадский и многие другие мыслители. Человек — дитя Космоса. Космос — это наш дом и наша судьба. Перефразируя изречение древних народов моря *navigare necesse est, vivere non necess* (жить не жить, а в море ходить надо), мы можем сказать: *cosmogare necesse est* — космонавтика необходима.

Для нашей страны забывать эту истину никак нельзя: отечественная космонавтика остается, пожалуй, единственной отраслью, способной выдерживать конкуренцию на международном рынке высоких технологий. Если мы допустим ее утрату, это неизбежно ускорит скатывание страны к фазе обскурации — так Л.Н. Гумилев назвал этап эволюции, когда пассионарное движение падает ниже критической отметки и активизируются процессы распада.

А что же Гагарин? Сомнения поэта на его счет лишены оснований. Подвиг покорителей космоса можно уподобить делам первооткрывателей далеких заморских земель или пилотов, освоивших воздушный океан. Это люди высокой отваги, негибаемого упорства и мужества, первоклассные профессионалы своего дела. Только благодаря их труду продвигаются в жизнь смелые замыслы и инженерные проекты, обгоняющие время. Героические энту-

зиасты — это сказано и про них тоже. Пассионарный порыв нужен нашей стране сегодня — без него Россия не сможет преодолеть тяжелый кризис и перейти к устойчивому будущему.

Гагарин провел в космосе всего полтора часа. Но этот короткий полет буквально потряс весь мир. Волны энтузиазма прокатились не только по нашей стране, но и по всем континентам.

Но была и другая реакция. Около года спустя после полета Гагарина Линдон Джонсон, ставший к тому времени президентом США, говорил: «Римская империя контролировала мир потому, что сумела построить дороги. Затем, когда началось освоение морских пространств, Британская империя доминировала в мире, так как имела корабли. В век авиации мы (США) были могущественны, поскольку имели в своем распоряжении самолеты. Сейчас коммунисты захватили плацдарм в космосе».

Опасения политической элиты США имели под собой основания: их техническому могуществу был брошен вызов. И дело было не только в технике: 1960-е годы явились временем, когда набирали силу процессы перехода развитых стран к постиндустриальному обществу. Американский экономист Д. Белл следующим образом определял основные признаки этого перехода: центральная роль теоретических знаний и передовых технологий, роль которых начинает превалировать над традиционным капиталистическим принципом частной собственности, человеческий потенциал как основная движущая сила экономического роста, изменение профессионального состава рабочей силы, выражающееся в переходе ведущей роли к категориям труда, которые Маркс называл «непроизводительными» (сфера услуг, образование, наука и др.), перестройка социальной структуры общества, выражающаяся, в частности, в примате вертикальных связей структурных единиц — ситусов.

Вспоминая ту реальность, в которой в то время существовали отечественная космическая отрасль, а также и некоторые другие передовые области народного хозяйства, нетрудно понять, что их развитие происходило именно по этим ориентирам. Можно поэтому утверждать, что полет Гагарина явился символом, знаковым событием, обозна-

чившим подъем первой волны постиндустриальной трансформации. Нет сомнений, это было событие, которое открывало перед всем человечеством дорогу к новым эволюционным перспективам.

К сожалению, эти возможности не были использованы или были использованы в совершенно недостаточной степени. Это касается в первую очередь нашей страны, которая поневоле отстала от Запада на стадии второй волны постиндустриальной трансформации — информационной революции. В результате к 1990 г. в США около половины ВВП приходилось на пятый, информационный, технологический уклад, в то время как в СССР — всего 6%. Но в 1961 г., когда космический корабль Гагарина вышел на околоземную орбиту, положение было иным: страна несомненно входила в группу мировых научных и технологических лидеров. И произошло это во многом благодаря энтузиазму тысяч самоотверженных тружеников — ученых, конструкторов, инженеров, рабочих, испытателей, руководителей.

Если коротко коснуться причин последующего отставания от Запада, то они состояли в неготовности партийно-государственной элиты провести необходимую радикальную перестройку социально-экономической структуры советского общества, в идеологической зашоренности и теоретическом догматизме, а затем и крайне неудачной стратегии реформ. В обстановке наступающего развала хозяйственной жизни росли настроения безответственности и равнодушия. Немало людей делали свое дело спустя рукава, допуская многочисленные нарушения строгих инструкций и должностных правил. К проявлениям былого энтузиазма начинали порой относиться как к чудачеству, по принципу «тебе что — больше других надо?» На смену радости от общих успехов приходила тайная зависть к чужим достижениям.

Людям, которые привыкли беззаветно отдавать нужному делу все силы, в этой обстановке становилось душно. Равнодушие, интриги, стена бюрократизма, предательство друзей изматывали нервы.

Нина Ивановна, жена Королева, вспоминает: Сергей Павлович приходил с работы издерганный. В последние годы, возвращаясь с каких-то совещаний, был уже не

столько раздражен, сколько измучен и говорил в запале: «Я не могу так работать. Я так больше работать не могу! Я уйду!». А за месяц до смерти Королева его заместителю В.Д. Вачнадзе запомнилась другая фраза: «Вот доживу до шестидесяти лет и все! Ни дня больше не останусь, уйду цветочки сажать!»

Спустя два дня после своего шестидесятого дня рождения, 14 января 1966 г. Сергей Павлович Королев умер в кремлевской больнице на операционном столе. Рассказывают, что операция была подготовлена не лучшим образом, и сердце Королева остановилось спустя полчаса после того, как она была закончена. И только тогда народу объявили, как звали Главного конструктора.

Ненадолго пережил его и первый космонавт планеты. 27 марта 1968 г. самолет, который вели Ю.А. Гагарин и В.А. Серегин, потерпел аварию. По свидетельству учителя Гагарина профессора С.М. Белоцерковского и друга Юрия Алексеевича космонавта А.А. Леонова, причиной их гибели стало большое количество технических нарушений и ошибок, которые допустили службы, готовившие полет. Удивительную безалаберность проявил технический персонал, а некоторые высокопоставленные руководители, боясь личной ответственности, постарались засекретить многие детали этой трагедии.

Полет Гагарина в космос стал знаковым событием не только для нашей страны, но и для всего человечества. Историческая драма состоит в том, что столь же знаковой оказалась и его гибель — она четко обозначила те процессы социально-экономического и нравственного развала, которые привели в последующие годы и к Чернобыльской катастрофе, и к Беловежским соглашениям, и к неолиберальным реформам, и ко многому другому. Юрий Алексеевич Гагарин позвал нас в космос. А своей гибелью обозначил ту цену, которую приходится платить за безответственность, некомпетентность и равнодушие.

Думая о судьбе Королева, Гагарина и других людей высокого духовного порыва и творческой увлеченности, я вспоминаю прекрасные стихи, посвященные подобным энтузиастам:

*Когда свободно крылья я расправил,
Тем выше понесло меня волной,
Чем шире веял ветер надо мной;
Так дол презрев, я ввысь полет направил.
Дедалов сын себя не обесславил
Паденьем; мчусь я той же вышиной!
Пускай паду, как он: конец иной
Не нужен мне» — не я ль отвагу славил?
Но голос сердца слышен в вышине:
«Куда, безумец, мчимся мы? Дерзанье
Нам принесет в расплату лишь страданье...»
А я: «С небес не страшно падать мне!
Лечу сквозь тучи и умру спокойно,
Коль смертью рок венчает путь достойный...»*

Эти строки принадлежат автору «Героического энтузиазма» Джордано Бруно.

Г л а в а 2

РУССКАЯ ИДЕЯ В ЕЕ САМОДВИЖЕНИИ

Национальная идея — это концентрированное представление менталитета нации, программная целевая установка в ее саморазвитии. Разумеется, в такой форме ее конструирование — это задача небольшого количества интеллектуалов, думающих над судьбами своей Родины.

Русская национальная идея начала формироваться одновременно с возникновением нашей государственности при великом князе Иване III.

Все началось с послания старца Филофея: «Яко два Рима пизоша, а третий стоит, а четвертому не быти». Первичным в этом послании был апокалиптический минор. Приближалась круглая дата — семь тысяч лет со дня сотворения мира, и в связи с этим ожидалось наступление Страшного суда. Филофей предостерегает: «Приидет же день Господень, яко тать в нощи». Если Москва — третий Рим, то и последний. Наступила последняя эпоха, последнее земное царство.

«Твое христианское царство инем не достанется», — предупреждает Филофей. А потому надо со смирением хранить чистоту веры и соблюдать заповеди. Филофей предостерегает и даже грозит великому князю.

Первые уточняющие споры вокруг этой идеи вели два лагеря русской православной церкви — осифляне и завожские старцы. Сталкивались два религиозных замысла, два религиозных идеала. Лидер первых Иосиф Волоцкий вдохновлялся идеей социального служения и призвания Церкви. Монашескую жизнь он рассматривал как некое социальное тягло, как особого рода религиозно-зем-

скую службу. Этому Божьему тяглу и царь подзаконен, а если он от этого уклоняется, то он «не Божий слуга, но диавол, и не царь, а мучитель».

Лидером заволжского движения был «князь-инок» Вассиан Патрикеев. Его идеей было творческое созерцание духовного и нравственного сложения христианской личности. Это была аскетическая школа духовного бедения.

Победа в этом противостоянии осталась за осифлянами. После некоторых колебаний их поддержала великокняжеская власть. Понять, почему это произошло, нетрудно: заволжцы призывали к «мысленному деланию» и уходу от мирских дел, осифляне же были настроены на социальную активность, а потому могли послужить опорой княжеской власти.

Что же касается русской идеи, то уже в следующем XVII в. она была наполнена другим содержанием. Если Московский царь есть последний, то он и Всемирный Царь. Московские цари, начиная с Ивана IV, хотели быть наследниками византийских императоров, не выступая из Москвы и не вступая в Константинополь. Произошло явное сужение православного горизонта.

Родились легенды о проповеди апостола Андрея на Руси. Историческая память о духовном родстве с Византией угасает. Решающим становится национальное самоутверждение. Укрепляются связи с Западом. Брак Ивана III с Софией Палеолог означает усиление этих связей: ее воспитателем был кардинал Виссарион. Н.М. Карамзин пишет об Иване III, что он «разодрал завесу между Европою и нами».

О времени Петра I принято говорить как о Петербургском перевороте — решительном сближении с Западом. Это не совсем верно. Петр застал в Москве уже целое поколение, воспитанное на западных мыслях. Это, конечно, облегчило проведение его реформы. Великой заслугой Петра явилось возвращение исконных русских прибалтийских земель. Наследники Петра продолжили тенденцию выхода к естественным границам русского государства.

А теперь перенесемся в XIX в. Когда у нас хотят подчеркнуть особую роль России в мире, ее непохожесть на

все прочие страны, то любят цитировать известное четверостишие Ф.И. Тютчева:

*Умом Россию не понять,
Аршином общим не измерить:
У ней особенная стать —
В Россию можно только верить.*

Но правильно ли мы понимаем нашего поэта, имел ли он в виду некую сакральную тайну, связанную с Россией, или что-то другое? Чтобы ответить на этот вопрос, обратим внимание на дату, которая стоит под стихотворением: 28 ноября 1866 г. Это было очень беспокойное время. Россия только-только начала оправляться после тяжелого и позорного поражения в Крымской войне. В жестокой внутренней борьбе проводились освободительные реформы Александра II, и террористы уже начали охоту на царя. Вряд ли это время располагало к раздумьям о сакральных тайнах.

И в самом деле, уже день спустя в другом стихотворении Тютчев разъясняет, над чем в действительности трудилась его мысль. Посвящая это стихотворение юбилею Н.М. Карамзина, он спрашивает:

*Какой пошлем тебе привет —
Тебе, наш добрый, чистый гений,
Средь колебаний и сомнений
Многотревожных этих лет?
При этой смеси безобразной
Бессильной правды, дерзкой лжи...*

И еще более ясно месяц спустя снова обращается к теме Родины:

*Ты долго ль будешь за туманом
Скрываться, Русская звезда,
Или оптическим обманом
Ты облачишься навсегда?*

— Не рассыплешься ли ты в ночи, — с болью в сердце спрашивает поэт, — пустым и ложным метеором? При та-

кой постановке вопроса в Россию действительно оставалось только верить.

Находясь в этом смятении чувств, поэт писал друзьям: «Мы идем навстречу самому суровому уроку, самому убийственному разочарованию, и, поистине, это будет нам поделом». И в другом письме: «Разложение повсюду. Мы двигаемся к пропасти не от излишней пылкости, а просто по нерадению. В правительственных сферах бессознательность и отсутствие совести достигли таких размеров, что этого нельзя постичь, не убедившись воочию».

Нет, определенно ошибаются наши национал-патриоты: вовсе не тайное восхищение и гордость «особенностью» России звучат в знаменитом четверостишии поэта, а скорее чувство растерянности и горечи за ее беспорядочные и бессмысленные метания на фарватере европейской истории.

Эти тяжкие раздумья поэта над судьбами своей родины мы поймем лучше, если вспомним, над какими проблемами работала его мысль за четверть века до этих событий. Проведя долгие годы за границей на дипломатической службе, поэт мог наблюдать бурную жизнь Европы, сотрясаемой революциями. Его увлекли идеи славянофилов благостной исключительности России. Французская революция с ее жестокими бунтами черни и кровавым террором якобинцев была воспринята ими как крах царства Разума эпохи Просвещения. Западной цивилизации с ее торжеством бездушного рационализма они противопоставляли органическое развитие национальной самобытности. «Нам стыдно было бы не перегнуть Запад, — писал А.С. Хомяков. — Англичане, французы, немцы не имеют ничего хорошего за собой... Надежда наша велика на будущее». Даже А.И. Герцен, понимая социализм как «мир общины», писал, что это тот мост, на котором западники и славянофилы могут подать друг другу руку. И все вместе стояли за войну и за захват Константинополя. Тютчев тоже писал об этом:

*И своды древние Софии
В возобновленной Византии
Вновь осенит Христов алтарь
Пади пред ним, о царь России,
И встань как всеславянский царь.*

Имевший по роду дипломатической службы высокое звание камергера Тютчев не мог остановиться на одних поэтических мечтаниях. Его занимали масштабные геополитические проекты. В статье «Россия и Германия», опубликованной в 1844 г., он писал: теперь «остаётся только узнать, что Восточная Европа, уже на три четверти установившаяся, эта действительная империя Востока, для которой первая империя византийских кесарей, древних православных императоров, служила лишь слабым, неполным начертанием, что Восточная Европа получит свое последнее, самое существенное дополнение, и получит ли она его путем естественного хода событий или будет вынуждена достигнуть его силою оружия, подвергая мир величайшим бедствиям». Подобный ход событий в такой степени не вызывал у Тютчева никаких сомнений, что он даже полагал, что Константинополь станет центром православия в 1853 г., спустя ровно 400 лет после его завоевания турками.

В изложении Тютчева эта Русская идея, восходившая к старой формуле «Москва — третий Рим, а четвертому Риму не быть», превращалась во всеохватную, едва ли не глобального масштаба, концепцию. Вся политическая и религиозная будущность человечества, писал Тютчев в своих геополитических трактатах, зависит от исхода борьбы между Россией и волнами Революции, поднимающимися с прогнившего Запада. Новая, послереволюционная эра, по его словам, начнется в Европе после того, как будут решены две задачи. Первая — это образование православной Империи Востока, которая поглотит Австрию, возвратит себе Константинополь, установит протекторат над Италией. Вторая должна заключаться в воссоединении восточной и западной церквей, в результате которого в Риме появится православный папа, ставший подданным православного императора. Так, согласно геополитическому проекту Тютчева, должен был выглядеть провиденциальный конец истории.

Николаевские бюрократы разделяли мысли Тютчева о цивилизационной неполноценности Европы, зараженной сатанинской чумой революции. Готовность противостоять гнилостным зародышам революции послужила для них основой для претензий России на мировое господство.

Православная Империя, убеждали они Запад, поможет ему избавиться от этой губительной заразы.

Усвоенная ими не без содействия Тютчева, ставшего чем-то вроде «серого кардинала» этой политики, Русская идея была проста до примитивности: запугав правителей Европы призраком революции, вынудить их согласиться на захват Константинополя и возобновление Византии. Эти затеи настолько вскружили голову российской политической элите, что никто из них не мог сообразить, что эта стратегия вела напрямик к катастрофе.

Как мог умница Тютчев позволить себе увлечься этими бредовыми и губительными идеями? Простого ответа на этот вопрос не существует. Быть может, все дело в том, что под гнетом самовластного деспотизма страна неуклонно шла в исторический тупик, а интеллектуальная элита — точнее, та ее часть, которая не была подвергнута жестоким репрессиям, — занималась измышлением псевдоспасительных мифов и утопических проектов. Поветрие этой Русской идеи национального самообожания охватило не одного только Тютчева, его влияние испытали даже Пушкин и Гоголь. Европа придет к нам не за покупкой пеньки и сала, писал автор «Мертвых душ» и «Ревизора», а за мудростью, которой нет больше на европейских рынках.

В унисон с этими настроениями действовало и самодержавие. Приведем авторитетное свидетельство А.И. Герцена: «Для того, чтобы отрезаться от Европы, от просвещения, от революции, пугавшей его с 14 декабря, Николай, со своей стороны, поднял хоругвь Православия, Самодержавия и Народности, отделанную не манер прусского штандарта и поддерживаемую чем попало — дикими романами Загоскина, дикой иконописью, дикой архитектурой, Уваровым». Все эти пышные декорации прикрывали по-настоящему дикие крепостнические порядки николаевской России. Эта система не могла быть потенциально устойчивой, и для придания ей стабильности самодержавие обратилось к стародавнему имперскому рецепту — внешнеполитической агрессии. И тут его планы вошли в резонанс с мечтаниями Тютчева и других творцов Русской идеи нововизантийской цивилизации. «Русский государь теперь ближе Карла V и Наполеона к их мечте об

универсальной империи,» — провозгласил профессор Московского университета М. Погодин.

И Николай решил. «Думаю, что сильная экспедиция с помощью флота прямо в Босфор и Царьград, — писал он весной 1853 г., — может решить дело весьма скоро... Сего достаточно, чтобы при неожиданном появлении не только овладеть Босфором, но и самим Царьградом». Тютчев мог торжествовать: его мечта вот-вот воплотится в жизнь.

Но за этот полный отрыв от реальности надо было платить. Плата оказалась ужасной: позор Крымской катастрофы. Европа, которую замыслили спасти петербургские пикрошоли, восстала против России, оказавшейся в полном одиночестве. Это был страшный удар. Николай не смог его перенести: узнав о падении Севастополя, он умер. Есть версия, что он принял яд. Так это или не так, но случившееся означало полный крах его идеи официальной народности.

Для Тютчева это тоже был тяжелый удар. Первоначальная его реакция свидетельствовала о смятении чувств, охватившем поэта:

*Теперь тебе не до стихов,
О слово русское, родное!
Созрела жатва, жнец готов,
Настало время неземное...
Ложь воплотилась в булат
Каким-то Божьим попуценьем...*

Но надо было собраться с силами и разобраться в том, что же собственно случилось, почему произошла катастрофа, которой никто не ожидал. «Подавление мысли, — пишет он жене весной 1855 г., — было в течение многих лет руководящим принципом правительства... Все подверглось этому давлению, все и все оступели». Надо было дать ответ на традиционный русский вопрос: кто виноват? И поэт обращается к почившему императору, которого еще недавно призывал надеть корону всеславянского царя возобновленной Византии:

*Не Богу ты служил и не России,
Служил лишь суете своей,*

*И все дела твои, и добрые, и злые, —
Все было ложь в тебе, все призраки пустые:
Ты был не царь, а лицедей.*

Растревоженная мысль поэта не останавливается на этих инвективах Николаю, она идет дальше и глубже. Приведем отрывок из его письма графине Е. Блудовой, дочери президента Академии наук Д.Н. Блудова. «Власть в России, — говорится в этом письме, — такая, какую ее образовало ее собственное прошлое своим полным разрывом со страной и ее историческим прошлым, эта власть не признает и не допускает иного права, кроме своего, и это право... исходит не от Бога, а от материальной силы самой власти, и эта сила узаконена в ее глазах уверенностью в превосходстве своей весьма спорной просвещенности».

А что же российское общество, спрашивает поэт и уточняет: «Я говорю об обществе привилегированном и официальном». Это общество, с презрением отзывается о нем Тютчев, — «благодаря направлению, усвоенному им в течение нескольких поколений, не имеет и не может иметь другого катехизиса, кроме катехизиса самой власти».

В чем же состоит в этих условиях истинный смысл задуманной реформы? — ставит вопрос бывший «серый кардинал» универсальной империи, где будут подавлены последние ростки вредоносной свободы. Мне кажется неизбежным, отвечает Тютчев на свой вопрос, что все сведется к произволу, который будет «более деспотический, ибо он будет облачен во внешние формы законности, заменит собою произвол отвратительный, конечно, но гораздо более простодушный и, в конце концов, быть может, менее растлевающий».

Я мог бы извиниться за столь длинную цитату, но, честное слово, не вижу более удачного способа показать, какой крутой вираж совершила за весьма короткий период мысль поэта, вдруг после мечтаний о крестовом походе за «возобновление Византии» заговорившего о собственной эпохе почти теми же словами, которые используют современные историки, оценивая время реформ 1860-х годов. И даже проговаривает наконец заветное слово всех революций — «свобода»:

*Над этой темною толпой
Непробужденного народа
Взойдешь ли ты когда, Свобода,
Блеснет ли луч твой золотой?*

Эти слова в устах бывшего апологета политики Николая дорогого стоят. Похоже, поэт начал избавляться от пустых иллюзий Русской идеи и осмысливать подлинное значение происходящих событий.

Конечно, сегодня мы можем сказать: несмотря на все эти тяжелые переживания, у Тютчева всегда оставалось главное дело его жизни — поэзия. Но парадокс состоял в том, что сам он воспринимал эти свои занятия всего лишь как «вяканье» и «ковырянье». Посылая дочери книгу своих стихов, он отзывался о ней как о «весьма ненужном и весьма бесполезном издании сборника виршей, которые были бы годны разве лишь на то, чтобы их забыли». Несомненно, эти столь странные сомнения делали душевные муки поэта еще тяжелее.

А какова же была судьба Русской идеи, над вынашиванием которой так тяжело трудилась мысль Тютчева? Она продолжала жить, причем, как ни странно, в своем почти первоначальном виде. Правда, теперь у нее появились новые знаменосцы, причем не менее именитые: среди них были Ф. Достоевский, Н. Данилевский, К. Леонтьев. Вот оценка многочисленных «патриотических» публикаций этой поры: «При всем различии своих тенденций от крепостнической до народнической и от скрежещущего мракобесия до бесшабашного зубоскальства, органы этой печати держатся одного общего начала — стихийного и безыдейного национализма, который они принимают и выдают за истинный русский патриотизм». Эта удивительно точная оценка принадлежит великому русскому философу и поэту В.С. Соловьёву.

Начав, как и Тютчев, с увлечения славянофильскими идеями, он подобно своему старшему предшественнику отошел от них и постарался наполнить Русскую идею новым содержанием. Соловьёву было проще проделать этот путь: он был на 50 лет моложе Тютчева.

Размышляя над опасностями, которые таит в себе эта идея в версии возрождения Византии и универсальной

империи, он предложил замечательную формулу цепной реакции, в ловушку которой может попасть национал-патриотизм: «национальное самосознание — национальное самодовольство — национальное самообожание — национальное самоуничтожение». А.Л. Янов удачно назвал эту формулу «лестницей Соловьева». В эту ловушку неоднократно попадала отечественная культурная элита, подталкивая страну к дипломатическому поражению 1878 г. и к военным провалам 1905 и 1917 гг. В другом идеологическом обрамлении это произошло и с Советской Россией.

Но Соловьев не остановился на одной только критике, он предложил свой вариант Русской идеи, очищенный от нездоровых наслоений национализма. Он возражал против сведения ее к «христианской монархической идее» и к исключительно православному наполнению. Соловьев выступал за единство России и Европы, за воссоединение трех ветвей христианства — православия, католичества и протестантства. Этому грядущему воссоединению церковью философ посвятил свою последнюю работу «Три разговора».

Размышляя о смысле и значении Русской национальной идеи, Соловьев писал: «Идея нации есть не то, что она сама думает о себе во времени, а то, что Бог думает о ней в вечности». Следует отказаться, утверждает он, от политики эгоизма и национального отупения, которая неизбежно ведет к крушению. Что же касается истинной Русской идеи, то она «засвидетельствована религиозным характером народа, преобразована и указана важнейшими событиями и величайшими личностями нашей истории». Дух истины, дух любви, дух жизни, дух свободы — в этом, а вовсе не во вступлении в Константинополь и состоит, согласно Соловьеву, смысл и содержание Русской идеи.

И потому Соловьеву оказалась близка и понятна поэзия Тютчева, в которой в отличие от его геополитических трактатов звучат именно те темы, о которых говорил философ. О лирической поэзии Тютчева Соловьев отзывался как о самом драгоценном кладе русской литературы. Он находил, что Тютчеву удавалось «воплощать в осязательных образах высший смысл жизни».

И здесь нельзя не согласиться с философом: Тютчеву, как никому другому, удавалось найти точную словесную форму для того, что, кажется, вообще не имело формы. Он владел загадочным даром проникать в такие сокровенные тайны бытия, в которые невозможно было еще проникнуть с помощью окуляров разума. Поэт и сам осознавал этот свой талант. «Бывают минуты, — писал он, — когда я задыхаюсь от своего бессильного ясновидения, как заживо погребенный, который внезапно приходит в себя». И в самом деле, насколько же тонко и глубоко нужно было воспринимать мир бытия, чтобы выразить это в незабываемых словах:

*Не то, что мните вы, природа!
Не слепок, не бездушный лик —
В ней есть душа, в ней есть свобода,
В ней есть любовь, в ней есть язык...*

Кажется, своим духовным взором поэт проникал в такие глубины Космоса которые только в наше время становятся предметом научного исследования. И вместе с тем явственно звучат те нити, которые, по словам Соловьева, и составляют существо Русской идеи: истина, любовь, жизнь, свобода.

Что же касается России, то комментируя творческое наследие Тютчева, Соловьев признает, что ее судьба «зависит не от Царьграда и чего-нибудь подобного, а от исхода внутренней нравственной борьбы светлого и темного начал в ней самой». Если Россия найдет в себе силы стать царством правды и милости, тогда и все остальное — наверное — приложится. И чтобы пояснить эту мысль, философ цитирует стихи Тютчева по поводу изречения Бисмарка о силе, которая только и способна сплотить народы:

*« динство, — возвестил оракул наших дней, —
Быть может спаяно железом и лишь кровью»;
Но мы попробуем спаять его любовью,
А там посмотрим, что прочней.*

Будто вступая со своим предшественником в творческий диалог, Соловьев по-своему раскрывает ту же тему:

*О Русь! В предвиденье высоком
Ты мыслью гордой занята:
Каким ты хочешь быть Востоком:
Востоком Ксеркса иль Христа?*

Нельзя сказать, чтобы поиски Русской национальной идеи, которые увлекали Тютчева и Соловьева, да и не только их, увенчались полным успехом. Им удалось, пожалуй, всего лишь верно угадать то направление, в котором должна двигаться мысль, чтобы получить окончательное решение этого вопроса. Такого решения нет сегодня и у нас.

Но означает ли это, что эти поиски, которые так занимали лучшие умы нашей страны и двести и сто лет назад, ныне уже утратили свое значение? Вряд ли.

В условиях глубокого глобального конфликта значительная часть нашей политической элиты предала интересы своей страны и своего народа, перешла на обслуживание хозяев нарождающегося Рах Америгана. Для России, которую пытается вести эта элита, такой выбор означает самоуничтожение. Но ошибаются те, кто утверждает, что иного не дано, и надо терпеливо нести свой крест. Вопреки их надеждам история многовариантна, и при поиске достойных альтернатив будущего немалую помощь нам способно оказать творческое наследие наших великих предков.

Что же касается мессианского смысла Русской идеи, то вот что пишет по этому поводу А.С. Панарин: «Законы православного бытия таковы, что мы не можем открыть «иное» для самих себя — оно не приватизируемо. Только открыв его для других, мы имеем шанс обрести его и для себя. Таков парадокс нашего мессианства». В иную, лучшую судьбу России верил и Ф.И. Тютчев:

*О, в этом испытанье строгом,
В последней, роковой борьбе,
Не измени же ты себе
И оправдайся перед Богом...*

Что же касается Русской идеи после Октябрьской революции, то здесь нет никаких неясностей: она была заменена коммунистической идеологией. И если ранее размышления о духовной жизни нации были делом высокообразованных интеллектуалов, то владеть хотя бы азами этой идеологии должно было поголовно все население. Это теперь мы знаем, что это была утопическая догма, но те, кто в те времена думал иначе, пребывали в далекой ссылке или спускались в подвалы Лубянки.

После национальной катастрофы 1991–1993 гг. Русская идея испытала очередную трансформацию. Политическая элита перестала проявлять к ней интерес. Ельцин попытался создать комиссию, которая проработала бы этот вопрос, но из этого ничего не вышло.

Пожалуй, наиболее удачную формулировку Русской идеи из тех, которые выдвигались в годы ельцинского безвременья, предложил Алексей Кива: «Эта идея — пустой сосуд, который можно наполнить всем чем угодно».

Однако в начале XXI в. положение изменилось. Запад активизировал давление на Россию, стремясь перевести ее менталитет на либеральную идеологию. Ключевую роль при этом играла концепция прав человека. Но по отношению к России она применялась сквозь призму двойных стандартов. Хочет население Косово независимости, — пожалуйста, важнее всего права человека. Народ Абхазии хочет того же — нельзя, важна территориальная целостность Грузии. Между тем, решение этого вопроса ослабило бы напряженность на южных рубежах России.

В 2006 г. против злоупотребления этой концепцией решительно выступила Русская православная церковь. Есть вещи, отмечают ее иерархи, важнее, чем права человека, — это нравственность, честь, уважение не только к правам, но и к самосознанию других народов, защита Отечества.

Какую же в современных условиях форму следует придать нашей национальной идее? Лучше всего воспользоваться идеей, которую еще в XVIII в. предложил Иван Иванович Шувалов: «Сохранение народа».

В самом деле, что сейчас может быть важнее? Идет процесс вымирания русского народа, и, по оценкам демографов, к концу XXI в. нас может остаться не более 100 миллионов. А этого совершенно недостаточно для того,

чтобы обустроить огромные географические просторы страны и ее природные богатства. Между прочим, Д.И. Менделеев предсказывал, что в XXI в. нас должно быть 500 миллионов.

Что необходимо для того, чтобы остановить процесс вымирания? Для этого можно предложить простую тернарную формулу: «инновационная экономика — социальная обеспеченность — национальная безопасность». Примет ли эту формулу наша правящая политическая элита?

Г л а в а 3

КАК ГРУСТНА НАША РОССИЯ!

Прекрасна русская природа!

«Божественная ночь! Очаровательная ночь! Недвижимо, вдохновенно стали леса и кинули огромную тень от себя. Тихи, покойны эти пруды; холод и мрак вод их угрюмо заключен в темно-зеленые стены садов... Весь ландшафт спит. А вверху все дышит, все дивно, все торжественно. А на душе и необъятно и чудно, и толпы серебряных видений стройно возникают в ее глубине. Божественная ночь! Очаровательная ночь!»

Узнаете? Правильно, это Николай Васильевич Гоголь, с детства впитавший очарование родной природы и народную поэзию.

А что за народ живет на этой прекрасной земле? 90% населения — крестьяне. Жизнь их тяжела. 150 дней в году у них уходило на пашенную работу, сенокос. Приходилось всем семейством рвать жилы, чтобы успеть справиться. Но хлеба все равно не хватало. Добавляли сосновую кору и лебеду.

Хватало работы и зимой. На человека надо было изготовить 50–60 пар лаптей: сапог не было ни у кого. Женщины пряли и ткали — одежду тоже никто не покупал. Готовили сбрую, валяли валенки. Заготавливали лес на дрова.

Жили в избах, крытых соломой. Пол был часто земляным, а потолка не было. В избе была одна комната. Спали на лавках и полатах на дерюге и соломе. Печь топили с утра. К вечеру стояла дикая жара и нестерпимая духота.

Все поголовно были неграмотны. Что до народного образования, рассуждали помещики, то более глупой затеи не придумаешь!

Тянуть крестьянскую лямку можно было только, если сосед помогал соседу. В этих условиях в одиночку было нельзя. Труд крестьян всегда был коллективным. Крепостное право делало крестьянскую общину еще более прочной.

Остальные 10% населения жили в городах. Это были ремесленники, мастеровые. Более высокая социальная страта — купцы, священники, чиновничество. А над ними — аристократия. Эта страта была очень тонкой, все они знали друг друга. Именно из их среды выходили высокообразованные и творчески одаренные люди.

А над всеми располагался двор и лично император Николай II. Человек он был жесткий, воинственный. Его заветной мечтой было одеть всех подчиненных, а еще лучше — и всю Россию в униформу.

Пока высшие чиновники, славянофилы и западники спорили, что же такое Русская национальная идея, из самых недр народной жизни поднимался гигант, которому было суждено вскрыть страшные язвы того общественного строя, который установился в крепостнической и самодержавной России. Это был великий русский писатель Николай Васильевич Гоголь.

Пушкин и Гоголь — вот два имени, которые стоят у истоков великой русской литературы XIX в. Реализм Пушкина поэтичен, прозрачен, реализм Гоголя беспощаден, насмешлив, фантастичен. Пушкин с его чувством меры, Гоголь с его излишеством стояли у истоков блистательного расцвета русского искусства XIX в. Их влияние без труда прослеживается в сочинениях Достоевского, Толстого, Тургенева, Гончарова, Салтыкова-Щедрина, Лескова.

В наши задачи не входил аналитический обзор всего творческого наследия Гоголя, мы остановимся только на самых значительных, знаковых и наиболее известных его работах — повести «Шинель», пьесе «Ревизор» и поэме «Мертвые души».

«Шинель», несомненно, — самая глубокая из повестей Гоголя, хотя он сам как будто и не выделял ее особым образом. Признание придет позже. «Мы все вышли из «Шинели» Гоголя», — скажет о ней автор «Бедных людей» и «Униженных и оскорбленных» Достоевский.

Герой повести, человек с нелепым именем Акакий Акакиевич Башмачкин. Это воплощенное ничтожество, все, кому не лень, насмеяются над ним, унижают его. Он бедный переписчик бумаг в одном из департаментов, настолько старательный, что может показаться, будто он так и «родился на свет уже совершенно готовым, в вицмундире и с лысиной на голове».

Но у этого ничтожества была мечта — приобрести новую шинель. Он начал откладывать деньги. Не пьет чаю, не зажигает свечей, «ступает как можно легче и осторожнее, чтобы не истереть скоровременно подметок». Приобретение шинели стало смыслом его жизни. «Он сделался как-то живее, даже тверже характером, как человек, который уже определил и поставил себе цель. Огонь порою показывался в глазах его, в голове мелькали самые дерзкие и отважные мысли: не положить ли, точно, куницу на воротник?»

И вот мечта сбылась — шинель у него на плечах. Но счастье было недолгим: посреди безлюдной туманной площади грабители раздевают его. Несчастный потерял смысл жизни. Он подает жалобу, обращается за помощью к Его Превосходительству. Но тот принимает его так плохо, что бедный Башмачкин чуть не падает в обморок. А на улице он простужается и через несколько дней умирает, забытый всеми.

«Его свезли и похоронили. И Петербург остался без Акакия Акакиевича, как будто в нем его никогда и не было. Исчезло и скрылось Существо, никем не защищенное, никому не дорогое, ни для кого не интересное. И на другой день уже на его месте сидел новый чиновник, гораздо выше ростом и выставявший буквы уже не таким прямым почерком, а гораздо наклонные и косые».

Но Гоголь не был бы Гоголем, если бы поставил на этом точку. Начинается фантазмагория — на место Акакия Акакиевича приходит его дух. В поисках своей шинели он начал раздевать прохожих. Кончилось тем, что он снял шинель с Его Превосходительства, с которого сразу же слетела его гордая спесь. После этого похождения привидения прекращаются, — видно, генеральская шинель пришла ему совершенно по плечам.

«Это произведение, — писал В. Белинский о повести «Шинель», — есть то, что составляет в этот момент гордость и славу русской литературы».

А я, когда читаю о злочлечениях всеми забытого и никому ненужного Акакия Акакиевича, то вспоминаю о наших стариках-пенсионерах, тоже позабытых и еле сводящих концы с концами при нищенской пенсии и непомерных поборах ЖКХ. Несправедливой была власть крепостнической России. А много ли более справедлива наша сегодняшняя демократическая?

А теперь о «Ревизоре». Какие цели ставил перед собой Гоголь, работая над пьесой? Он не был противником ни самодержавия, ни крепостнической системы. Но ему хотелось чтобы чиновники были порядочными, добросовестными и честными. Пьеса «Ревизор» вскрывала их пороки и, по мысли автора, подталкивала бы к исправлению. Целью Гоголя была мораль.

«Ну, пьеска, — сказал царь, побывавший на первом представлении в Александринском театре, — всем досталось, а больше всех — мне!» Императору в проницательности не откажешь. Но публика не поняла авторского замысла, пьеса воспринималась как веселый водевиль. Никто не услышал горестных слов Городничего: «Над чем смеетесь? Над собой смеетесь!»

А как воспринимается она сегодня? Смотрится она с легкостью в мыслях необыкновенной. Действительно, смешны и забавны приключения Хлестакова, Щелкопера, вруна и пустышки, принятого в далеком провинциальном городке за важную персону. Таковы же и чиновники с их очень точными фамилиями — судья Ляпкин-Тяпкин, попечитель богоугодных заведений Земляника, почтмейстер Хлопов. И Городничий, который иногда выражается следующим образом: «унтер-офицерша наплела вам, будто я ее высек; она врет, ей-богу врет, она сама себя высекла». Сплетники Бобчинский и Добчинский, одинаковые, как близнецы. И все они в страхе перед неприятностями несут и несут взятки «ревизору», ловчиле Хлестакову.

«В “Ревизоре” я решил собрать в одну кучу все дурное в России, — писал Гоголь, — какое я тогда знал, все несправедливости, какие делаются в тех местах и в тех слу-

чаях, где больше всего требуется от человека справедливости, и за одним разом посмеяться над всеми».

Полтора столетия прошло, а что изменилось с тех пор? Чиновники погрязли в коррупции — используют должностное положение и связи в личных целях, взаимодействуют с теневой экономикой и преступным миром. И по-прежнему берут взятки: по неофициальным сведениям население отдает им до 40 млрд долл. в год. А мы так и продолжаем смотреть «Ревизор» как веселую комедию.

А кто такой Чичиков, главный герой «Мертвых душ»? Хлестакова он напоминает тем, что такой же самозванец и любитель путешествий. Оба они лгуны, но вранье Хлестакова абсурдно и дается ему легко. Чичиков осмотрителен, он лжет ради практических целей.

Чичиков всегда тщательно выбрит, одет по последней моде. Он следит за своей внешностью. И умеет поддерживать разговор на любую тему. «Шла ли речь о лошадином заводе, — пишет Гоголь, — он говорит и о лошадином заводе, говорили ли о хороших собаках, и здесь он сообщал очень важные замечания... О чем бы разговор ни был, он всегда умел поддержать его».

Гоголю хотелось вложить в этот характер нечто дьявольское. «Уж с давних пор, — пишет он в одном из писем, — только и хлопочу о том, чтобы после моего сочинения насмеялся бы вволю человек над чертом». Но если в Чичикове и было что-то от дьявола, то это был бес пошлости, скарденности и стремления к уюту.

Чичиков скупал мертвые души, чтобы разбогатеть за государственный счет. Но не деньги были ему нужны. «В нем не было привязанности собственно к деньгам, — пишет Гоголь, — для денег; им не владели скряжничество и скупость. Нет, не они двигали им: ему мерещилась впереди жизнь во всех довольствах, со всеми достатками; экипажи, дом, отлично устроенный, вкусные обеды — вот что беспрерывно носилось в голове его». Но и это не было для него главным. Представлялось ему, по его собственным словам, «молодое поколение, должествовавшее увековечить фамилию Чичиковых: резвунчик мальчишка и красавица дочка, или даже два мальчугана. Только это, считает он, может обеспечить ему прорыв в загробную жизнь — а иначе в конечном итоге нулевой финал. И богатство нуж-

но ему было, чтобы, когда придет час, оставить потомство в достатке. Он боится исчезнуть без всякого следа, словно пузырь на луже после дождя. Это мечты уже скорее не помещика, а буржуа.

Скупая мертвых, Чичиков встречается с разными людьми. Каждый из них символизирует некую схему, некий порок, но сила искусства мастера такова, что мы видим живых людей. Разве можно забыть Манилова, Ноздрева, Плюшкина, Коробочку, Собакевич?

Пушкин, когда Гоголь читал ему первые главы «Мертвых душ», сначала заразительно смеялся, а потом затих. «Боже, — сказал он в заключение, — как грустна наша Россия!»

Достается от него и простому народу. Петрушка, ленивый лакей Чичикова, Селифан-кучер с куриными мозгами, глупый «как дерево». Прошка, лакей Плюшкина, Пелагея, крепостная девчонка Коробочки, «не знающая, где право, где лево». Смех Гоголя безжалостен, никто — ни господ, ни их люди — не избежали яда его иронии. Он полагает, что его задача — выявить их низкие качества, выставить их на осмеяние, а в дальнейшем заставить исправиться. Против своего желания не задевать ни самодержавия, ни крепостного права он выносит жестокий приговор всему государственному строю, всему российскому общественному укладу. Критики «Мертвых душ» во главе с Ф. Булгариным угадали: это подрывное произведение.

Другую оценку поэме дал Герцен: «Удивительная книга, — записал он в своем дневнике, — горький упрек современной Руси, но не безнадежный. Там, где взгляд может проникнуть сквозь нечистых, навозных испарений, там он видит удалую, полную силы национальность. Портреты его хороши, жизнь сохранена во всей полноте... Грустно в мире Чичикова так, как грустно нам в самом деле, и там и тут одно утешение в вере и уповании на будущее».

Видимо, сходным образом думал и Гоголь, когда заканчивал роман дифирамбом в честь России. «Не так ли ты, Русь, словно необгоняемая тройка, несешься?.. Русь, куда же несешься ты, дай ответ! Не дает ответа. Чудным звоном заливаются колокольчик, гремит и становится ветром разорванный в куски воздух; летит мимо все, что ни есть на

земле, и косясь посторониваются и дают ей дорогу другие народы и государства».

Итак, первый том «Мертвых душ» закончен. Надо двигаться дальше. «Дальнейшее продолжение его, — пишет Гоголь Аксакову, — выясняется в голове моей чище, величественней, и теперь я вижу, что может быть со временем кое-что колоссальное, если только позволят слабые силы мои».

И Плетневу: «Труд мой важен и велик, и вы не судите о нем по той части, которая готовится теперь предстать на свет. Это больше ничего, как только крыльцо к тому дворцу, который во мне строится».

Да, замыслы и надежды были огромны. Гоголь думал о «Божественной комедии» Данте с его тремя частями. Первый том «Мертвых душ», казалось ему, можно уподобить «Аду». Далее должны были последовать «Чистилище» и «Рай» — второй и третий тома. Во втором герои, жизнь которых была далеко не праведной, должны были очиститься и проникнуться идеями добродетели и христианского смирения. Такая судьба ждала Чичикова. А третий том предполагал заселить исключительно чистыми героями, образцами для подражания. Если в первом томе Гоголь выступал, словно Иероним Босх, то теперь ему хотелось подражать Рафаэлю.

Раньше Гоголь бичевал язвы общества. Теперь он решил выступить в роли учителя, который должен растолковать погрязшим в грехах людям, как надо жить правильно, в соответствии с Божьими заветами. И разъяснить, что только такой путь ведет к счастью.

Чтобы справиться с этой задачей, следовало изменить творческий стиль. «Я никогда ничего не создавал в воображении, — записывал Гоголь в «Исповеди автора, — и не имел этого свойства. У меня только то и выходило хорошо, что было взято в воображении, что взято было мной из действительности, из данных, мне известных».

Теперь одного таланта, опирающегося на факты, было недостаточно. Чтобы стать учителем, требовалось опираться прежде всего на ясное мировоззрение. И такое мировоззрение у Гоголя было. Он был верным сыном самодержавного строя. Защищал крепостное право. Единственное, что с его точки зрения следовало подправить, это ад-

министративный аппарат. Надо было, чтобы чиновники добросовестно выполняли свои служебные обязанности.

Перед тем, как углубиться в работу над вторым томом, Гоголь решил испытать себя в этой новой роли учителя, опубликовав роман «Выбранные места из переписки с друзьями». Он поучал всех — помещиков, чиновников, губернаторов, замужних женщин и молодых девиц. Восхваляя самодержавные порядки, писал: «Государство без полномошного монарха то же, что оркестр без капельмейстера».

Реакция общества на «Переписку» оказалась резко отрицательной. Консерваторов оскорбляло, что кто-то берет-ся их поучать. Суждения друзей отразил Аксаков в одном из писем: «Увы, она превзошла все радостные надежды врагов Гоголя и все горестные опасения его друзей!.. Вся она проникнута лестью и страшной гордостью под личной смирения».

Резче всех высказался Белинский в своем знаменитом письме Гоголю: «Да, я любил вас со всею страстью, с какой человек, связанный с своею страной, может любить ее надежду, честь, славу, одного из великих вождей ее на пути сознания, развития, прогресса... Не может быть! Или вы больны — и вам надо спешить лечиться, или... не смею досказать своей мысли! Проповедник кнута, апостол невежества, поборник обскурантизма и мракобесия, панегерий татарских нравов — что вы делаете! Взгляните себе под ноги — ведь вы стоите над бездною...»

Невозможно более ярко представить конфликт между талантом и мировоззрением, чем это сделал неистовый Виссарион. Но это был именно тот идейный багаж, с которым Гоголь приступал к работе над вторым томом. Это могло кончиться только трагедией. Гоголь сжег свой роман.

Но можем ли мы узнать, что у него начало получаться? Сохранилось несколько тетрадей с заготовками второго тома. Чичиков продолжает путешествовать и встречается с новыми людьми. Некоторые из них наделены недостатками вроде тех, над которыми автор смеялся в первом томе. Но появились и новые герои, явно задуманные как образцы для подражания.

Это помещик и промышленник Костанжогло. Он христоролюбив и обладает практической хваткой. Чичиков по-

лучает от него совет, как можно быстро разбогатеть, не нарушая при этом своего христианского долга. Это Муразов, начавший с нуля и заработавший миллионы, причем без греха, а «самым безукоризненным путем и самыми справедливыми средствами», не забывая при этом думать о Боге. И еще Губернатор — неподкупный, твердый характером и прозорливый. Он «убежден, что ему нужно быть здесь, а не на другом месте, что для этого дана ему жизнь». Это не живые люди, изображение которых так удалось прежнему Гоголю, а мертворожденные схемы. Продолжения походов Чичикова не получилось.

Гоголь пытался найти какие-то новые пути, обращаясь к Богу, высокую миссию которого, как он полагал, ему предстояло исполнить, продолжая свой труд. Но это не могло помочь, и только завело Гоголя в состояние, которое лечившие его врачи определили как *mania religiosa*. Впереди ничего больше уже не было.

Но были ли светлые народные силы, которых великий сатирик не сумел заметить, но которые составляли гордость России и надежду на ее возрождение?

Всего через два года после смерти писателя началась Крымская война. И народ русский, все его сословия — и дворяне, и простые люди, — все явили такую силу духа, перед которой вынуждена была преклониться Европа, пославшая свои армии на завоевание нашей земли.

Прав был Гоголь, сравнивая Русь с необгонимой тройкой: «Дымом дымится под тобою дорога, гремят мосты, все отстает и остается позади. Остановился пораженный чудом созерцатель: не молния ли это, сброшенная с неба? Что значит это наводящее ужас движение? И что за неведомая сила в сих неведомых светом конях? Эх, кони, кони, что за кони! Вихри ли сидят в ваших гривах? Чуткое ли ухо горит во всякой вашей жилке?»

Г л а в а 4

В СЕТЯХ НРАВСТВЕННОГО ИМПЕРАТИВА

В своей знаменитой речи о Пушкине Ф.М. Достоевский говорил о высокой нравственности русского народа, вместившей в себя идею всечеловеческого объединения, о нравственных сокровищах духа как об основной сущностной его характеристике. Светлый гений нашего великого поэта явился, по словам Достоевского, совершеннейшим выразителем этой национальной способности русского народа.

Но как же контрастирует с этими светлыми образами тот мир, который предстает перед нами на страницах книг самого Достоевского! Входя в этот виртуальный мир, созданный его творческим воображением, поневоле начинаешь ощущать как некую таинственную реальность, сеть невидимых струн нравственного закона, неотвратимо властвующего в этом мире. Эти тончайшие нити — то жесткие, то без видимого усилия растягивающиеся и эластичные — тем не менее образуют прочнейший каркас топоса, в котором действуют герои, ожившие под пером мастера.

Насельники этого виртуального топоса всеми силами духа стремятся к свободе и счастью, но словно слепые с картины Питера Брейгеля не могут найти дороги, ведущей к их заветной цели, и все больше запутываются в сетях нравственного закона, покрывающих все пространство их жизни. И тогда невидимые эти нити больно рвут их души и наносят смертельные раны их телам. Почти никому из героев книг Достоевского не удастся найти выход из тенет этого этического лабиринта. Стремясь освободиться, они только запутываются все больше, пока, наконец, не погибают. Редко в какой из книг Достоевского героев не ждет

физическая или нравственная гибель. Кончают самоубийством Ставрогин, Кириллов, Свидригайлов, Смердяков, герои рассказа «Кроткая» и «Сон смешного человека». Идут на каторгу Дмитрий Карамазов и Раскольников; каторга ожидает и Рогожина, зарезавшего Настасью Филипповну. Сходит с ума Иван Карамазов. Мечутся, не находя выхода из нравственных тупиков, Мышкин и Версиков. Вряд ли в истории всей мировой литературы найдется другой писатель, в сочинениях которого столь же велика концентрация драматических и трагических исходов. Герои Достоевского, пишет исследователь его творчества В.В. Вересаев, живут «в муках бессильно стремящейся воли, в едких переживаниях отчаяния, ужаса и позора, в безумиях страдальческой и мучительной страсти».

Не правда ли, все это кажется парадоксом: с одной стороны, Достоевский прославляет всемирность и всечеловечность светлого гения Пушкина как наиболее полное отражение высокой и чистой нравственности русского народа, а с другой — герои его собственных произведений, люди тоже исключительно русские, погружены в мир тьмы, ужаса и отчаяния. Полная взаимная противоположность обеих точек зрения станет еще более загадочной, если вспомнить, что свою речь о Пушкине Достоевский готовил, одновременно работая над одним из самых безысходных романов «Братья Карамазовы». Почему же так сильно разошлись позиции Достоевского как публициста и как художника?

Присмотримся, на какие нравственные законы ориентируют свою жизнь и свои поступки герои писателя. «Я не человека убил, я принцип убил, — рассуждает, совершив преступление, Раскольников. — Мне надо было узнать тогда, и поскорее узнать, вошь ли я, как все, или человек, смогу ли я переступить или не смогу? Осмелюсь ли нагнуться и взять или нет? Тварь ли я дрожащая, или право имею?» Опираясь на свой «жалкий, земной, эвклидов ум», ищет ответа на вечные вопросы бытия Иван Карамазов. И все они, не без сарказма замечает Достоевский, занимаются всего-навсего тем, что «извлекают квадратный корень».

Достоевский, — пишет по этому поводу немецкий исследователь его творчества Р. Лаут — совершенно не при-

нимает этику чистого разума не потому, что не придавал ей никакого значения, а потому, что вообще считал ее невозможной. Достоевскому были известны этические воззрения его современников Спенсера, Бентама, Маркса, которые считали, что человеческая воля направляется объективной действительностью. Если принять такую точку зрения, отмечал Достоевский в «Дневнике писателя» за 1873 г., то можно прийти к отрицанию нравственной ответственности личности и свободы ее. И значит, нет ни проступков, ни грехов, ни преступлений.

У Достоевского есть герои, которые исповедуют именно такой подход. Это Верховенский, Шигалев. Шатов. И прежде всего Великий инквизитор, для которого люди всего лишь «недоделанные, пробные существа, создаваемые в насмешку». Но он готов сделать их сытыми и счастливыми, взяв в замен немногое — всего лишь человеческую свободу.

— Ничего и никогда не было для человека невыносимее свободы, — обращается к Христу Великий инквизитор. — Ты мог бы сделать их счастливыми, дав им хлеб. Но ты предпочел дать им свободу, которая им не нужна.

И Христос находит удивительный по своей силе ответ: он уходит молча.

Трансцендентные основания этики Ф.М. Достоевского

— Все создания и вся тварь, — словно бы растолковывает Великому инквизитору смысл молчания Христа святой старец Зосима, — каждый листик устремляется к слову. Богу славу поет, Христу плачет... Все — как океан, все течет и соприкасается, в одном месте тронешь, в другом конце мира отдается.

Этика галилейского учителя логична и нелогична одновременно. Нравственное учение Христа нетрудно изложить в простых словах, но их никогда не поймет никто, подобный Великому инквизитору: это учение надо усваивать прежде всего сердцем. Именно в этом великий смысл молчания Христа в споре с Великим инквизитором.

Человек, пишет Мартин Бубер, имеет тройственную связь со своим жизненным топосом. Во-первых, это связь

с вещественным миром и, в-третьих, его связь с «трансцендентной тайной бытия, которую философ назвал бы Абсолютом, а верующий — Богом, но которая и для того, кто отбрасывает оба обозначения, фактически не может быть исключена из ситуации, в которой он пребывает». Запомним пока эту оговорку; она важна даже для того, кто отбрасывает оба варианта ответа.

Для самого Достоевского этим Абсолютом, высшим эталоном нравственности был Христос. К своей вере, признается писатель, он пришел через большое горнило сомнений. Это постижение нравственного Абсолюта дается через духовное озарение и только потом может быть передано в логически последовательной форме.

На иных путях ищут дорогу к истине герои Достоевского. Интуиция, первозданное чувство ощущения жизни у них отсутствует. Они пытаются решать свои проблемы путем одних только умозаключений. Все они постоянно умничают, по тонкому замечанию Вересаева. Настраивая своих героев на подобные суждения. Достоевский, по существу, ставит тонкий психологический эксперимент, который весьма убедительно демонстрирует, куда ведет подобный выбор.

«Невозможно быть человеком, чтобы не преклониться, — говорит по этому поводу Макар Иванович, один из героев «Подростка», — не снесет себя такой человек, да и никакой человек». Выход, намеченный Достоевским из этого тупика, пишет один из исследователей его творчества Д.С. Мережковский, состоит в поиске новой религии. Спасение, утверждает он, принесет только новая религиозность.

Но если это и новая религия, то это религия страдания. Обитатели мира, который создает Достоевский, безмерно несчастны и безнадежно слабы. От этих кровавых обид так устаешь, пишет «подпольный человек», что в самих мучениях начинаешь находить «сок странного наслаждения». «Есть, есть наслаждения в последней степени приниженности и ничтожества!» — вторит ему герой повести «Игрок».

Почему же так страдает человек? Да потому, пишет Вересаев, что в душе его бьются два равновластных хозяина — добро и зло, небо и ад. В сумеречной душе умничающего

человека, которого изображает Достоевский, прячется дьявол, причем злой этот «хозяин» почти всегда побеждает доброго. В человеческой природе заложено столкновение Бога и сатаны. Но если человеческий космос и в самом деле изначально поделен на черное и белое, на вечно противоборствующие силы зла и силы добра, то тогда это религия скорее обманчивого Мани, а не Христа.

Но не так прост Достоевский. «И сатане не чуждо ничто человеческое», — заявляет черт Ивану Карамазову, мучаясь от приступа ревматизма. Черт — виртуальный двойник Ивана — растолковывает ему, насколько они духовно близки. «Я думаю, — соглашается с ним Карамазов, — что если дьявол не существует и, стало быть, создал его человек, то создал он его по своему образу и подобию».

И снова получается нехорошо: если человек — это и есть прирожденный дьявол, то тогда именно он, а не кто-то им самим измышленный — враг и антипод самого Бога. Чтобы отвести от Достоевского и это подозрение, дадим слово Н.А. Бердяеву. У героев Достоевского, пишет он, «полярность божеского и дьявольского начал, бурное столкновение света и тьмы в самых глубинах человеческого духа. Поле битвы Бога и дьявола очень глубоко заложено в человеческой природе». Если бы Достоевский до конца раскрыл учение о Боге, об Абсолюте, продолжает Бердяев, он обнаружил бы полярность самой божественной природы, темную сторону божественного бытия.

Эту мысль о потаенных свойствах трансцендентного, находящихся отражение в человеческом сердце, подтверждает Мирча Элиаде. Противник Бога Мефистофель, пишет он, борется с добром, сопротивляется течению жизни. Но в конце концов на деле «оказывается сотрудником Бога. Вот почему Создатель в своем божественном предвидении дает его в спутники человеку». Эта метафизика, объединяющая добро и зло, сомнение и заблуждение, необходима не только для человеческого существования, но и для самого Космоса.

Тонкий и глубокий мастер психологического анализа Достоевский как философ чаще ставит вопросы, чем находит на них ответ. Те герои его, на которых, как ему кажется, снизошел Святой Дух и которым поэтому открылся тайный смысл жизни, — князь Мышкин, старец Зосима,

Макар Иванович, отчасти и Алеша Карамазов, — явно удались ему менее всего. Они больше напоминают бледные тени, чем живых людей. Да и разгадан ли ими в действительности смысл жизни?

— Мечтаю видеть и как будто уже вижу ясно наше грядущее, — говорит святой старец Зосима. — Ибо будет так, что даже самый развращенный богач наш кончит тем, что устыдится богатства своего перед бедным, а бедный, видя смирение его, поймет и уступит ему, с радостью и лаской ответит на благолепный стыд его. Верьте, что кончится сим, на то идет.

Вот так: один благолепно устыдится, другой с радостью уступит ему. Удивительно, как этот маразматический оксюморон умница Достоевский мог выдавать за откровения едва ли не божественные! А может, все дело в том, что прав Вересаев, когда утверждает, что Достоевский в глубине души не верит в Бога, а только хочет в него поверить?

Что же касается ответов на вопросы об основаниях этики, то у Достоевского нашлись последователи, которые без всяких колебаний принялись с этой целью «извлекать квадратный корень». И первым среди них был Фридрих Ницше. Достоевский, признавался он, был самым счастливым открытием в его жизни. «Это психолог, — писал Ницше, — с которым я нахожу общий язык». Особенно восхищали его «Записки из подполья» с их жестоким и беспощадным осмеянием принципа «познай самого себя», с опьяняющим наслаждением силой, бьющей через край.

— Бог есть боль страха смерти, — говорит Кириллов. — Кто победит боль и страх, тот сам станет Бог.

— Бога нет, — отвечает ему Ницше. — А потому нет ни страха, ни боли.

— Если Бога нет, то все дозволено! — возражает ему Иван Карамазов.

— Верно, все дозволено, — соглашается с ним Ницше. — Вопрос только в том — кому?

И начинает свою знаменитую проповедь Сверхчеловека — аристократа и индивидуалиста:

— Мир есть Левиафан силы, в котором и сконцентрирована жизнь.

— Лучшее должно господствовать и лучшее хочет господствовать!

— Сокрушайте добрых и праведных! Будьте тверды!

— Падающего — толкни!

— Я люблю тех, Кто носит в груди великое презрение!

— Никакая мораль невозможна без хорошего происхождения.

Этика Ницше, пишет Б. Рассел, — полное отсутствие сочувствия. Мне неприятен Ницше, продолжает философ, но далее делает очень интересное признание: я не знаю, как доказать, что он не прав «с помощью доводов, подобных доводам в математическом или естественнонаучном споре». Необходимые для этого аргументы, полагает Рассел, лежат не в области логики, а в сфере сердца, эмоций.

И словно вступая в спор со своим маститым оппонентом, Ницше неожиданно заявляет:

— Кто не умеет лгать, тот не знает, что есть истина.

Это очень ценное признание претендента на роль Сверхчеловека, или человекобога, по терминологии Достоевского. За этими словами скрывается испуг самого Ницше перед собственными крайним ригоризмом и смелостью. И в этом своем страхе он признается почти открыто. Один из героев его «Веселой науки», сойдя с ума, бегаёт среди бела дня с фонарем и кричит:

— Где Бог? Я вам скажу где: мы его убили — вы и я! Мы все его убийцы! Но как мы могли это сделать? Что мы делали, когда разрывали цепи, привязывающие землю к ее солнцу? Куда она теперь движется? Куда движемся мы сами? — Прочь от всех солнц? Есть ли еще «верх» и «низ»? Не блуждаем ли мы как бы в бесконечном «ничто»? Не дышит ли на нас своим дыханием беспредельная пустота?

От этого ужаса можно было и на самом деле сойти с ума. Именно такая судьба ожидала самого Ницше; его дни закончились в сумасшедшем доме.

Знаменитый немецкий философ был не единственным, кто брался за нелегкую задачу сокрушения Бога. Один из его не менее известных соотечественников любил в молодые годы сочинять поэмы следующего содержания:

*Я с презрением бросаю перчатку
В широкое лицо мира.
И ничтожный исполин рухнет со стоном,
Но мое пламя не погаснет под его обломками.
Подобно Богу, я буду расхаживать,
Победоносно ходить по царству развалин.
Каждое мое слово станет огнем и действием,
Моя грудь будет подобна лону Творца.*

Ринувшийся сокрушать богов автор этих строк не только ощущал себя исполином, но был им и в действительности — его звали Карл Маркс. Никто не оспаривает тот серьезный вклад в науку, который принадлежит Марксу. Но на предложенный им программе построения коммунистического общества лежат несомненные черты утопии. На это указывали уже первые критики этой программы, например, М.А. Бакунин и С.Н. Булгаков. Цитируя самого Маркса, Булгаков отмечал, что ценой вступления человека в это святое коммунистическое завтра явится отказ от собственной индивидуальности, а само «человеческое общество превратится не то в Спарту, не то в муравейник или пчелиный улей». Вся коммунистическая доктрина Маркса, указывал Булгаков, вытекает из его основного религиозного мотива — воинствующего атеизма и по существу есть не что иное, как проповедь хилиазма, облеченная в секуляризованные одежды.

В марксизме, развивает эту тему Н.А. Бердяев, самой слабой стороной всегда была психология, а в ленинизме она приняла еще более грубые формы. Корни этой богоборческой и одновременно по существу глубоко религиозной психологии следует искать в биографии самого Маркса. Следствием этой психологии стала вера «в будущую жизнь, не в потустороннюю, а поюстороннюю будущую жизнь, в новое коммунистическое общество, которое для него заменило веру в Бога».

— Так как Бога и бессмертия нет, — рассуждает Иван Карамазов, — то новому человеку позволительно стать человекобогом... и с легким сердцем перескочить всякую прежнюю нравственную преграду человека-раба, если это понадобится. Все дозволено.

Под этими словами охотно подписался бы и проповедник этики Сверхчеловека Ницше. А как бы отнесся к ним Маркс? Вот интересное свидетельство А.О. Пржецлавского, осуществлявшего прокурорский надзор по делу С. Нечаева — организатора «Народной расправы» и автора «Катехизиса революционера». Пржецлавский рассказывает, что во время встречи Маркс сказал ему: «Мы только разрушители, мы ничего не создаем и когда совершенно уничтожим то, что ныне существует и что уже присуждено к уничтожению, то вы, господа философы-филантропы, будете вольны создать что захотите. Конечно, если мы это разрешим».

Эту этическую позицию охотно разделили бы с Марксом и террорист Нечаев, и такие герои Достоевского, как Раскольников, Шигалев, Верховенский. Правда, у самого Маркса можно отыскать высказывания и почти противоположные. Зато его верный последователь В. И. Ленин довел эту логику до кристальной ясности, заявив на III съезде комсомола: мы в старые сказочки о вечной нравственности не верим. Наша «нравственность — это то, что служит разрушению старого эксплуататорского общества и объединению всех трудящихся вокруг пролетариата, создающего новое общество коммунистов».

Следует признать, Достоевский оказался неплохим пророком. Он предвидел, к каким последствиям приведет на практике этическая система, в основу которой положен принцип: для дела революции дозволено все.

Но куда может привести логика этой эпической системы, в которой Абсолютом объявлялась она сама, не сумел предугадать даже такой тонкий знаток человеческой души, как Достоевский. Потратив много сил на то, чтобы мобилизовать народные массы на построение светлого коммунистического грядущего, наши главные марксистско-ленинские вожди в конце концов разочаровались в своих замыслах. И тогда они вместе с примкнувшими к ним младореформаторами из числа бывших комсомольских вожakov с легкостью необыкновенной переписали свой основной этический постулат, придав ему иную форму: для построения рыночного хозяйства дозволено все.

И никто из них на этом крутом вираже истории не испытал ни малейших мук совести. Приходится только дога-

дываться, что сказал бы по этому поводу Достоевский. Ницше скорее всего одобрил бы такое поведение — социализм он ненавидел, так как считал, что он равнозначен гибели свободной личности в нивелирующем анонимате.

А что же наши современные теоретики, что говорят они о нравственных устоях нашего современного общества, которое лишилось ясных ориентиров самодвижения?

Откроем во всех отношениях превосходную книгу академика Н.Н. Моисеева «Быть или не быть... человеку?» Вечные истины, понятия добра и зла, лежащие в основе нравственности, пишет он, имеют материальное происхождение и приобретены человеком в процессе антропогенеза. В нашу эпоху надвигающейся глобальной экологической катастрофы их следует, однако, дополнить одним новым этическим принципом — коэволюции общества и природы. И это все. Нет больше нужды ни в Боге, ни в Абсолюте. И, следовательно, тщетными были душевные терзания Достоевского, которые он испытал, пытаясь постичь их тайну.

Согласиться с этим выводом нельзя. Страдания, которыми Достоевский оплатил свое стремление разгадать тайну того смысла, который скрывается за повседневностью человеческого бытия, не были напрасны. Его голос и сегодня призывает нас не останавливаться и не пасовать перед тем непростым вызовом, который на рубеже тысячелетий предъявляет нам отечественная и мировая история.

Достоевский искал свои варианты ответа на вечные вопросы бытия, обращаясь к тем истинам Абсолюта, которые нашли свое выражение в форме учения Христа. Наша задача состоит в том, чтобы попытаться продолжить этот поиск, используя потенциал позитивного знания, а не учение церкви.

На этом пути сразу возникает вопрос: способна ли наука открывать истины Абсолюта или это привилегия одной только религии? Почему бы и нет, если этот Абсолют есть объективно существующая реальность?

Именно такую реальность, и только такую реальность исследует наука, потому что знание, которым она овладевает, достигается путем теоретического обобщения тщательно выполненных экспериментов и наблюдений. В религии источниками знания являются божественное откровение

вание и святоотеческий авторитет. Научное знание в отличие от этого целиком и полностью основано на дискурсе. И это не противоречит тому, что его первоначальное постижение очень часто связано с интуицией, творческим озарением, которые можно рассматривать как аналог божественного откровения.

В силу этих особенностей отличительным свойством научного знания является сомнение, которое служит мощным стимулом вечного и неостановимого движения науки вперед. Иное дело религия — она лишена эволюции, а поэтому у нее есть история, но нет будущего.

Первым, кто поставил задачу приоткрыть истину об Абсолюте на основе научного подхода и построить проекцию этой истины на нравственной топос человека, был К.Э. Циолковский. В роли этого Абсолюта, полагал он, выступает универсальная Причина Космоса, которая скорее всего является межгалактическим союзом высокоразвитых космических цивилизаций. Люди, считал Циолковский, не станут нарушать этого кодекса, поскольку в его основе лежат наиболее фундаментальные законы бытия, противодействие которым лишено всякого смысла. Решению этой задачи Циолковский посвятил свою самую большую работу «Этика, или естественные основы нравственности».

Циолковскому не удалось завершить работу над естественно-научным обоснованием этики. Но исследуя эту проблему, он сделал другое важное открытие: ему первому удалось обосновать факт предустановленной гармонии Космоса. Впоследствии эту мысль неоднократно высказывали самые авторитетные ученые, среди которых были А. Эйнштейн, В. Гейзенберг, П. Дирак, М. Борн и др. Однако, если Циолковский видел в этой гармонии Космоса проявление его Причины, за которой скрываются неизвестные разумные силы, то из лидеров теоретической физики и математики XX в. ни один не смог дать этому «эпистемологическому императиву» логического или мировоззренческого объяснения.

К концу XX столетия удалось, однако, приблизиться к пониманию природы этого феномена, за которым скорее всего и скрывается тайна Абсолюта. Первая из таких новых возможностей связана с успехами теории самооргани-

зующихся систем, или синергетики (исследования И. Пригожина, Г. Хакена, Э. Ласло, В.И. Арнольда, С.П. Курдюмова и др.). В основе синергетики лежит системная триада принципов открытости, нелинейности и когерентности. Поскольку Вселенная является самоорганизующейся системой, ее эволюция определяется именно этими принципами. В частности, фундаментальное свойство когерентности проявляется в согласованном взаимодействии ее элементов, которое определяет динамику самой системы как единого целого.

Второе научное направление, которое приближает нас к разгадке тайны космического Абсолюта, — это физика квантового вакуума. Речь идет об открытии «двухслойной» структуры Универсума, одна из взаимосвязанных и активно взаимодействующих сторон которого — это хорошо известный материальный космос, а другая — мир квантового, или физического, вакуума, в исследовании которого сделаны пока только первые, но принципиальной значимости шаги. В соответствии с концепцией В.В. Налимова — Н.И. Кобозева — Л.В. Лескова одна из разновидностей квантового вакуума — мэон — является физическим референтом семантического пространства, а информационным агентом, обеспечивающим связь между этим пространством и объектами материального мира, являются, например, спин-торсионные взаимодействия.

Принимая эту концепцию, можно предложить триадическую интерпретацию фундаментального свойства человеческой психики — интуиции. Именно интуиция, как отмечает А. Бергсон, служит истинным источником абсолютного знания; роль интеллекта состоит лишь в упорядочении этого знания и в переводе его на язык дискурса. Поэтому если первым элементом информационной космической триады является семантический, смысловой, потенциал мэона, а роль второго выполняет спин-торсионный информационный канал, то третьим триадическим элементом является сознание человека. Добавим: и совесть — вряд ли случайно эти два слова в русском языке имеют общий смысловой корень («знание» и «весть»).

Для понимания сути этого феномена целесообразно провести параллель между естественно-научной парадигмой семантической космической триады и апостольским

символом Святой Троицы. Аналогия между Богом как Вседержителем и семантическим потенциалом мэона, а также между Логосом, или богочеловеком, и спин-торсионным взаимодействием просматривается без труда. Менее очевиден параллелизм между Святым Духом и интуитивными свойствами человеческого сознания. Но вот что пишет один из крупнейших религиозных мыслителей нашего времени К. Барт: «Святой Дух не есть что-то иное, чем определенное отношение Слова к человеку... Речь идет об участии человека в слове и деяниях Христа». Нисхождение Святого Духа на человека означает его включение в символ веры. Это «неслыханная тайна», которая определяет свободную и активную причастность человека к деянию Бога.

Этот параллелизм научного и религиозного образа Абсолюта вряд ли случаен. Как показал А.Ф. Лосев, с точки зрения формальной структуры данные науки и религии обладают высокой степенью сходства. А потому можно думать, что в нашем случае роль идет об одном и том же феномене, описание которого дается на разных языках.

Вооруженные этими новыми научными знаниями, мы могли бы с нетрадиционных позиций подойти к реализации этической программы Циолковского. Эта новая этическая парадигма должна опираться на философию нестабильности, синергетическое мышление и на концепцию квантовой семантики мэона. Однако дальнейшее продвижение в этом направлении увело бы нас в сторону от нашей темы. Вернемся поэтому к проблемам этического тосса Достоевского.

Параллелизм между апостольским догматом и триадическими концепциями синергетики и квантовой семантики мэона позволяет по-новому осмыслить этическое наследие Достоевского. Во-первых, отстаиваемые им — хотя и в неявной форме — нравственные принципы получают дополнительное, причем в достаточной мере фундаментальное естественно-научное обоснование. Уже одно это делает их существенно более непререкаемыми, как и надеялся на то Циолковский.

Второй, быть может, еще более важный аспект касается новой интерпретации понятия свободы, следующей из базовых принципов синергетики. Напомним, что для героев

Достоевского свобода являлась едва ли не высшей этической ценностью. Классическое определение свободы гласит: свобода есть осознанная необходимость. Философия нестабильности, лежащая в основе синергетического мышления, предлагает альтернативную формулировку: свобода есть возможность выбора в сочетании с чувством ответственности за этот выбор.

Третий новый момент также связан с синергетическим подходом к проблемам этики. С точки зрения синергетики будущее не предопределено, развитие событий происходит в пространстве альтернативных виртуальных сценариев. Переход эволюционного вектора к одному из этих сценариев определяется многими факторами, в том числе, причем не в последнюю очередь, свободным выбором самого человека.

Отсюда следует и четвертый момент: если перед нами лежит пространство виртуальных альтернатив, причем из-за неопределенности управляющих факторов мы способны разглядеть только их довольно смутные контуры, то главной нашей задачей становится сведение к минимуму риска возможных ошибок. Синергетика облегчает решение этой задачи: с помощью ее методов можно сформулировать правила запрета тупиковых и далеких от оптимальности альтернативных сценариев.

А теперь вспомним образ этического топоса Достоевского: густая сеть невидимых нитей, опутывающих героев его книг. Эти нити не что иное, как правила запрета губительных решений, которые то и дело принимают герои Достоевского.

Великий художник опередил свое время: нравственные эксперименты, которые он ставит на страницах своих книг, — это не что иное, как реализация программы научного направления, которое сегодня мы могли бы назвать синергетикой психологии. Возможно, положительные герои — старец Зосима и другие — удались Достоевскому менее всего потому, что для его психологических опытов они оказались мало пригодны. Чтобы дать высшую оценку этому экспериментальному направлению, открытому Достоевским, назовем его *синергетической этикой*.

Весь XX в. интеллектуальная элита России занималась тем, что сначала жадно усваивала очередную западную

идеологическую новинку, а затем принималась по этим за-
емным меркам крушить до основания собственный дом.
Потратив после очередной ломки много сил на то, чтобы
более или менее привести его в порядок, пускала всю кар-
русель по второму кругу.

Нет сомнений, эта дурная привычка жить чужим умом
и забывать свое стала возможной, в частности, потому, что
у наших строителей, перестройщиков и реформаторов
оказались слабыми нравственные сдержки и противовесы.
До их совести не доходил голос ни Бога, ни Абсолюта, и
им не требовалось духовной работы, чтобы рвать те нрав-
ственные нити, в сетях которых бились герои Достоевско-
го. Нашим героям дозволено все.

В нашей работе показано, что для преодоления совре-
менного эволюционного глобального кризиса и перехода к
устойчивому сценарию постиндустриальной цивилизации
необходима, в частности, серьезная модернизация миро-
воззренческой парадигмы и этической системы. Новое
прочтение творческого наследия Ф.М. Достоевского мо-
жет оказаться весьма полезным при выполнении этой про-
граммы.

Г л а в а 5

А.С. ПУШКИН КАК ЭКОНОМИСТ

Об Александре Сергеевиче очень хорошо сказала поэтесса из города Королева Татьяна Шорыкина:

*Каких бы жизнь нам ни сулила бед,
И сколько б ни сменилось поколений,
Мы в нем всегда найдем небес высоких свет.*

И все же какая тут связь: Пушкин и философия хозяйства? Возросший в последние годы интерес к философии хозяйства, основоположником которой был выдающийся русский мыслитель С.Н. Булгаков, понятен: в наше сложное кризисное время эксплицитный и прогнозный потенциал современных социально-экономических дисциплин оказался недостаточным. Поэтому философская интерпретация экономики, включающая сферу знаний о человеке как о хозяйствующем субъекте и вопросы смысла бытия и системы ценностей и позволяющая с этих позиций обратиться к истории и судьбам мира, позволяет значительно более глубоко вникнуть в проблематику современной жизни общества.

Но может ли нам Александр Сергеевич Пушкин помочь разобраться в этих вопросах? Еще первый ценитель его творчества Виссарион Белинский писал, что поэт не дает ответов на мучительные вопросы своего времени. А решительный Дмитрий Писарев, соглашаясь с великим критиком, заявлял: раз Пушкин не способен отвечать на эти вопросы, значит, он устарел, и его пора сдать в музей. И совсем уж строго обошелся с Пушкиным Владимир Маяковский, призвавший сбросить поэта с корабля современности. Если продолжить линию этих рассуждений, то

нетрудно прийти к выводу: Пушкин и философия хозяйства несовместимы.

Но мы выслушали пока только литераторов, а теперь дадим слово экономистам и философам. Для своего времени Пушкин был неплохо образован в вопросах политической экономии. О его знаниях в этой области с похвалой отозвался К. Маркс. А Ф. Энгельс в письме русскому экономисту Н.Ф. Даниельсону писал о нем следующее: «Пушкин имел более ясное представление о некоторых сложнейших экономических вопросах не только по сравнению с учеными XVIII века, но и со своими современниками». Это очень высокая оценка, ведь XVIII в. — это Адам Смит, а начало XIX в. — Давид Рикардо, т.е. классики политической экономии.

Свидетельства классиков, конечно, интересны, но мы говорим не только об экономике, наша тема шире — философия хозяйства. Дадим поэтому слово С.Н. Булгакову. Какой смысл вкладывал он в это понятие? Центральный нерв философии, пишет Булгаков, это сама жизнь во всей многоохватности ее срезов, включая логос и алогичность и даже маеон — отсутствие бытия, «которое отнюдь не есть ничто, а только неопределенность». А если еще короче, то «проблема философии хозяйства — о человеке в природе и о природе в человеке». И наконец это также тайна творческой энергии: откуда берутся те удивительно яркие вспышки света, которые словно луч прожектора сквозь туман вдруг освещают серые будни повседневного бытия?

Нет сомнений, все эти вопросы нашли отражение в творчестве Пушкина. Другой русский философ И.А. Ильин писал о нем: «Пушкин всю жизнь неутомимо искал и учился. Именно поэтому он призван был учить и вести. Все то, что он находил, он находил не отвлеченным только размышлением, а своим собственным бытием. Он учил, не уча и не желая учить, а становясь и воплощая». И вела его в этом поиске любовь к России, страстное и всеохватывающее углубление в русскую душу, в русскую жизнь и в русскую историю. А потому совершенно прав был Аполлон Григорьев, когда афористически оценил значение поэта для России: «Пушкин — это наше все».

И если перейти теперь к диалогу с самим Александром Сергеевичем, то мы сразу столкнемся с парадоксом, обна-

ружив почти полный разрыв между его теоретическими размышлениями и собственным бытием. Как хозяйственный субъект поэт, сильный в теории, был совершенно беспомощен. В отличие от изображенного им в стихах Евгения Онегина, который в своем хозяйстве умело следовал рекомендациям Адама Смита, поэт проявлял в этих вопросах полную беспечность, а нередко — сказали бы мы теперь — и безответственность.

Несерьезность Пушкина в практических вопросах была так велика, что современные исследователи сочли целесообразным посвятить этой теме специальную книжку, которая называется «Пушкин и деньги». Но быть может, в этой особенности пушкинского гения проявилась наша исконная национальная черта: русскому человеку свойственно в решении экономических вопросов проявлять время от времени легкость в мыслях необыкновенную. И тут снова приходится вспомнить об опыте наших так называемых реформ последнего времени. Гайдар и его коллеги могут гордиться лестным сходством с Пушкиным — нашей национальной гордостью: они, подобно великому поэту, тоже читали книги зарубежных теоретиков и тоже не смогли толком применить их на практике. Правда, в отличие от них Пушкин и не пытался этого делать.

Критически высказываясь о бытовой неумелости Пушкина, следует вспомнить, что за этим стоит и некий наш национальный позитив. А именно: присущее русскому человеку принципиальное неприятие идеологии потребительства как главенствующего жизненного принципа, столь прочно усвоенного западной цивилизацией. Говоря в этой связи о Пушкине, достаточно вспомнить «Скупого рыцаря» или героя «Пиковой дамы» незадачливого русского немца Германна.

Иссушающая человеческую душу власть денег хорошо знакома Пушкину. Может быть, именно поэтому он столь решительно и даже чуть ли не с презрением отвергал эту власть в своей собственной жизни? «Я деньги мало люблю, — писал он жене, — но уважаю в них единственный способ благопристойной независимости».

Читая его сочинения, можно составить целый стихотворный компендиум по разным типам хозяйственной

деятельности. Вот данное на примере поместья Лариных описание натурального хозяйства:

*Она езжала по работам,
Солила на зиму грибы
Вела расходы, брила лбы.*

А вот о крепостнических порядках:

*Барство дикое, без чувства, без закона
Присвоило себе насильственной лозой
И труд, и собственность, и время земледельца*

А теперь о торговом капитале:

*Торгует Лондон щепетильный
И по Балтийским волнам
За лес и сало возит нам
Все, что в Париже вкус голодный,
Полезный промысел избрав,
Изобретает для забав,
Для роскоши, для неги модной.*

И наконец точный портрет макроэкономики:

*Как государство богатеет,
И чем живет, и почему
Не нужно золота ему,
Когда простой продукт имеет.*

«Пока свободою горим...» — кто из нас не помнит с юности эти чеканные строки? Но свобода — для чего? — спрашивает Пушкин и отвечает: для творческого порыва, для активного деяния. Раскованный творческий порыв — вот главный смысл человеческого бытия. Сразу вспоминаются страницы, с которых встают образы Моцарта, Петра Великого, а в какой-то степени — и Пугачева с его притчей о свободном орле и вороне, питавшемся мертвечиной.

Но тут возникает вопрос: творчество — во имя чего, деяние — ради каких целей? Простых ответов на этот вопрос не существует. «Живая власть для черни равнодуш-

на, — горестно рассуждает Борис Годунов, — она любить умеет только мертвых».

Кажется, с ним соглашается и сам Пушкин, когда, обращаясь к другу поэту, говорит:

*— Доволен? Так пускай толпа его бранит
И плюет на алтарь, где твой огонь горит,
И в детской резвости колеблет твой треножник.*

Но Пушкин не был бы Пушкиным, если бы на этих презрительных нотах остановилось движение его мысли. Гений и толпа, творческий порыв и глупость черни, которая достойна лишь презрительного равнодушия, — это одна тема. Но тут же возникает другая:

*Но знаешь ли, чем сильны мы, Басманов?
Не войском, нет, не польскою подмогой,
А мнением, да! Мнением народным.*

Слово сказано: народ, народное мнение! Блестящий диалектический поворот: власть сильна мнением народным. Народ — не толпа, дух народный, его история, живые традиции — вот что определяет судьбы страны.

Вглядываясь в реалии николаевской России, друг Пушкина Чаадаев с отчаянием писал о мертвом застое, о враждебности всякому прогрессу, о том, что ни одна полезная мысль не рождается на бесплодной почве нашей родины. Два десятка лет спорил с ним Пушкин, соглашаясь и не соглашаясь одновременно. «Святая Русь. Мне становится невтерпеж, — писал он Чаадаеву. — Я, конечно, презираю отечество мое с головы до ног. Если царь даст мне свободу, то я месяца не останусь». В его стихах звучит гневное презрение к рабству и к рабам, которые примирились с рабством:

*Паситесь, мирные народы!
Вас не разбудит чести клич.
К чему стадам дары свободы?
Их должно резать или стричь.
Наследство их из рода в роды
Ярмо с гремушками да бич.*

И в этих инвективах несвободе Пушкин сходится во мнениях с Чаадаевым. Но если тот не питает никаких надежд на иную судьбу для России и ее народа, то автор «Бориса Годунова» думает иначе. И словно обращение к охладевшему душой старшему товарищу звучат его пламенные строки:

*Пока свободою горим,
Пока сердца для чести живы,
Мой друг, отчизне посвятим
Души прекрасные порывы.*

В долгом споре поэт победил философа — в последние годы своей жизни Чаадаев сам признал это.

Зададим сами себе вопрос: разве все эти споры, все это движение мысли, ищущей дорогу к истине, утратили интерес для нас перед лицом наших сегодняшних проблем? Ни в малой степени. А потому беседы с мудрым поэтом полезны и поучительны для нас в наших сегодняшних раздумьях над теми же вопросами.

И если присмотреться к этим вопросам с высот современной науки, то и тут диалог с Пушкиным может дать немало полезного. Известен тезис Маркса: бытие определяет сознание. Известна и альтернативная точка зрения — сознание определяет бытие. Но выбор того или иного из этих тезисов не может изменить догмы социальных наук: социальные явления следует объяснять социальными же факторами.

И лишь недавно французский социолог С. Московичи, проанализировав труды классиков социологии Э. Дюркгейма, М. Вебера, Г. Зиммеля, опроверг эту догму. В основе социальных движений лежат психологические факторы, утверждает он. Эпицентром динамичной модели общества является homo credens — человек верующий, носитель творческой идеи. Но разве не то же самое растолковывает нам на страницах своих произведений Пушкин — не только поэт, но и философ?

Но не только своим творчеством, самой своей жизнью дает нам Пушкин высокие уроки философии и социологии. В бесчисленных сочинениях о его жизни можно прочитать, что в гибели поэта виновны «свет», двор, жена. Это

так и не так: решения, приведшие к роковой дуэли, принимал сам Пушкин. Пушкин сам выбрал свою судьбу, полностью осознавая, какой шаг делает.

И тут снова уместно вспомнить современную теорию субъектной деятельности. Как утверждают А.В. Брушлинский и С.Л. Рубинштейн, не бытие и даже не психические факторы, а сам субъект, находящийся внутри бытия и обладающий психикой — иными словами, волей и собственными представлениями о высших ценностях, о смысле жизни, — творит и свою судьбу, и историю. Снова дадим слово Пушкину, который, кажется, все это прекрасно понимал за полторы сотни лет до авторов современных теорий. Тем, кто в этом сомневается, советуем перечитать написанные Пушкиным истории Петра Великого и пугачевского бунта.

Следующий аспект субъектно-деятельной теории — народ и человек, их взаимосвязь и взаимодействие. Нет и не может быть сомнений в искренней и горячей любви Пушкина к своему народу и к своей родине. Но можно ли на этом основании провозглашать Пушкина, как это делает Г.П. Федотов, певцом Империи? И даже еще более парадоксально — певцом Империи и Свободы? Мне не хочется тратить время на споры с весьма неглупым старым философом — это увело бы от нашей темы, — лучше сошлюсь на самого Пушкина. Не думаю, что автора «Медного Всадника», «Деревни» и «Станционного смотрителя» можно без больших отклонений от истины зачислять в ряды защитников *virtutis imperialis* — имперских добродетелей, — как выразился бы Федотов. Уместно снова вспомнить и историю Петра Великого, над исследованием которой работал Пушкин: и деятельность самого царя-реформатора, и его эпоха рисовались поэту далеко не в одних только светлых тонах. И вновь хочется остановиться и оглядеться вокруг. И сразу же вспоминаются невеселые пушкинские строки:

*— Беда стране, где раб и льстец
Одни приближены к престолу.
— Увижу ль, о друзья! народ неугнетенный
И рабство, навшее по манию царя?
Взойдет ли наконец прекрасная заря?*

Но не таков Пушкин, чтобы позволить нам грустить долго. Он снова возвращает нас к теме свободного движения мысли: «Никакая власть, никакое правление не может устоять противу всеразрушительного действия типографического снаряда... Мысль! великое слово! Что и составляет величие человека, как не мысль? Да будет же она свободна, как должен быть свободен человек».

Пушкин нашел совершенно исключительный аргумент теодицеи — оправдания Бога, допустившего в мире зло:

*За что на Бога мне роптать,
Когда хоть одному творенью
Я мог свободу даровать!*

Конечно же, поэт здесь излишне скромн: свободно все его творчество.

Проблема свободы у Пушкина соседствует, тесно переплетается с другой, не менее важной — проблемой совести, нравственного начала.

— Да, жалок тот, в ком совесть нечиста.
/Борис Годунов/

*— На совести усталой много зла, быть может,
тяготее.*
/Дон Гуан/

*— В их сердце дремлет совесть, она проснется
в черный день.*
/Братья-разбойники/

— Совесть — когтистый зверь, скребущий сердце.
/Скупой рыцарь/

Читая эти строки, хочется спросить, в каком виде явится совесть некоторым нашим современным продажным политикам — в виде Каменного гостя или Пиковой дамы? Или так и не явится? Но вернемся к Пушкину. Вот еще один диалектический поворот связки «совесть и свобода»: бывают обстоятельства, когда человек, сам того не желая, лишается возможности действовать свободно и

по совести. Вспомним сцену нелепого столкновения Онегина с Ленским по совершенно пустяшному поводу. У Ю.М. Лотмана есть блестящий разбор этого эпизода, закончившегося трагедией. Анализируя неписанный кодекс дуэли, провоцирующее поведение Зарецкого — секунданта Ленского, поступки Онегина, стремившегося по возможности замять дело, Лотман убедительно показывает, что Онегин против своей воли оказался перед выбором — либо прослыть бесчестным человеком, либо застрелить друга. В подобных условиях человек поневоле как бы превращается в автомат.

Что можно противопоставить таким обстоятельствам? Только одно, отвечает Пушкин, — абсолютную верность нравственному императиву. Этот его ответ дан в повести «Капитанская дочка», а также в милом идеале Татьяны Лариной.

Правда, сам Пушкин в быту бывал по временам далек от собственного высоконравственного идеала и нередко грешил против него. С этим расхождением реальной жизни поэта с его нравственным идеалом связана, между прочим, одна из загадок творчества Пушкина, о которой писал еще Гоголь в своих «Выбранных местах из переписки с друзьями». Что можно вынести из его сочинений о нем самом? — спрашивал Гоголь. В стихах каждого поэта отражается его личность, один Пушкин, продолжает Гоголь, исключение: поди улови его характер как человека! Об этой странной двойственности Пушкина — легкомысленности, раздражительности и даже цинизма в жизни и высокой нравственности, мудрости и светлой жизнерадостности в стихах — мы еще поговорим позже.

Но Николай Васильевич неправ: о своих личных проблемах Пушкин достаточно откровенно рассказывал в своих стихах

*Когда для смертного умолкнет умный день
И на немые стогны града
Полупрозрачная наляжет ночи тень
И сон, дневных трудов награда,
В то время для меня влачатся в тишине
Часы томительного бденья:
В бездействии ночном живёт гордец во мне*

*Змеи сердечной угрызенья;
Мечты кипят; в уме, подавленном тоской,
Теснится тяжких дум избыток...*

Написать такие строки мог только человек духовно одинокий. У поэта, ставшего в его зрелые годы философом, друзей, с которыми можно было бы говорить о главном, уже не было, остались только приятели — Вяземский, Соболевский, кто еще? Был Жуковский, но это был скорее не друг душевный, а опекун. Одиночество оказалось уделом гения в конце жизни.

*Враги его, друзья его
(Что, может быть, одно и то же)...*

Этот непереносимый груз безысходного одиночества в конце концов и убил поэта. Пуля Дантеса сыграла здесь лишь случайную роль.

Но где тот источник, из которого Пушкин черпал свою нравственную силу? Этот источник — русская природа. Вряд ли найдется в России второй такой поэт, который посвятил бы родной стороне так много стихов, причем удивительно разных. Вспомним, Пушкин вошел в русскую поэзию, прочитав перед стариком Державиным «Навис покров угрюмой ноши...» В середине жизненного пути он писал уже иначе:

*— Иные нужны мне картины:
Люблю песчаный косогор,
Калитку, сломанный забор,
На небе серенькие тучи,
Перед гумном соломы кучи
Да пруд под сенью лип густых,
Раздолье уток молодых.*

А закончил торжественным гимном новому поколению: «Здравствуй, племя младое, незнакомое...»

И эта тема — тема любовного, бережного отношения к природе — также удивительно современна и конечно же вписывается в проблематику философии хозяйства. Одна из наиболее острых мировоззренческих проблем совре-

менности — деонтологизированный субъективизм, вошедшее в плоть и кровь западного менталитета противопоставление субъекта миру окружающей природы, привычка воспринимать этот мир как собственную мастерскую, в которой можно все перестроить сообразно своим вкусам. А следствием такого отношения к природе стал современный глобальный экологический кризис, который угрожает сегодня гибелью не только человечеству, но и биосфере Земли в целом.

Наш великий поэт и в этом отношении дает нам великолепный нравственный урок, потому что современный этический кодекс невозможно рассматривать без экологического императива.

Поэзия Пушкина, как никакая другая, кажется нам удивительно легкой и прозрачной. Но если приглядеться повнимательнее, за этой кажущейся простотой и легкостью можно обнаружить нечто иррациональное, трансцендентное. Гений, пишет по этому поводу философ и богослов С.Н. Булгаков, созерцается нами как некое чудо, творческое откровение, которое содержит в себе нечто новое, оригинальное, недоступное рациональной рефлексии. «Но лишь Божественный глагол до слуха чуткого коснется», как открываются перед поэтом врата вдохновенной интуиции. Именно в этом, пишет Булгаков, и заключается разгадка секрета, благодаря которому в поэте может совмещаться величайшее ничтожество с высоким наитием «Божественного глагола», два плана жизни без всякой видимой связи между ними.

О значении пророческого порыва к трансцендентному для философии хозяйства думал С.Н. Булгаков. Мне хочется в этой связи остановиться на близком к этим идеям принципе Неопределенного Многообразия, который сформулировал П.А. Сорокин и с которым он связывал становление в нашу эпоху нового интегрального типа культуры. Пытаясь раскрыть содержание этого трудно уловимого феномена, Сорокин формулирует концепцию истинной и абсолютной реальности. Однако истина, необходимость которой Сорокин ясно ощущает, словно ускользает от него, и он не без некоторого раздражения восклицает, переходя на латынь: *misterium tremendum et fascinosum* (тайна ужасающая и захватывающая).

Но главное Сорокин все же уловил верно: в основе этой тайны лежит сверхчувственная интуиция, сверхрациональный способ постижения истины. Интуиция, повторяет Сорокин вслед за А. Бергсоном, — это тот инструмент, с помощью которого человек достигает всех вершин в области творческой деятельности. А первоисточником этих открытий является сверхсознание, управляющее интуицией.

Если в наше время ученые ведут мучительный поиск путей к трансцендентному источнику знания, то для Пушкина тут не было загадки. Достаточно перечитать диалоги Моцарта и Сальери и все станет для нас ясно. Их спор — это смертельный поединок homo economicus — «экономического» человека, для которого превыше всего узко эгоистические интересы, и гения интуиции, вдохновляющегося принципами творческой неэгоистической любви. Моцарт погибает в этом поединке идей, но в веках победа остается за ним.

Принимая вслед за Сорокиным, Бергсоном, Булгаковым и другими философами фундаментальное значение сверхрациональной интуиции, мы имеем сегодня возможность приблизиться к разгадке механизмов, которые стоят за этим феноменом. Речь идет о концепции семантики мэона, сформулированной в работах В.В. Налимова и Л.В. Лескова.

Одна из основополагающих идей синергетики — альтернативный характер виртуальных эволюционных сценариев. И здесь опять слово берет Пушкин: эта идея ему хорошо знакома он умело использует ее в своих сочинениях. Быть может, наиболее яркий пример ее применения — альтернативистика возможных судеб Ленского и Онегина в зависимости от той или иной игры случайных факторов. Превосходный разбор этих вариантов судьбы героев романа выполнен Ю.М. Лотманом.

И здесь проявляется еще одно удивительное проникновение пушкинского гения в нюансы будущих теорий: фундаментальная роль случайностей в зоне бифуркации, когда спокойное течение жизни нарушается. Что ж, может быть, нам пора уже перестать удивляться тем сюрпризам, которые нам вновь и вновь демонстрирует Пушкин.

Опираясь на новейшие представления физики квантового вакуума, теории самоорганизующихся систем (синергетики) и концепцию семантического пространства, мы можем высказать гипотезу о тайне пушкинского гения. Быть может, разгадка этой тайны кроется в редкостной силе его природного дара входить в контакт с семантическим потенциалом мэона и оперативно декодировать поступающие оттуда импульсы информации, превращая их в тексты. Одновременно становится понятной и другая особенность характера Пушкина — парадоксальное совмещение двух, казалось бы, несовместимых и взаимно исключающих жизненных планов. Впрочем, Пушкин, похоже, и сам прекрасно осознавал причины этих особенностей своего поэтического дара и достаточно подробно описал их в своих стихотворениях «Пророк» и «Поэт» (помните: «Пока не требует поэта/К священной жертве Аполлон...»?).

Но вернемся к вопросам связи трансцендентной наполненности бытия с актуальными задачами философии хозяйства. В руках у меня монография А.С. Панарина «Политология. О мире политики на Востоке и на Западе». Вот некоторые из тем, которые обсуждаются на ее страницах: интенция (духовный настрой), синкретика (взаимная адаптация разнородных начал), драматургия современной общественной жизни, обусловленная взаимодействием базовых архетипических начал, восточнохристианская традиция в постсоветскую эпоху. Прямая связь этих проблем с темой трансцендентальности бытия очевидна.

На последних страницах монографии Панарина начинают звучать все более тревожные ноты: он пишет о глобальном кризисе, об идеологии алармизма, о натиске танатоса — персонифицированном образе трансцендентальных сил, несущих смерть. Надо признать: основания для тревоги у нас сегодня более чем серьезны, хотя автор настоящих заметок придерживается на этот счет в целом более оптимистических взглядов. И в этом он вполне солидарен с Пушкиным.

Чтобы пояснить эту последнюю мысль, приведем обширную цитату из Льва Шестова: «Сфинкс спросил его: как можно, глядя на жизнь, верить в правду и добро? Пушкин ответил: да, можно — и страшное насмешливое

чудовище убралось с дороги. И в этом мужестве перед жизнью — назначение поэта».

Это удивительно светлое и бодрое мироощущение — именно то, чего нам, русским людям XXI в. не достает более всего. А потому диалог с нашим великим поэтом не только полезен в нашей сегодняшней повседневности, столь сложной, запутанной, насыщенной проблемами, которые по временам кажутся неразрешимыми, но и жизненно необходим нам.

Литература

1. Булгаков С.Н. Философия хозяйства. М., 1990, 412 с.
2. Осипов Ю.М. Теория хозяйства. Т. 3. М., 1998, 607 с.
3. Яковец Ю.В. Циклы. Кризисы. Прогнозы. М., 1999, 448 с.
4. Ильин И.А. Пророческое призвание Пушкина//Пушкин: суждения и споры. М., 1997, с. 282.
5. Волков Г. Мир Пушкина. М., 1989, с. 216.
6. А.С. Пушкин и деньги. М., 1999, 18 с.
7. Московичи С. Век толп. М., 1996, 478 с.
8. Федотов П.П. Певец Империи и Свободы//Суждения и споры. М., 1997, с. 262–275.
9. Лотман Ю.М. Роман А.С. Пушкина «Евгений Онегин». Ленинград, 1983, 416 с.
10. Вересаев В.В. Загадочный Пушкин. М., 1996, 399 с.
11. Булгаков С.Н. Жребий Пушкина//Александр Пушкин. М., 1996, с. 428–447.
12. Сорокин П.А. Главные тенденции нашего времени. М., 1997, 357 с.
13. Лесков Л.В. Последнее предвидение Питирима Сорокина. Труды Международного научного симпозиума, посвященного 110-летию со дня рождения П.А. Сорокина. М., 1999.
14. Лесков Л.В. Семантическая Вселенная. Вестник Московского университета, серия 7 — философия, 1994, выпуски 2 и 4.
15. Панарин А.С. Политология. О мире политики на Востоке и на Западе. М., 1999, 320 с.
16. Лесков Л.В. Чего не делать? Футуросинергетика России. М., 1998, 172 с.

Г л а в а 6

СОВЕТЫ Д.И. МЕНДЕЛЕЕВА

Оно может показаться странным, это название. Дмитрия Ивановича все знают как великого химика, гениального открывателя периодической системы химических элементов, прославившей его на века. Это на самом деле, правда. Так оно и есть.

Однако из 26 томов полного собрания его сочинений Периодической системе посвящен только один том. А вот 4 тома посвящены экономическим вопросам. Дело в том, что Дмитрий Иванович был человек исключительно разносторонний. Его хватало на очень многое. Он был удивительно энергичен, любознателен и на редкость удачлив. За какое бы дело он ни взялся, он обязательно вносил в него что-нибудь новое.

Он много сделал в горной и металлургической промышленности. Им был изобретен бездымный порох, очень хороший. Он предложил метод подземной газификации угля.

Мне хочется рассказать об одном конкретном эпизоде из его деятельности. Известный нефтяник Кокорев, владевший промыслами в Баку, терпел большие убытки — 200 тысяч рублей в год. Он обратился за помощью к Менделееву. Дал ему тысячу рублей, попросил поехать в Баку и разобраться, в чем дело. И после этого дать ему, Кокореву, совет или как надо наладить дело нефтедобычи по-настоящему, или же промысел закрыть. Менделеев поехал. И внес там целый ряд нововведений, изобретений, как можно было переделать это нефтяное дело. На следующий год Кокорев получил доход 200 тыс. руб. — вместо 200 тыс. убытка в предыдущем году. Кокорев стал уговаривать Менделеева переехать в Баку, возглавить

нефтепромысел, обещал ему золотые горы, но Менделеев отказался, сказав, что должен заниматься наукой. И вернулся в Москву.

Это был весьма разносторонний человек, как мы видим из сказанного. И, кроме того, он был большой патриот своей страны. Мне хочется процитировать одно его высказывание: «Я люблю свою страну, как мать, а свою науку, как дух, который благословляет, освящает и объединяет все народы для блага и мирного развития духовных и материальных богатств».

Менделеев не всегда ладил с начальством, потому что царские чиновники слишком часто руководствовались не интересами самой страны, а своими частными потребностями. А иногда это были консерваторы, которые пытались внести какие-то реакционные исправления в работу высшей школы. Известен такой эпизод. Ректор университета, друг Менделеева, профессор Бекетов, был вызван для разнеса к петербургскому генерал-губернатору Гурко. Дмитрий Иванович попросил своего друга взять его с собой. Гурко очень грубо начал разговаривать с Бекетовым, пообещал согнуть в бараний рог вольнодумцев и сочувствующих им преподавателей. Менделеев взорвался. «Как вы смеете нам грозить, — закричал он. — Кто вы такой? Солдат и больше ничего. В своем невежестве вы не знаете, кто стоит перед вами — имя Менделеева вписано в историю науки, знаете ли вы, что он произвел переворот в химии, открыл Периодическую систему элементов? Что такое Периодическая система, отвечайте!» Гурко растерялся, поспешил завершить аудиенцию. И оставил университет в покое.

Но были у Менделеева конфликты и с другими чиновниками. Это министры просвещения — Деянов, а особенно граф Дмитрий Толстой, который ввел в университетах такую систему обучения, которая значительно затруднила подготовку первоклассных специалистов. Во многих своих работах Менделеев резко осуждал вот эти меры и настаивал на введении более прогрессивных порядков в университетах.

И даже в быту ему удавалось добиваться очень интересных результатов. В Клинском уезде Московской губернии он приобрел небольшое имение — Боблово и пре-

вратил его в научно-практическую сельскохозяйственную станцию. Он начал применять там удобрения, машины, рациональные системы земледелия. И что же? За 5 лет ему удалось удвоить урожай зерновых. Крестьяне соседних деревень приходили к нему и с восхищением и любопытством спрашивали, что это — счастье или талант? Менделеев посмеивался: нет, братцы, это талант, талант.

Чего только не предпринимал в своей жизни Менделеев! В 1887 г., будучи человеком уже немолодым, он совершил полет на воздушном шаре, заполненном водородом, с целью изучить атмосферу и наблюдать солнечное затмение. Он поднялся на высоту 3 км и пролетел около ста километров. На воздушном шаре он был один — и пилотом и исследователем одновременно.

Можно очень долго говорить о производственных заслугах Менделеева, но, пожалуй, пора перейти к главной теме нашего разговора, т.е. к тем советам, которые Дмитрий Иванович мог бы дать на основании собственного опыта нашим современным реформаторам, старающимся восстановить российскую экономику.

Менделеев предлагал, чтобы кабинет министров имел при себе совет, в который должны были входить ученые, представляемые Академией Наук и двумя университетами — Санкт-Петербургским и Московским. Задача этого совета должна была состоять в том, чтобы заниматься разработкой предложений, обсуждением тех законопроектов, которые поступают от министров, согласованием действий разных министерств и разбором отношений между разными краями государства и государством в целом.

Кроме того, этот совет должен был рассматривать и те вопросы, которые председатель совета министров считал бы нужным ему поручать, чтобы принимаемые решения были в научном смысле более хорошо подготовлены. Это очень интересное и своевременное предложение в нашей стране сейчас реализовано, но лишь в небольшой степени.

Менделеев считал, что в организации государственного управления Россией имеются две первейшие надобности. Первая — это организация на высоком уровне системы просвещения, исправление тех ошибок, которые были допущены графом Дмитрием Толстым. А потом надо идти все вперед, помня, что без своей, передовой, деятельной

науки, своего ничего не будет и что в науке без великих трудов сделать ровно ничего нельзя. Образование нужно многим, считал Менделеев, причем не только ученым и производственникам, но и тем, кто плоды этих производств будет использовать — это ведь тоже надо уметь делать с толком.

Вторая задача, которую надо было решать на правительственном уровне, — это содействие всеми способами, начиная от займов, быстрому росту всей нашей промышленности до торгово-мореходной включительно, чтобы рос достаток населения. Потому что промышленность не только накормит, но и даст разжиться трудолюбивым жителям всех разрядов и всех классов. А лодырей принизит до того, что самим им будет гадко лодырничать, приучит к порядку. И все это даст богатство народу и новые силы государству.

Выдвигая эти задачи, Менделеев обращал внимание на то, что было бы ошибкой делать здесь основную ставку на сельское хозяйство, как предлагали некоторые государственные деятели того времени, указывая на тот факт, что 80% населения жили в деревне. Делать основную ставку на сельское хозяйство Менделеев считал недопустимым. Потому что если даже поднять производство хлеба на высокий уровень, то цены на хлеб упадут и это принесет только большие неприятности самим производителям.

Это рассуждение Менделеева очень напоминает логику наших современных деятелей, которые надеются, что удасться удвоить валовой внутренний продукт страны, не обращаясь к новым научным рекомендациям, к новым наукоемким технологиям, а только за счет более активной продажи за границу нефти и газа. Как видно, Менделеев был категорически против подобного подхода.

Очень интересны его взгляды на то, какой должна быть пропорция между государственными и частными предприятиями. Этот вопрос он разбирает на примере казенных горных заводов. Эти заводы в свое время, указывает Менделеев, были не только очень полезны и выгодны, но даже необходимы по всему ходу нашей промышленной истории. Но в то время, когда Менделеев писал эту работу, а это рубеж XIX и XX вв., каждый, кому не лень вникнуть в действительность, хотя бы по всему, что об этой проблеме

написано и напечатано, мог, по его словам, убедиться, что эти казенные горные заводы стали не только бесполезными и убыточными, но и задерживают правильность хорошо начатой частной горнодобывающей промышленности. Давно эти казенные горные заводы следовало бы или сдать в аренду, или продать, или хоть просто закрыть. Но что этому мешает? Этому мешает ведомство, ведущее эти заводы, чиновникам это невыгодно, потому что они занимают свои служебные посты и получают за это достаточно высокую зарплату. Это тоже очень интересный момент, связанный фактически с коррупцией. И к нашим современным проблемам это тоже имеет прямое отношение: где-то выгодно проводить политику передачи предприятий в частные руки, приватизировать их, а где-то целесообразно оставлять их под контролем государства. У Менделеева по этим вопросам была очень четкая точка зрения.

Государство, по словам Менделеева, должно заботиться о развитии частной промышленности, особенно помогая кооперативным предприятиям. Надо давать им различные льготы, займы, отсрочки, тогда дело пойдет, надо полагать, ходко. Только при всем этом, понимать надо, писал он, под промышленностью не одно чисто капиталистическое фабрично-заводское производство, но и всю торговлю, весь близкий к земле труд, всю кустарную мелкую промышленность, всю народную изобретательность, предприимчивость. Начинать надо не только с устройства правительственного содействия всякого рода, но и с переделки многих законов, особенно относящихся к открытию фабрик и заводов, фабрично-заводской инспекции, к продаже казенных земель и заводов, и ко многому иному, сюда относящемуся.

Очевидно, что эти рекомендации тоже очень полезно учесть нашим приватизаторам, которые иногда готовы, не вникая в детали, не взвешивая альтернативные варианты, но поскорее за большие деньги избавиться от государственной собственности.

Что касается льгот средней и мелкой промышленности, то на многочисленных совещаниях, которые проводятся в нашей стране, представители этой промышленности говорят, что и законодательство пока еще плохо способствует их деятельности, и льгот они получают слишком мало.

Дмитрий Иванович Менделеев дает нашим руководителям деловые и очень толковые советы и по этим вопросам.

В одной из его книг у Менделеева есть очень любопытное рассуждение о свободном труде. И рассуждает он здесь очень похожим образом, как рассуждают сторонники протестантской этики. Свобода для труда, а не от труда, пишет Дмитрий Иванович, составляет великое благо. Для тех, кто труда и долга не ставит на должную высоту, кто их обязательность мало понимает и невысоко ценит, для тех свобода рановата и только лодырничество увеличится. Россия, взятая в целом, доросла до требования свободы, но не иной, как соединенной с трудом и выполнением долга. Учитывая все это, он предлагает подготовить соответствующие законы и подзаконные акты для того, чтобы этими законами поощрить труд и вызвать порывы долга перед Родиной.

Менделееву пришлось тесно сотрудничать с министерством финансов. В то время это министерство возглавлял крупный математик Вышеградский. Законы и правила, которые разрабатывало это министерство, имея в виду развитие промышленности, были прогрессивными и должны были способствовать деловой активности. Однако возникло характерное для чиновных дел препятствие. Правила и порядки для устройства и ведения всех фабрично-заводских производств составляло другое ведомство — министерство внутренних дел. И чиновники, сидевшие в этом министерстве, считали себя, видимо, более умными, чем грамотные математики-экономисты из министерства Вышеградского, а поэтому устанавливали такие порядки, которые прямо противоречили точке зрения финансистов, но хорошо соответствовали их собственным интересам.

Разумеется, это тормозило развитие промышленности. Менделеев в этой связи ставит задачу о необходимости согласованной и стройной работы всех министров и всех министерств. А возглавить эту согласованную деятельность должно руководство кабинета министров.

Немало внимания обращал Менделеев на выработку правильной системы налогообложения. По его мнению, необходим прогрессивный налог на денежный капитал, на наследование, но не на подоходный налог, нужно косвенное обложение предметов не первой необходимости. Но

одновременно нужна поддержка деятельного капитала, т.е. инвестиций в промышленность.

В настоящее время в Правительстве РФ обсуждается вопрос о целесообразности вступления во Всемирную торговую организацию. Чиновники из Евросовета требуют, чтобы наши внутренние цены на энергоресурсы были приравнены к мировым. Их не интересует тот факт, что в условиях нашего климата это решение окажется разорительным для многих отечественных предприятий.

Менделеев обдумывал и эти вопросы, которые он сводил, следуя принятой в его время терминологии, к выбору соотношения между фритредерством и протекционизмом. На конкретных примерах быстрого роста отраслей отечественной промышленности с цифрами в руках он показал, какое благотворное влияние на развитие промышленности оказала политика разумного протекционизма, которой придерживалось правительство Александра III. «Государство, — писал Менделеев, — обязано возбуждать, содействовать и охранять промышленность и торговлю своей страны всеми возможными способами... Фритредерство — юность промышленного строя, протекционизм — его зрелое благоразумие».

Говоря о двигателях промышленной деятельности, Менделеев подчеркивал, что к двум традиционным производителям полезности — земле и труду — теперь добавились два новых, причем очень сильных — капитал и прикладные знания. При этом особое значение он придавал прикладным знаниям, связывая их с развитием науки и образования.

«Состояние просвещения и промышленность, — писал Менделеев, — определяет и ближайшее, и отдаленное будущее России, требует первого общенародного и правительственного внимания, составляет настоятельнейшие надобности. Государственная Дума с них должна начинать, и только тогда она покажет разум Народа, его голос выразит».

Прислушается ли наша нынешняя, восьмая Дума к советам гениального русского ученого?

Г л а в а 7

БУРЯ, СКОРО ГРЯНЕТ БУРЯ!

XX в. начинался для России в условиях экономического подъема и одновременно острой социально-политической напряженности. Молодое поколение жаждало революции. Звучали слова «Интернационала»:

*Весь мир насильно мы разрушим
До основанья, а затем
Мы наш, мы новый мир построим,
Кто был ничем, тот станет всем.*

Гремел могучий бас Шаляпина:

*И настанет пора, и восстанет народ,
Разогнет он согбенную спину.
На царя, на господ он поднимет
Большую дубину!*

Повсюду повторяли вдохновенные стихи М. Горького: «То кричит пророк победы: буря, скоро грянет буря!»

Перемены хотела и либеральная интеллигенция. Но она понимала, что революция — это всегда разрушение, и предпочитала эволюционный путь реформ.

Царское правительство не желало ни того, ни другого и ответило смутьянам погромом 9 января 1905 г. Революционная вспышка стала неизбежной. Режиму удалось одержать победу, но пришлось заплатить за это большую цену: манифест 17 октября означал крупное продвижение страны в направлении демократических перемен. Но социально-политическая напряженность не была снята: не были решены два главных вопроса — крестьянский и политической власти.

В 1914 г. царское правительство приняло роковое для себя решение — ввязалось в войну, совершенно не нужную России. Поражения на фронте, нежелание солдат воевать, обострение социальной и экономической обстановки в городах сделали свое дело — в феврале 1917 г. самодержавный режим развалился словно карточный домик.

Власть перешла к Временному правительству. Чтобы удержать ее, надо было решить три вопроса — о земле, о мире, о сохранении армии. Не было сделано ничего. Керенский заболтал жизненно важные перемены. Октябрьский переворот стал неизбежным.

Что было дальше? Предоставим слово поэту — Александру Александровичу Блоку. Чем объясняется этот выбор? Дело в том, что за короткий срок — всего два года — поэт прошел сложный идейный путь от признания революции, даже с ее крайностями, до полного разочарования, когда творческая личность задыхается от ощущения потери свободы. Художник лишается возможности свободно, ничем не стесняемого творческого поиска — что может быть для него более трагическим?

Итак, слово за Вами, Александр Александрович.

«Сегодня я — гений», — записал Александр Блок в день окончания поэмы «Двенадцать». Это ставшее сразу знаменитым произведение поэта вызвало самые разные оценки. Правые объявили ее богохульством и предали проклятию. Луначарскому и Каменеву поэма понравилась, но читать ее вслух они не советовали: стихи Блока освящали то, с чем они, старые социалисты, боролись всю жизнь. А Троцкий рекомендовал заменить Христа Лениным.

Некоторые восприняли поэму как сатиру на революцию. Любовь Дмитриевна, жена Блока, читала ее по вечерам в артистическом кафе. Там собиралась петроградская богема, которой было интересно послушать жену знаменитого поэта, «продавшегося большевикам».

Словно отвечая своим критикам, Блок писал в статье «Интеллигенция и революция»: «Россия гибнет», «России больше нет, «вечная память России», слышу я вокруг себя. Но передо мной Россия — буря, Россия, которой суждено пережить муки, унижения, разделения, но которая выйдет из них новой и — по-новому — великой». Надо верить, продолжал поэт, не в то, чего нет на свете, а в то, что должно

быть. Жизнь, утверждал он, отдаст нам это, ибо она прекрасна. Слушайте музыку революции! — призывал поэт.

Два года спустя в разговоре с другом он вспоминал об этих революционных днях: «...завидная тогда была у нас вера, завидная нетерпимость: все старое к черту!»

— Россия?

— России не будет.

— Зачем же вы писали стихи о России?

— Я прощался в них с Россией».

За полгода до смерти, в феврале 1921 г., Блок говорил, выступая в Доме писателей на вечере, посвященном годовщине гибели Пушкина: «Поэт умирает, потому что дышать ему уже нечем; жизнь потеряла смысл. Мы умираем, а искусство остается». Эти слова Блок относил к Пушкину, но думал, видимо, о себе (вчитайтесь еще раз: «мы умираем...»).

Блок ушел, но его искусство осталось. Кто же из его современников был ближе к истине, оценивая знаменитую поэму? О чем хотел рассказать поэт и какие новые истины можем узнать от него мы сегодня, вчитываясь в огневые строки его творения? Встреча с революцией сыграла огромную и весьма неоднозначную роль в жизни Блока — это видно хотя бы из его высказываний о ней, сделанных с интервалом всего в два-три года. Этого времени хватило, чтобы пройти путь от радостного приветствия революционной бури, обещавшей, казалось, новое светлое будущее, к безысходному отчаянию, за которым не остается ничего, кроме ранней смерти.

Блок воспринимал время революции одновременно как общественный деятель, как мыслитель с народническим миропониманием и, главное, как поэт, ставящий во главу угла музыкальное, как он сам писал, восприятие жизни. Разъясняя смысл этого термина, он противопоставлял его книжной литературщине, надменному политиканству и догматике, приправленной снисходительной душевностью. За этой «душевностью» — кровь. «Душа кровь притягивает. Борьбаться с ужасами может лишь дух... А дух есть музыка. Демон некогда повелел Сократу слушаться духа музыки».

В другой своей статье, продолжая эти мысли, Блок писал о «стихийных людях», для которых земля не сказка, но

чудесная бль, которые знают стихию, и сами вышли из нее». Они видят сны и создают легенды, не отделяющиеся от земли. Земля с ними, и они с ней.

Страна переживала страшный кризис. И словно причисляя себя к этим «стихийным людям», Блок пишет в той же статье: «Мы видим себя уже как бы на фоне зарева, на легком, кружевном аэроплане, высоко над землею; а под нами — громыхающая и огнедышащая гора, по которой за тучами пепла ползут, освобождаясь, ручьи раскаленной лавы... Мы еще не знаем в точности, каких ждать событий, но в сердце нашем уже отклонилась стрелка сейсмографа».

Какой удивительно емкий и точный образ: «стрелка сейсмографа в сердце»! Как это не похоже на оценку некоторыми критиками поэмы «Двенадцать»? Вот что писал, например, в 1923 г. в книге «Силуэты русских писателей» Ю. Айхенвальд: «Здесь уже поэтический мыслитель (или не-мыслитель) Блок помешал лирическому поэту Блоку, и его поэма глубоко не удовлетворяет... Двенадцать героев поэмы, собранные в одну грабительскую шайку, нарисованы как темные и пьяные дикари. Что же общего между ними и двенадцатью из Евангелия? И пристало ли им быть крестоносцами (впрочем, они — без креста) в борьбе за новый мир?»

Все верно у умного критика, но только с рассудочной точки зрения. Главного — нервного движения «сейсмической стрелки» — он не только не ловил, но даже и не заметил.

Блок пришел в поэзию через романтику Жуковского и через мистический символизм Владимира Соловьева. Вспомним:

*На глдах бесконечных вод,
Закатом в пурпур облаченных,
Она вещает и поет,
Не в силах крыл поднять смятенных...*

Это Гамаюн, птица вещая с картины В. Васнецова.

Чем был символизм для молодого Блока? По свидетельству Н. Берберовой, его символизм был призван раскрывать сущность вещей в искусстве. Его друг Вячеслав

Иванов, поэт и теоретик символизма, считал, что это течение в искусстве раскрывает в вещах окружающей действительности знамения иных, высших слоев реальности. Символизм — это выход за сферу земного эмпирического сознания.

Выход — куда? В область религии или, быть может, в сферу тех виртуальных миров, которые скрываются в густом тумане обыденного незнания за гранью революционного кризиса, который до самого основания сотрясает все устоявшиеся основы человеческого бытия? И если это последнее предположение справедливо, то взору поэта, как будто бы верно изображающего картины окружающей его жизни, на самом деле открываются иные слои реальности, смысл и значение которых он сам осознать не может, но зато реагирует на них чутким «сейсмографом» своего сердца.

Принимая такую символическую точку зрения, попробуем по-новому прочесть строки замечательной поэмы.

*Гуляет ветер, порхает снег.
Идут двенадцать человек.
Винтовок черные ремни,
Кругом — огни, огни, огни...
В зубах — цыгарка, примят картуз,
На спину б надо бубновый туз!*

Куда они идут?

*Эх, эх!
Позабавиться не грех!
Запирайте этаж,
Нынче будут грабежи!*

Но вот начинается сюжет. Он совсем прост, даже примитивен. Андрюха с Петрухой пробуют пристрелить Ваньку (был Ванька наш, а стал буржуй — нагребил, должно быть). А попали в Катьку («лежи ты, падаль, на снегу!»). Впрочем, Катьку жалко — «больно ножки хороши». Но отвлекаться некогда!

*Отмыкайте погреба!
Гуляет нынче гольтьба!
...И идут без имени святого
Все двенадцать — вдаль.
Ко всему готовы,
Ничего не жаль...*

А впереди безбожной банды — в белом венчике из роз — впереди Иисус Христос. А в руках у него — кровавый флаг! Полнейший сюр, психотический дискурс, почти как у Виктора Пелевина или, того хуже, у Владимира Сорокина! Но ведь это совсем другая эпоха — символизм, декаданс — откуда все это у Блока, что за невозможное, совершенно невероятное чудо ему видится? Перед нами химера, кентавр, гидра, существо из мифа — Христос с кровавым флагом, ведущий за собой едва ли не банду каторжников...

*Шаг держи революционный!
Близок враг неугомонный!
Вперед, вперед, вперед,
Рабочий народ!*

Куда же они идут? Только в утопию — из мифа другого пути нет. Но ведь утопия — это тоже то, чего нет на свете!

В 1922 г. другой великий русский мыслитель философ Н.А. Бердяев, наблюдая ту же самую революционную жизнь, пришел к выводу, что утопия может стать реальностью. И это его очень пугало. Похоже, что мысль философа и художественное чутье поэта двигались в одном направлении.

*Пальнем-ка пулей в святую Русь...
Эх, эх, эх, без креста!*

А потом —

*Мы на горе всем буржуям
Мировой пожар раздуем,
Мировой пожар в крови, —
Господи, благослови!*

Очень хорошее изложение программы мировой революции, о которой с трибун говорили Ленин и Троцкий. Христос только ни к чему. Нет, возражает Блок, «что Христос перед ними — это несомненно. Дело не в том, достойны ли они его, а страшно то, что Он опять с ними». Не будем удивляться: перед нами символ Утопии с большой буквы.

Какие же черты этой как будто бы нежизнеспособной, но все-таки оживающей Утопии, которую несет на своих крыльях революция, угадывал Блок с помощью сверхчувствительного «сейсмографа» своей обостренной интуиции? Прежде всего, бесчеловечность. Это сегодня мы знаем, что большевизм пренебрег идеалом развития и творческой самореализации человеческой личности, заменил идею свободы ранжиром одноцветной нивелировки. Но уже в первые революционные годы об этом предупреждали С.Н. Булгаков, Н.А. Бердяев, С.Л. Франк, П.А. Сорокин. Ощущал это и Блок:

*Черное, черное небо.
Злоба, грустная злоба
Кипит в груди...
Черная злоба, святая злоба...*

Жизнь человеческая ничего не стоит. «Что вы думали? — разъясняет Блок. — Что революция — идиллия? Что творчество ничего не разрушает на своем пути? Что народ — паинька? Что сотни обыкновенных жуликов, провокаторов, черносотенцев, людей, любящих погреть руки, не постараются ухватить то, что плохо лежит?»

Три года спустя этому меткому наблюдению П.А. Сорокин придает форму социологического закона отбора кадров большевистской системой. Он назвал его отбором «шиворот-навыворот», или принципом отрицательной селекции: наверх выдвигались люди второго и третьего сорта, а лучшие, наиболее талантливые, всячески ущемлялись — вплоть до физического уничтожения.

Как видим, Блок превосходно осознает всю жестокость и беспощадность нарождающегося мира. Почему же он явно на стороне его апостолов, хотя замечает на их спинах «бубновый туз» убийц и каторжников? Блок всегда был

не чужд декаданса с его неприятием технического прогресса, промышленности. «Человеческая культура, — говорил он в одном из своих докладов, — становится все более железной, все более машинной; все более напоминает гигантскую лабораторию, в которой готовится месть стихии... Всякий деятель культуры — демон, проклинающий землю, измышляющий крылья, чтобы улететь от нее. Сердце сторонников прогресса дышит черной мезтью на землю, на стихию». Следует уточнить: под термином «культура» Блок подразумевает совокупность достижений техники и бытового комфорта, а не духовную наполненность бытия.

По своим общественным убеждениям Блок — народник, ему близки и понятны другие люди, которых он называет «стихийными»: для них земля не сказка, но чудесная быль. Для них земной промысел нужней и родней промышленности и культуры. Вряд ли случайно, что единственный персонаж поэмы «Двенадцать», который выписан с сочувствием, — это старушка, которая плачет, глядя на плакат: сколько бы из этого лоскута вышло портянок для разутых ребят...

Так, может быть, идет Христос впереди банды двенадцати «апостолов», потому что ему по силам вывести народ к свету из старого враждебного им мира? Вопрос в том, подходит ли Христос для этой роли. «Иногда я сам ненавижу этот женственный призрак», — признается сам себе поэт. И правда, этот образ придавал всему революционному шествию «апостолов» нового мира совершенно сюрреалистический оттенок. «Но другого пока нет, — продолжает Блок, — а надо Другого?».

Чуткий к голосу истории Троцкий предложил на роль этого Другого Ленина. Но в 1918 г. Ленин был действующим политиком и в качестве символа не годился. А вот после смерти ему суждено было стать символом той новой эпохи, наступление которой угадывал Блок. Читая гениальные строки поэмы, явственно воспринимаешь ощущение одновременно жути и радости, которые испытывает поэт, пытаясь разгадать, что за будущее скрывается за вихрями ледяной вьюги, охватившей страну.

А скрывалась там страна Утопия. Несколько лет назад у нас была издана монография историков М. Геллера и А. Некрича, которая называется «Утопия у власти». Пере-

ход от дооктябрьской России к СССР, утверждают авторы, был смертельным изломом хребта, который едва не окончился полной национальной гибелью. Вслед за Н.А. Бердяевым они выражают надежду, что будут найдены средства выйти из утопии и вернуться к обществу менее идеальному, но более свободному. Свою работу Геллер и Некрич завершили в 1985 г., в канун перестройки, которую начал М.С. Горбачев.

Конечно, любое по-настоящему крупное художественное произведение имеет несколько смыслов, оно как бы многослойно, и его можно прочитать по-разному. Именно такова, думается, поэма Блока. Мне захотелось увидеть в ней новый виртуальный слой, который раньше не замечали.

Но неужели великий поэт так и ушел из жизни, окончательно потеряв надежду на светлое будущее своей страны? Думаю, это все же было не так. И в доказательство мне хочется привести отрывок из его стихотворения «Пушкинскому дому», которое он написал в феврале 1921 г.:

*Наши страстные печали
над таинственной Невой.
Как мы черный день встречали
Белой ночью огневой.
Что за пламенные дали
Открывала нам река!
Но не эти дни мы звали,
А грядущие века.
Пропуская дней грядущих
Кратковременный обмен,
Прозревали дней гнетущих
Сине-розовый туман.*

Глава 8

ЛЕНИН

Историю России XX в. нельзя понять, не разобравшись в том, какую роль сыграл в ней Ленин. Это тем более важно сделать, что по этому вопросу до сих пор существуют диаметрально противоположные точки зрения. Для одних Ленин — исчадие ада, заставившее свернуть Россию с правильного пути, по которому шли все западные страны. А для других Ленин — святой человек, основавший коммунистическое царство, и поэтому до сих пор хранят его тело в качестве мумии для показа приверженцам.

Мы не будем придерживаться ни одной из этих точек зрения. Наша задача состоит в том, чтобы по возможности объективно разобраться в реальной роли Ленина в истории России. С этой целью мы воспользуемся тем методом, который развивается в данной книге, а именно методом синергетики.

Начать этот разговор, очевидно, следует с постановки вопроса, что же представлял собой сам Ленин.

Это был человек, воспитанный на трудах Чернышевского и Писарева, усвоивший революционные установки ранних народников, включая видного революционера Нечаева. Ленин увлекся трудами Маркса в такой степени, что решил: в теории социокультурной динамики сказано последнее слово, и марксизм есть абсолютная истина. Все, что отходит в сторону от этих представлений, по его мнению, есть ошибка, и только этим учением нужно руководствоваться и проводить его в жизнь.

Итак, Ленин считал себя учеником и последователем Маркса. Но возникает вопрос: много ли у него было для этого действительных оснований? Давайте сопоставим наиболее фундаментальные взгляды Маркса и Ленина. Маркс считал, что победа коммунизма будет возможна,

когда в большинстве развитых европейских стран большинством населения станет пролетариат. И в этих условиях возможна будет коммунистическая революция, причем сразу в нескольких странах.

Ленин считал, что можно совершить революцию в одной отдельно взятой стране с преобладающим крестьянским населением. В России в начале XX столетия 80 процентов населения составляло крестьянство. Далее. Последователь и ближайший друг Маркса Фридрих Энгельс, переживший его на несколько лет, в конце своей жизни пришел к выводу, что вовсе не обязательно победа социализма произойдет революционным путем. К концу XIX столетия в Европе были сформированы достаточно сильные социал-демократические партии, действовало прямое избирательное право. Поэтому Энгельс считал, что возможен переход власти к диктатуре пролетариата мирным путем.

Еще дальше пошел ближайший друг и сподвижник Маркса и Энгельса Эдуард Бернштейн. Именно Бернштейну, кстати сказать, Энгельс завещал все свои труды после кончины. Такова была воля покойного. К началу XX столетия, по мнению Бернштейна, положение изменилось настолько, что необходимость в революции отпала, и стало возможно решить основные социалистические задачи путем реформаторских преобразований существующих общественных порядков. Кстати, эта мысль Бернштейна резонирует с известным высказыванием Маркса о том, что коммунизм есть процесс, есть движение.

А Ленин продолжал считать, что единственным способом утверждения диктатуры пролетариата является революционное восстание, захват власти революционным путем.

Далее. Вера Засулич, член группы Плеханова «Освобождение труда» переписывалась с Марксом на тему о том, какую роль может сыграть крестьянская русская община для победы в стране социализма. Маркс ответил ей: община может сыграть позитивную роль в этом процессе. Коммунисты-ленинцы эту переписку тщательно скрывали. В работе Ленина «Государство и революция», в которой обсуждался план революционных действий после захвата власти, крестьянский вопрос не упоминался вообще,

как будто бы этого класса и не существовало вовсе. Получается, что Ленин весьма далеко отошел от учения Маркса. Его можно назвать марксистом только с большой натяжкой. Правда, сам Ленин считал, что он не отошел от марксизма, а развивает его применительно к новым историческим условиям. В чем, по Ленину, состояли эти новые исторические условия?

Ленин полагал, что капитализм к концу XIX — началу XX вв. перешел в свою высшую и последнюю стадию — монополистический капитализм, империализм. Он считал, что это гнивающий капитализм — капитализм, обреченный на гибель. А раз так, то прорыв звена капиталистической системы возможен в самом слабом звене. А самым слабым звеном является Россия. Вот так рассуждал Ленин. Но здесь он допустил ошибку, о которой мы уже говорили, рассматривая синергетический подход к различного типа кризисам. Существуют кризисы структурные и кризисы системные. Тот кризис, который испытывал капитализм в начале XX столетия, был кризисом структурным. Это показало дальнейшее его развитие. Капитализм нашел способ исправить свое положение и начал достаточно бурно развиваться в течение последующих десятилетий. Ленин же принял этот кризис за системный. Если бы этот кризис был системным, то, очевидно, Ленин был бы прав в своих выводах. Но это была ошибка Ленина. А потому все его, как он считал, усовершенствования теории Маркса тоже носили ошибочный характер. Вот с таким багажом Ленин подходил к 17-му году. К своим идеям он отнесился фанатически, любые сомнения отвергал самым решительным образом.

Если говорить о Ленине как о человеке, надо сказать, что у него не было никакого опыта организаторской или, тем более, государственной работы. Окончив университет, очень непродолжительное время он побыл помощником присяжного поверенного. Участвовал в шести, кажется, делах и все эти дела в суде провалил. Юрист из него вышел неважнецкий. С тех пор никакой конкретной работы он не делал. Был профессиональным революционером и жил на деньги от имения, которое принадлежало их семье. Эти деньги высылала ему за границу Мария Александровна Ульянова, его мать.

Какую же Россию решил переделать Ленин? В каком состоянии находилась страна к октябрю 1917 г.?

Самодержавием не был решен ни один актуальный вопрос. Прежде всего, это вопрос о земле. Предпринял попытку найти решение этой проблемы Столыпин. Но столыпинские реформы фактически провалились. Не был решен вопрос о достаточно активном развитии капитализма в России. Этому препятствовала самодержавная система власти. Не был решен вопрос и о политической власти.

В 1914 г. страна ввязалась в совершенно ненужную ей войну. Никаких задач, которые надо было бы решить в национальных интересах России, при этом не ставилось. Но возникла стародавняя идея захвата Константинополя. Совершенно бессмысленная и ненужная для России. Это, кстати, единственное, на что можно было рассчитывать по итогам войны. Россия была к этой войне подготовлена слабо. Она только что понесла поражение от Японии, восстанавливала флот, перевооружала армию. Но процесс этот был далеко не завершен, не хватало ни винтовок, ни патронов к ним, ни орудий. Поэтому в первые годы войны — 1914–1916 гг. — страна в основном терпела поражение. Правда, в 1916 г. на юго-западном участке фронта был совершен очень эффективный Брусиловский прорыв. Однако Брусилову не было оказано должной поддержки, и, хотя успехи у этого полководца были достаточно крупными, решающего прорыва, в результате которого мог бы произойти выход из войны Австро-Венгрии, ее капитуляция, не произошло.

Февральская революция сбросила совершенно прогнивший царский режим. Против этого режима выступали решительно все: и армия, и крестьянство, и представители промышленности, и Дума. Никто этого режима не поддерживал. Перед Временным правительством возникло три наиболее актуальные задачи.

Первая задача — вопрос о земле. Надо было, наконец, решить этот давным-давно наболевший вопрос. Второй вопрос — о мире. Россия изнемогала в войне. Ей надо было найти способ выйти из этой войны на достаточно почетных условиях. Третий вопрос — об армии. Без армии нельзя было решить ни вопроса мира, ни сохранения стра-

ны. Но армия была в значительной степени разрушена. Уже не Временным правительством, а Петроградским советом рабочих и солдатских депутатов, который издал в марте месяце так называемый приказ номер один, фактически отменивший в армии дисциплину. Начался развал армии. Массовое дезертирство, расстрелы офицеров, генералов и так далее. И к концу 17-го года Россия осталась фактически без армии.

Временное правительство не сумело решить ни одной из тех актуальных задач, которые были необходимы для закрепления победы демократической революции. Поэтому, когда в октябре 17-го года власть оказалась в руках Ленина, решение немедленно решить все эти проблемы было совершенно естественным. Ленин к тому времени сумел создать монолитную партию коммунистов, которая управлялась из единого центра, придерживалась единой идеологии, и это позволило партии укрепить советскую власть в стране.

Однако же та совершенно утопическая программа, которая была изложена Лениным в работе «Государство и революция» и которую он начал проводить в жизнь безотлагательно — сразу же построить коммунизм в отдельно взятой стране, привела к возникновению гражданской войны. Война велась тремя участниками. Во-первых, это советская власть. Во-вторых, это белые армии, которые, надо сказать, так и не сумели объединиться. Они действовали разрозненно. Колчак, Деникин, Юденич — между ними не было никакого согласования. Но, кроме того, по всей стране вспыхнула крестьянская война. Большевики по отношению к крестьянству стали проводить политику продразверстки, то есть отнимали у них почти весь хлеб.

Белые армии стояли за восстановление старых порядков. Поэтому крестьянские восстания были направлены и против белых, и против красных. В беседе с Гербертом Уэллсом Ленин сказал, что крестьянские восстания победить не смогут, поскольку они действуют разрозненно и у них нет общего руководства. И он был прав. Действительно, восстания удалось подавить.

Но крестьянская война, тем не менее, поражения не потерпела. Белые армии были разбиты, а вот крестьяне, хотя и ценой тяжелых жертв, но своего добились. Ленин вынуж-

ден был ввести новую экономическую политику. Заменить продразверстку продналогом.

Как же оценить деятельность Ленина в это время? Да, насилие и развязанная гражданская война, подавление крестьянских восстаний — все это было. Но Ленину удалось в то же самое время решить главную задачу — сохранить Россию почти в том же размере, который был и до революции за не очень значительными изменениями. Есть основание думать, что в случае победы белых армий Россия распалась бы на ряд государств. Например, скорее всего, от России отошла бы Украина. То же самое произошло бы и с Закавказьем. Нельзя исключить, что и Дальний Восток тоже перестал бы быть российским. Ленин Россию сохранил.

Какую политику проводил Ленин после завершения гражданской войны? Здесь налицо было, по меньшей мере, две линии. Первая линия — это нацеленность на превращение России в современное индустриальное государство. Этому способствовал план ГОЭЛРО. Прозвучал знаменитый ленинский лозунг, что коммунизм — это есть советская власть плюс электрификация всей страны. В самое тяжелое для России время, в 18-м году были созданы институты, впоследствии ставшие крупнейшими научными центрами, — Государственный оптический институт ЦАГИ, Лесотехнический институт в Москве и еще целый ряд организаций такого же рода. Ленин заботился о развитии науки в России. Он поддерживал работы Ивана Петровича Павлова и некоторых других ученых.

Люди, которые были потенциальными противниками ленинской линии строительства, были из России удалены. Многие поплатились жизнями за свое «несогласие» с вождем.

Но, в общем и целом, Россия превращалась в современное индустриальное государство, и импульс в эту сторону был задан именно Лениным. Это, несомненно, его большая заслуга. Правда, при этом он, будучи догматиком и полагая, что знает абсолютную истину, которой является марксизм, вернее то, что он называл марксизмом, не обращал внимания на весьма ценные достижения крупных ученых, которые в это время работали в России. Он не

оценил работы Александра Александровича Богданова по созданию текстологии, которая впоследствии получила название Общей теории систем. Это — организационная наука. Несомненно, при проведении работ по восстановлению России, методология Общей теории систем оказалась бы чрезвычайно ценной. Будущее показало, что так оно и есть.

У Богданова были отдельные философские ошибки. Поэтому в своем труде «Материализм или эмпириокритицизм» Ленин смешал Богданова с грязью. А ведь ученого надо оценивать не за его ошибки, а за его достижения. Достижений-то Ленин и не заметил.

То же самое можно сказать и о Владимире Александровиче Базарове-Рудневе. Ему принадлежит генетически-тектологический метод планирования, который позволил бы гораздо более эффективно составлять народно-хозяйственные планы в нашей стране. Впоследствии этот метод был заново открыт в Соединенных Штатах и получил название технологического проектирования. Но первооткрывателем был именно Базаров. Этой мыслью тоже можно было бы воспользоваться. Однако и у Базарова были философские ошибки, за что ему досталось от Ленина столь же крепко, как и Богданову.

Далее, Сергей Николаевич Булгаков, автор замечательной работы «Философия хозяйства», которая в значительной степени расширяла теоретический базис работ по оптимизации хозяйственной жизни страны. Вот Булгакова вождь почему-то уважал, ругать его так сильно не стал, однако же, идеями его воспользоваться не мог. Он был самый настоящий фанатик: не видел достижений других ученых, которые не входили в русло той самой «абсолютной истины», марксистской истины в том варианте, который придал ей сам Ленин. Это было его крупной ошибкой.

Новая экономическая политика тоже вполне укладывалась в программу «Индустриализация России». Здесь Ленин мог бы воспользоваться идеями по кооперации крестьянского хозяйства, которые высказывали крупные ученые того времени, — Николай Кондратьев, Александр Чайнов, Питирим Сорокин и другие авторы. То есть в России к тому времени существовал великолепный научный

задел. Но на него Ленин не обратил ни малейшего внимания.

Немного подробнее о Питириме Сорокине. У него были критические работы, касающиеся, например, выдвижения кадров на руководящие должности в советской России, где действовал принцип отбора худших, принцип отбора шиворот-навыворот. Отбирали не тех, кто мог наиболее хорошо справляться с управленческими задачами, а тех, кто был догматически предан центральному руководству. Ленин сам в последние годы жизни написал огромное количество записочек, статей о том, что советская власть задыхается, погибает под влиянием бюрократии. Чиновничество приобретало слишком большой вес. Ленин продумывал, каким образом организовать советскую власть так, чтобы заставить бюрократию работать только как чиновников, не проявлять самостоятельности в собственных интересах, убрать волокиту, забалтывание решений. Все это было в системе советской власти проявлено четко.

В работах Сорокина даются конкретные рекомендации, как этого можно было бы избежать. Но Ленин не обратил внимания и на Сорокина. Мыслитель тоже вынужден был покинуть Россию. А те, кто Россию не покинул, были впоследствии уничтожены в сталинских лагерях.

Итак, ошибка Ленина — то, что он не сумел как теоретик поставить на службу построения индустриального общества в нашей стране передовую общественную мысль своего времени. Великие ученые, имена которых сейчас большими буквами вписаны в историю мировой науки, жили при Ленине, и можно было воспользоваться их достижениями. Ленин этого не сделал. И это, конечно, ослабило работу по индустриализации России.

Но, в то же время, импульс построения передовой индустриальной цивилизации был задан Лениным, и это, несомненно, его великая заслуга.

В отношении идеологии Ленин стремился проводить в жизнь единую фанатическую линию. Задача состояла в том, чтобы все граждане России уверовали в эту новую светскую религию. С этим связана и борьба с Православной Церковью. Многие священники были расстреляны, храмы разрушены. Был развязан красный террор. Уничто-

жали огромное количество людей. Концлагеря были изобретены именно при Ленине. Жестоко подавлялось всякое инакомыслие. Велась линия, ориентирующая на создание такого общества, в котором все придерживались бы единой идеологии. Эта линия получила развитие при Сталине, но запущена была Лениным. Ее никак нельзя назвать позитивной. В конечном счете, она явилась одной из причин развала Советского Союза.

Следует остановиться и на вопросе нравственности. Маркс утверждал, что условием освобождения каждого является освобождение всех. Маркс был воспитан на идеях гуманизма эпохи Просвещения. Ленин был другим человеком. Он был сторонником резких революционных действий. Что касается этики, то, выступая на Третьем съезде комсомола, он говорил: «Нам барские сказочки о личной нравственности не нужны. Для нас нравственно все, что способствует победе социалистической революции». Эта формулировка очень напоминает принцип иезуитов: «Цель оправдывает средства». Именно такой подход к нравственности означал, что ценность человеческой личности фактически ничтожна. Все делается ради массы, а человеком можно и пожертвовать. Человека можно отправить в концентрационный лагерь, а можно и расстрелять. Что и делалось уже при Ленине. Скажем, ни за что, ни про что был расстрелян замечательный русский поэт Николай Гумилев. Как, впрочем, и многие другие погибали просто так, по решению ЧК. ЧК — чрезвычайная комиссия — имела право расстреливать людей фактически бессудно.

Итак, подведем итоги. Деятельность Ленина нельзя оценить однозначно. Несомненно, его первым большим достижением было то, что Россию удалось сохранить в тяжелейших условиях, когда она стояла буквально на грани развала. Да, это было сделано чрезвычайно жестокими методами. Наверное, существовали и другие способы решения этой задачи. Однако же она была решена. И это заслуга Ленина.

Второе. Несомненной заслугой Ленина явилась ориентация развитая хозяйственной жизни страны на построение развитого индустриального общества. В этом отношении и советское государство, и западные страны принадле-

жали к одному типу цивилизации, который Э. Дюркгейм определил как индустриальную цивилизацию. Направление развития страны именно в эту сторону — вторая крупная заслуга Ленина.

Теперь о негативных последствиях деятельности Ленина. Первое — это зажим всякой свободной творческой мысли, которая отходила от догматического учения, превращенного уже при Ленине в официальную секулярную религию. Это сильно повлияло на развитие страны: возникали новые обстоятельства, на них надо было четко реагировать. А когда в распоряжении тех, кто принимает решения, только догма, остается только руками развести. Тот позитивный научный задел, который существовал в России, был благополучно похоронен.

Второе негативное последствие деятельности Ленина — это ориентация исключительно на насилие. В России было создано полицейское государство, когда все общественные свободы подавлены, когда существовали концлагеря, внесудебные расправы и так далее. Эта негативная линия ленинской деятельности была развита его последователями, в первую очередь Сталиным.

И, наконец, еще один момент. Октябрьская революция совершалась под знаменами мировой социалистической революции. В Конституции Советской России 1918 г., а потом и в Конституции Российской Федерации 1924 г. было записано, что Советская Российская республика является первым шагом к мировой социалистической республике Советов. Шла ориентация на мировую революцию, и с этой целью был создан Коминтерн во главе с Зиновьевым. Троцкий внедрял идею перманентной революции, то есть революции во всех странах. И, действительно, пытались помочь Венгерской революции 1918 г. Когда вспыхнуло восстание в Германии, туда направили Радека с большим количеством денег для того, чтобы поспособствовать успеху революционеров в Германии.

Когда наша Первая конная армия наступала на Варшаву, был, в частности, лозунг «На Берлин». Потом, правда, армия потерпела поражение под Варшавой... Итак, линия на мировую социалистическую революцию, которой придерживался Ленин, несомненно, была губительной для

страны, потому что ставила Советскую Россию в полную изоляцию от всего остального мира.

Надо сказать, что Ленин в конце своей жизни понял, очевидно, что эта крайняя точка зрения должна быть скорректирована, и в значительной степени смягчил соответствующие позиции. И это привело к тому, что начался процесс установления нормальных дипломатических и торговых отношений с западными странами: с Германией, со Швецией и с рядом других стран. Чуть позже — с Англией. Так что Ленин здесь проявил себя как умелый тактик. Как стратег Ленин был весьма слаб, как тактик он был силен.

А вот окружение Ленина — Зиновьев, Троцкий и другие — до конца жизни так и придерживались той же точки зрения на необходимость мировой революции. В этой связи у них потом возникли весьма конфликтные отношения со Сталиным, который начал строить прочное национальное государство в России.

В самые последние годы Ленин, видимо, в значительной степени начал основательно пересматривать свою первоначальную точку зрения. Он писал о необходимости пересмотра всей нашей точки зрения на социализм. Утверждать здесь что-то трудно, можно только угадывать следы этих новых мыслей в его самых последних работах, которые принято называть «завещанием Ленина». Видимо, он двигался в сторону, близкую к социал-демократическим позициям. И, может быть, к тому варианту развития коммунистической страны, которая проводилась много позже в Китае под руководством Ден Сяопина. Но доказать этого окончательно мы не можем.

Эти последние мысли Ленина — неопределенные, но шедшие в очень интересном направлении, не были поняты его ближайшим окружением, и эти его мысли по возможности постарались скрыть от партии. Публиковали с купюрами для того, чтобы создать у Ильича ощущение, что его обращения к партии становятся ей известны. Орджоникидзе, скажем, даже предлагал издать в одном экземпляре «спецвыпуск» газеты «Правда», с тем чтобы дать ее Ленину. Пусть, мол, старик убедится, что его идеи идут в народ.

Между тем и Сталин, и Зиновьев, и Каменев, и Троцкий продолжали придерживаться прежней линии — той, которой придерживался и Ленин в самые первые годы революции и которая из-за своей ошибочности была исправлена Лениным как превосходным тактиком. В итоге на исходе жизни Ильич оказался чужим среди своих. Это — драма его жизни, продолжившаяся и после смерти. Когда Ленин скончался, из его тела сделали мумию, выставили ее на обозрение тысяч любопытных, которые шли в Мавзолей смотреть на нее как на музейный экспонат. Это, конечно, дикость и варварство. Сам Ленин хотел, чтобы его похоронили рядом с матерью. Когда он вернулся в Россию, посетил на Волковом кладбище в Петрограде ее могилу и плакал над ней. Она умерла незадолго до его возвращения на родину. Он очень хорошо относился к матери. Против захоронения в Мавзолее возражала и Крупская. Но и с Крупской тоже никто не стал считаться. Ленин нужен был как реликвия для продолжения той самой партийной линии, от которой сам Ленин начал отходить.

Тем не менее, уже после смерти Ленина Россия стала второй державой мира. Импульс, который был им задан стране в направлении индустриализации, был продолжен, в первую очередь, Сталиным, причем весьма успешно. И если бы в свое время были сделаны необходимые социально-политические коррективы, то не произошло бы и крушения 1991 г.

Ответ на вопрос, что значил Ленин в истории России, мы как будто бы дали. Ленин значил в истории России очень многое, и далеко не только негативные уроки он нам преподавал в годы своего правления первой страной Советов. Хотя и негативные — то же.

Глава 9

АЛЬТЕРНАТИВЫ

Наука о хозяйстве — это политическая экономия, опирающаяся на обобщение опыта. Но теория хозяйственной деятельности шире этих феноменологических рамок. Она включает философские и мировоззренческие проблемы бытия, анализ роли и места человека как исторического актора в хозяйственном процессе, исследование взаимодействия системы хозяйства с окружающей природной средой.

«Хозяйствовать, — пишет известный экономист профессор МГУ Ю.М. Осипов, — быть в мире, жить в мире, иметь дело с миром. Миродествовать. Поэтому бытие и есть хозяйство, а жизнь — тоже хозяйство. Жизнь, конечно, не во всем есть хозяйство, но жизни вообще нет без того, чтобы жизнь не была бы в основе хозяйством. Отсюда жизнь — это хозяйство, а хозяйство — это жизнь, хотя жизнь — феномен шире хозяйства, содержательнее, многоцветнее».

Недостаток столь широкого толкования проблемы хозяйства очевиден: это скорее философский, чем научно-философский подход. В то же время становится совершенно очевидной невозможность развивать теорию, отражающую эту точку зрения, опираясь на традиционную механистическую методологию.

Насущную необходимость принципиально нового методологического подхода первыми осознали представители отечественных школ экономической и социально-политической жизни, действовавшие в первой трети XX в. Их труды во многом обогнали мировую науку этого времени. Однако их достижения противоречили застывшим марксистско-ленинским догмам, а потому часть их авторов были репрессированы, а другие оказались за предела-

ми страны. Труды этих ученых были изъяты из обращения, а упоминание их имен допускалось только в связи со ссылкой на уничижительные отзывы о них Ленина, главным образом в книге «Материализм или эмпириокритицизм».

В результате эти труды, мало известные за границей, не смогли оказать того влияния на развитие мировой науки, которого они заслуживали. Значительно позднее историческая несправедливость была исправлена и приоритетные достижения русских экономистов получили признание в мировой науке. Эта глава посвящена краткому аналитическому разбору этих достижений.

Первым среди них упомянем Сергея Андреевича Подолинского, которого В.И. Вернадский назвал «забытым научным новатором». В его работах и прежде всего в статье «Труд человека и его отношение к распределению энергии» заложены основы принципиально новой теории трудовой деятельности, учитывающей взаимодействие человека с миром природы. Подолинский получил физико-математическое образование и это позволило ему подойти с новых позиций к проблемам экономики.

Во время обучения в Киевском университете он познакомился с экономической теорией Маркса. В «Капитале» высказывается, в частности, мысль, что дары природы достаются человеку бесплатно и на стоимость продукта влияния не оказывают. Маркс писал по этому поводу: «Силы природы не стоят ничего, они входят в процесс труда, не входя в процесс образования стоимости».

Сходную мысль высказывал Д. Рикардо.

Подолинский не согласился с этим. По его мнению, человеческий труд есть не что иное, как усилитель мощности, которую природная среда усваивает с энергией излучения Солнца. Крестьянин расходует мощность на обработку земли, посев, сбор урожая и т.д. Но к его мощности добавляется мощность потока солнечной энергии, усвоенной растением. Если теперь отнести энергоёмкость затраченного человеческого труда к энергоёмкости полученного продукта, то мы получим результат больше 100 процентов!

Часть полученной энергии достаточна для простого воспроизводства, а ее излишек образует прибавочный про-

дукт. Здесь раскрывается физическая природа этого процесса.

Подолинский поделился своим открытием с Марксом, послав ему в 1880 г. французский перевод своей статьи. Маркс ответил ему доброжелательным письмом. Однако идеи Подолинского не получили поддержки у Энгельса, а потому не были использованы для развития марксистской теории. Между тем, это могло бы оказаться очень интересным: по существу речь шла о соединении экономики с экологией.

Приходится сожалеть, что открытие Подолинского было позабыто. Если бы экономисты обратили на него внимание, то проблема рационального использования природной среды и ее охраны была бы значительно раньше поставлена на научные рельсы.

Следующий выдающийся русский экономист, о котором пойдет речь, — Александр Александрович Богданов (это его партийный псевдоним, настоящая фамилия Малиновский). С 1896 г. он член РСДРП. В 1899 г. окончил медицинский факультет Харьковского университета. Автор большого числа философских и исторических работ. В 1904 г. участвовал в III съезде РСДРП и был избран в Центральный Комитет. В 1905 г. член Петербургского Совета рабочих депутатов. В 1909 г. Ленин добился его исключения из партии из-за своих расхождений с ним по философским вопросам. Однако к тому времени Богданов и сам отошел от активной революционной деятельности, целиком переключившись на научную работу.

Его главный научный труд «Тектология, или всеобщая организационная наука» (tekton в переводе с греч. означает строитель). В этой книге он решительно порывает с классическим принципом редукционизма и закладывает фундамент нового научного направления — общей теории систем (термин принадлежит Л. фон Берталанфи). В 1926 г. в Берлине был издан немецкий перевод этой книги.

В 1926 г. Богданов организовал Институт переливания крови, а два года спустя скончался, поставив на самом себе неудачный опыт.

«Тектология» Богданова в Советской России была быстро и основательно забыта: ее идеи полностью расходились с ленинской догматикой. А имя ее автора в учебниках

по марксизму-ленинизму упоминалось только в связи с критикой Лениным его работ.

В 1968 г. концепция Богданова была открыта вторично, но уже под другим названием. В этом году австрийский биолог Людвиг фон Берталанфи опубликовал книгу «Общая теория систем», очень скоро получившую мировую известность. На Богданова Берталанфи не сослался, хотя познакомиться с немецким переводом его книги он мог. Справедливость была восстановлена, когда лет 15 назад американский экономист Джон Биггарт опубликовал перевод «Тектологии» на английский язык и в собственном историографическом исследовании отметил приоритетные заслуги Богданова. После 1985 г. труды Богданова были наконец по достоинству оценены и в России. Был создан Международный фонд А.А. Богданова, который начал издавать научный журнал по проблемам общей теории систем (ОТС). К настоящему времени по этим проблемам опубликованы сотни книг и тысячи статей.

Тектология была задумана Богдановым как научные основы организации хозяйственной жизни после победы социалистической революции. Но последующая практика использования идей ОТС показала, что они превосходно работают также и в рамках капиталистической формации. На смену рынку, полагал Богданов, должна будет прийти новая система хозяйственного регулирования и управления, и он поставил перед собой задачу ее научного обоснования. В качестве главного требования, которому должен был удовлетворять этот порядок, Богданов положил принцип системности.

Системой называется целостный объект, который поддерживает свое существование и выполняет некие функции благодаря взаимодействию между своими элементами. Системный подход к анализу реальности диаметрально противоположен механистическому принципу редукционизма, предусматривающему сведение высших явлений к низшим, которые объявляются основополагающими. Главный недостаток такого упрощения, редукции состоит в том, что она не позволяет заметить того фундаментального факта, что объединение элементов в некоторую совокупность может сообщать ей принципиально новое качество, отсутствующее у самих элементов. В юмористической форме это

важное наблюдение известно как третий закон Мэрфи: ничто не бывает столь простым, как кажется.

В эпоху расцвета классической науки отношение к принципам системности нередко было пренебрежительным. Сохранились изречения, выдержанные в этом духе: самый изобретательный способ стать идиотом — следовать системе (Шефтсберри); если вы желаете серьезно предаться изучению природы, то начинать надо с того, чтобы не создавать никакой системы (Вольтер). Опыт истории свидетельствует: за бессистемный подход к вопросам социологии и политики людям неоднократно приходилось платить самую высокую цену.

В действительности примеры систем окружают нас повсюду. Системами являются и атом, и мозг человека, и общество. Сама Вселенная — тоже система. А потому общая теория систем — это предельно универсальная наука.

Приступая к своему столь масштабно задуманному труду, на первом этапе Богданов занялся философским обоснованием своего проекта. Усвоив еще в молодые годы экономическую теорию Маркса, он попытался навести мосты между его учением и современными достижениями философской мысли. Система философских взглядов Богданова, которую он назвал эмпириомонизмом, была вариантом позитивизма, придававшим универсальное онтологическое значение практической деятельности. У нас нет необходимости разбирать его философские взгляды подробно. Отметим только, что он сохранил верность марксистской концепции о приоритетной роли производительных сил и технического прогресса. Но в то же время, следуя идеям Э. Маха и Р. Авенариуса, принимал эмпиризм как основной метод познания и полагал, что главная задача науки состоит в поиске ответов на вопрос «как?», но не «почему?»

Исходный постулат тектологии состоит в утверждении, что законы организации едины, универсальны для систем любого типа. Этот фундаментальный принцип изоморфизма служит теоретическим основанием для методов моделирования систем: становится возможным изучение их свойств на одном конкретном примере, а затем перенос результатов на иные системы сходного типа, составленные из других элементов, но подчиняющиеся тем же принципам композиции.

Система рассматривается не как состояние, а как процесс. Учитывается структурная связанность системы с ее окружением и вводятся в рассмотрение организационные механизмы — положительные и отрицательные обратные связи (бирегуляторы, по терминологии Богданова). Провозглашается принцип организованности системы: целое больше суммы своих частей.

Сформулирован тектологический закон: если система состоит из подсистем высшей и низшей организованности, то ее поведение определяется второй подсистемой. Прочность цепи, например, определяется самым слабым звеном, а общая скорость эскадры — самым тихоходным кораблем (это испытала на себе эскадра адмирала З.П. Рожественского в Цусимском сражении с японцами). Партия большевиков в 1917–1918 гг. по своему составу была в основном рабочей и солдатской (то есть крестьянской). Этим, отмечает Богданов, определялся царивший в ее низовых организациях дух казармы: уравниловка, опора на силу, грубость и т.п.

Обращаясь к вопросам классификации, Богданов выделяет системы централизованные, слитные, четочные и др. Рассмотрены им также типы кризисов, сопровождающих эволюцию систем, механизмы их формирования и взаимопревращения, формы равновесия.

Основная заслуга Богданова состоит в том, что он стал первопроходцем в обосновании перспективного научного направления, получившего мировое признание, — Общей теории систем. Интересна и более поздняя работа «Линии культуры XX века в ретроспективе». Величайший консерватизм культурных принципов, отмечает Богданов, является формой социальной практики, закрепленной в типах мышления. Новый монополистический финансовый капитализм выдвигает на первые позиции проблему плана, которая становится основой дальнейшего развития. А основным кадром для решения этой проблемы становится, по мысли Богданова, новый класс организаторов — техническая интеллигенция и государственные служащие. В этих его наблюдениях нетрудно заметить переключку с идеями Д. Белла, книга которого «Грядущее постиндустриальное общество» будет опубликована сорок лет спустя.

Рассказывая об истории становления Общей теории систем, мне хочется упомянуть также сподвижника Богданова по первым социал-демократическим кружкам, а в будущем крупного экономиста Владимира Александровича Базарова (это революционный псевдоним В.А. Руднева). Как и Богданов, он также был подвергнут критике в книге Ленина «Материализм и эмпириокритицизм», причем почти за те же самые философские «грехи». В советское время был известен как переводчик «Капитала» Маркса и занимался научной деятельностью в области экономической теории.

В 1928 г. в связи с обсуждением проекта первого пятилетнего плана Базаров опубликовал работу «Принципы построения перспективного плана». В этой работе был обоснован системный, антидогматический метод решения этой задачи. По мнению Базарова, прогноз следует ориентировать не на предсказание, а на способы повышения эффективности плановых проектов. С этой целью следует ориентироваться на рациональное сочетание двух взаимодополнительных подходов — телеологического, содержащего систему целевых установок, и генетического, который сводится к анализу реальных возможностей достижения поставленных целей и обоснования их осуществимости. Не надо предсказывать того, чем можно управлять. Следует поступать иначе: выявлять проблемы и искать оптимальные пути их решения.

Предложения Базарова не вызвали поддержки у руководства страны, которому по душе были волюнтаристские методы планирования. Базаров был объявлен троцкистом и сгинул в Гулаге. А задания пятилетних планов одно за другим срывались.

Разработанный Базаровым метод уже после второй мировой войны был открыт вторично, но уже в США, где под названием «эксплораторный прогноз» он получил широкое распространение. А придя к нам из-за рубежа, он и у нас стал весьма активно продвигаться в жизнь, правда, под еще одним, на этот раз отечественным названием «поисковое технологическое проектирование».

К настоящему времени системный подход и методы системного анализа используются при решении широкого круга разнообразных задач: программно-целевое прогно-

зирование, производственное планирование, метод дерева целей при создании сложных технических изделий и т.д. Активно используются методы математического моделирования поведения сложных систем.

Системный подход предполагает рассмотрение системы в двух аспектах — как автономное целое и как часть иерархически более высокой системы. Поэтому следует иметь в виду две взаимодополнительные функции системы: 1) самосохранение, 2) обслуживание вышестоящей системы. Категорическим императивом являются при этом объективные законы существования систем: сохранения системы, целесообразного и оптимального управления. Системный анализ позволяет решить поставленную задачу при минимальных ресурсах и минимальном риске.

Двадцатый век передал двадцать первому в качестве главного научного наследия три великие прорыва в области фундаментального позитивного знания — теорию относительности, квантовую механику и теорию хаоса, или нелинейную науку. Первые два из этих фундаментальных научных направлений оказали решающее влияние на развитие технологий XX в. — именно с ними были связаны достижения в области атомной техники, микроэлектроники, вычислительной техники, информатики, космонавтики, лазерной техники и во многих других сферах народного хозяйства. Нелинейная наука, развитие которой началось значительно позже, во второй половине XX в., также нашла многочисленные практические применения в области науки и технологии. Развитие нелинейной теории происходило параллельно и в значительной степени независимо по нескольким направлениям. Первыми были математики А. Пуанкаре, А.А. Андронов, а вслед за ними Х. Уитни, Р. Том, В.И. Арнольд развивали математический аппарат теории особенностей и катастроф. К. Зиманом был предложен термин «теория катастроф». Большой вклад в развитие теории колебаний внес академик Л.И. Мандельштам. Глава Брюссельской школы И.Р. Пригожий положил начало исследованиям термодинамики необратимых процессов. Г. Хакену, внесшему свой вклад в развитие нелинейной науки, принадлежит очень удобный термин «синергетика». Теорию цепных реакций развивали Н.Н. Семенов и Я.Б. Зельдович. Значительный вклад в

разработку методов математического моделирования процессов нелинейной динамики внесли А.А. Самарский и С.П. Курдюмов.

Важная отличительная особенность методов нелинейной науки состоит в том, что они оказались полезными при использовании процессов социокультурной динамики. Э. Янчем и Н.Н. Моисеевым выдвинута концепция универсальной истории, позволяющая с единых методологических позиций рассматривать весь комплекс эволюционных процессов во Вселенной, начиная с Большого Взрыва и до истории человечества. Разноплановый комплекс исследований проблем философии синергетики выполнен под руководством В.С. Степина. Л.В. Лесковым проведены исследования по футуросинергетике — методологии фрактального моделирования процессов социокультурной динамики.

Одной из безусловно пионерских работ в области нелинейной науки явилась теория больших циклов экономической конъюнктуры, предложенная Н.Д. Кондратьевым в 1920-х годах. Из числа его предшественников в части формирования научных основ нелинейной науки можно назвать только Анри Пуанкаре, но его работы носили абстрактно-математический характер. На эту важнейшую отличительную особенность творческого наследия Н.Д. Кондратьева, работа которого приобрела по существу приоритетную роль в формировании нелинейной динамики как фундаментального направления науки XX в., ранее не обращали внимания.

Открытие больших циклов конъюнктуры сделано Николаем Дмитриевичем Кондратьевым на основе анализа большого объема статистических материалов. Но чтобы от эмпирически наблюдаемых конъюнктурных колебаний перейти к теоретическим обобщениям, требовалось вскрыть механизмы этих процессов и на этом основании выявить стоящие за ними закономерности социокультурной динамики. В процессе выполнения этой работы Кондратьев пришел к выводу, что повышательные и понижательные волны 40–50-летних циклов обусловлены динамикой перераспределения капиталов, что выражается в инновационно-технологических революциях и реформах индустрии. Эти изменения, согласно Кондратьеву, носят ком-

плексный характер и сопровождаются подготовкой новых кадров квалифицированного труда, освоением новых территорий, промышленным строительством и т.д. Существенной стороной этих процессов являются также синхронные с волнами конъюнктуры колебания земельной и транспортной ренты, а также товарных цен.

Сопоставим эти положения теории Кондратьева с основополагающими принципами синергетики. Предметом ее исследования являются системы, которые принято называть самоорганизующимися. К этому классу относятся системы, подчиняющиеся трем фундаментальным принципам. Во-первых, это принцип открытости: системы этого типа обладают источниками и истоками информации, вещества и энергии — каждого порознь или всех вместе. Во-вторых, это принцип нелинейности: уравнения, описывающие поведение таких систем, содержат члены в степени выше, чем единица, либо в них входят коэффициенты, изменяющиеся со временем. Третий принцип менее нагляден, но его значение не меньше — это принцип когерентности. Суть его состоит в самосогласованном, синхронном или синфазном протекании процессов на определенных этапах самодвижения системы.

К классу самоорганизующихся, или саморазвивающихся, систем относятся системы самых разных типов. На первых этапах развития нелинейной науки рассматривались системы, относящиеся к области интересов естествознания (космология, физика, химия, физика атмосферы и т.п.) и технических научных дисциплин. Но достаточно ясно, что динамика социокультурных систем должна подчиняться принципам синергетики, а значит исследование систем этого типа представляет собой благодатное поле для применения методов нелинейной науки.

Вопрос состоит в том, не оказалась ли теория длинных волн первым практическим применением этих принципов будущей нелинейной науки. И следовательно, не надо ли нам считать Н.Д. Кондратьева одним из первопроходцев одного из этих наиболее фундаментальных научных направлений XX в. С нашей точки зрения, на этот вопрос следует дать положительный ответ.

Методология моделирования социально-экономических процессов, по мнению Кондратьева, должна строить-

ся не на телеологических, а на причинных категориях, которые приняты в естествознании. Но при этом он отвергает концепцию жесткого лапласовского детерминизма, лежащую в основе классической механики: теория, развиваемая Кондратьевым, носит вероятностно-статистический характер. Главную задачу моделирования народного хозяйства Кондратьев видит в установлении взаимодействия системы и ее связей во всей их иерархической сложности, включая факторы внешней среды. Замкнутому народному хозяйству, опирающемуся на разделение труда и рыночный оборот при отсутствии внешней торговли, он противопоставляет динамическую хозяйственную систему, обладающую множественными внешними связями. Ясно, таким образом, что теория Кондратьева отвечает принципу открытости нелинейной науки.

Анализируя систему хозяйственной жизни, Кондратьев в качестве основы принимает концепцию Маркса, согласно которой производство, распределение, обмен и потребление образуют органическое единство, но при этом ключевая роль принадлежит производству. Именно производство является в этой связке общей категорией, в то время как распределение и обмен — частной, а потребление — единичной категорией, замыкающей весь процесс. Но производство само по себе является динамическим процессом, включающим в качестве наиболее подвижного элемента технологию, а если еще точнее, то научно-технологические инновации. Классические экономические модели, основанные на линейном приближении и концепция равновесия, оставляли эти динамические факторы, ведущие к утрате системой стабильности, за рамками своего анализа. Теория длинных волн Кондратьева в отличие от них является динамической.

Достаточно ясно, что в возникновении волнообразного, циклического характера этих процессов ведущую роль играют технологические инновации и моральное старение, износ технологического комплекса очередной волны, производство и насыщение рынка его продукцией. Первый из этих факторов носит отчетливо нелинейный характер. Развивая подход Кондратьева к этим проблемам, Й. Шумпетер описал технологический процесс в форме «роев», поднимающихся на стадии экономического спада. Эти

«рои» состоят из кластеров технологических инноваций, функция которых заключается в том, чтобы задавать начало новой производственной активности в повышательной фазе очередного цикла экономической конъюнктуры.

Из сказанного становится ясно, что концептуальная основа теоретических обобщений Кондратьева означает выход за пределы классических теорий, довольствующихся линейными приближениями.

В то время, когда Кондратьев работал над своей теорией, понятие когерентности еще не вошло в научный тезаурус естествознания. Однако это не помешало Кондратьеву отразить содержание этого понятия в своих исследованиях по моделированию социально-экономических процессов. Он отмечает тесную взаимосвязь и синхронизацию основных элементов народного хозяйства и связей между ними. В условиях децентрализованного хозяйства механизмом, который обеспечивает функционирование этих связей, являются рыночные отношения между субъектами хозяйственной деятельности.

Когда в 1963 г. профессор Массачусетского технологического института Э. Лоренц опубликовал работу, в которой была предложена нелинейная модель течений в атмосфере Земли, ее очень скоро объявили основополагающей для нелинейной науки. И это несмотря на то, что к тому времени эта наука уже имела свою историю. С действительно основополагающей работой Н.Д. Кондратьева ничего подобного не произошло. В Советском Союзе его труды не только не получили поддержки, но были подвергнуты шельмованию. Признание его научных заслуг пришло много позже, во многом благодаря Й. Шумпетеру, который предложил присвоить открытым Кондратьевым длинным волнам имя их первооткрывателя. В нашей стране объективная оценка научных заслуг ученого была дана лишь в годы перестройки. Создан и работает Международный фонд Н.Д. Кондратьева.

Совершив прорыв к фундаментально новому знанию, Кондратьев, можно думать, был готов к дальнейшему развитию новой научной методологии, основанной на идеях нелинейности. Частичным подтверждением этого служат письма, которые он писал жене из тюрьмы в Спасо-Ефимьевском монастыре, рассказывая о работе над но-

вой книгой. Это была количественная модель рыночного хозяйства, построенная на системе дифференциальных уравнений в частных производных. Основным результатом этой модели явилось, по словам Кондратьева, открытие фундаментального закона общей динамики расширенного воспроизводства для капиталистической системы хозяйства. На следующем этапе исследований, сообщал жене Кондратьев, он предполагал приступить к моделированию динамики централизованной плановой экономики. Большой потерей для мировой и отечественной науки явилась безвременная гибель ученого в подвалах Лубянки. Его новым творческим планам не было дано осуществиться. Судьбу гениального ученого определило письмо Сталина Молотову, в котором была такая фраза: «Кондратьева, Громана и пару-другую мерзавцев надо непременно расстрелять!»

1920-е годы — период нэпа — оставили глубокий след в истории отечественной научной мысли. Именно к этому времени относится расцвет творческой активности Н.Д. Кондратьева. А.А. Богданов завершает работу над основами Общей теории систем, а В.А. Базаров предлагает программно-целевой метод прогнозирования хозяйственной деятельности. А.В. Чаянов исследует экономические механизмы кооперации сельского хозяйства. В.И. Вернадский выступает с лекциями в Сорбонне, где впервые формулирует концепцию ноосферогенеза, а слушатели его лекций Э. Леруа и П. Тейяр де Шарден предлагают сам термин «ноосфера». К.Э. Циолковский и П.А. Флоренский публикуют оригинальные работы по космической философии и космологии.

Взяв в 1917 г. власть, Ленин и его сторонники мечтали в течение нескольких ближайших лет ввести в России коммунизм, покончить с деньгами, а потом и с государством. А пока не сломлено сопротивление классовых врагов, поставить страну под контроль вооруженных рабочих; они люди серьезные и сумеют держать болтунов-интеллигентов под контролем.

Из этих планов не вышло ничего — помешали гражданская война, хозяйственная разруха, крестьянские восстания. Великий тактик Ленин предложил новую экономическую политику, идею которой позаимствовал у меньшеви-

ков. Русский политический деятель Н.В. Устрялов, находясь в эмиграции, писал с восторгом, что большевики отказались почти от всех своих идей 1917 г. и что если теперь отменить и единовластие партии, то Россия будет развиваться по тому же пути, как и остальные европейские страны.

Ленин, вводя нэп, сначала успокаивал революционных романтиков, только что ощутивших сладостный вкус власти, что это только временное отступление. Потом сказал, что нэп — это всерьез и надолго. А перед последним приступом тяжелой болезни, лишившей его дара речи, хотя и без деталей, но весьма определенно заявил, что необходим пересмотр всей точки зрения нашей на социализм.

Команде его соратников в первые годы после кончины вождя было не до теории: они занимались тем, что делили власть. Это отнимало у них практически все силы и вплоть до конца 1920-х годов, когда дело кончилось тем, что единоличные диктаторские полномочия оказались в руках Сталина, сохранялась относительная свобода для вольных поисков теоретической мысли.

Очень интересно посмотреть, в каком направлении этот поиск велся. Теория Кондратьева могла послужить основой объективного информационного отображения процессов хозяйственной жизни при сохранении рыночных отношений. Методологические разработки Базарова можно было использовать для грамотного управления экономическими процессами при государственном контроле над наиболее крупными сферами промышленной деятельности. Теория кооперации, развитая Чаяновым, позволяла оптимальным образом организовать работу сельскохозяйственного сектора. И наконец концепция ноосферы Вернадского могла наиболее рациональным образом определить роль и место науки на этапе перехода к посткапиталистической системе хозяйства. Нетрудно видеть, что многие из этих идей находятся в резонансе с концепцией постиндустриального общества Д. Белла, сформулированной полвека спустя.

В этой связи интересно отметить, что близкие к концепции Белла идеи Кондратьева — Богданова — Базарова — Чаянова — Вернадского значительно более соответствовали социально-экономической теории Маркса, чем тео-

ретическая модель государственного строительства по Ленину и Сталину. Первые вместе с Марксом во главу угла своей теории ставили научно-технологический фактор. У Белла были все основания называть себя постмарксистом. Что касается последних, то они предпочитали начинать с политики. Именно об этом думал Ленин, беря власть в экономически отсталой стране. Виртуальная возможность иной исторической судьбы у России 1920-х годов была. И хотя реальная история альтернатив не знает, творческое наследие замечательных русских ученых и бескорыстных патриотов своей страны может сослужить ценную службу тем, кто сегодня думает над выбором оптимальных способов и путей преодоления современного тяжелого кризиса.

Крупный экономист и одновременно авторитетный православный богослов Сергей Николаевич Булгаков — один из самых замечательных и оригинальных отечественных мыслителей первой трети XX в. Его творческий поиск в обоих направлениях его деятельности — экономической жизни и космического видения единства мира — намного опережал его время. Отсюда и непонимание, и преследования. В Советской России он не мог найти себе места, хотя в личной беседе с Дзержинским доказывал, что он не враг советской власти. В 1922 г. на борту «философского парохода» ему пришлось покинуть пределы родины.

Его главный труд по политической экономии — «Философия хозяйства» в Советской России остался неизвестным. Много позже, начиная с 1990-х годов это интереснейшее направление экономической и философской мысли получило развитие в Московском университете, где Центром общественных наук и Философско-экономическим собранием издается одноименный журнал.

Редкостная отличительная особенность творчества Булгакова состояла в том, что оба его аспекта — научный и религиозный — составляли органическое единство. Отсюда следует и вторая их особенность: его философские и религиозные открытия, изложенные им самим в богословских терминах, могут получить строго научную переинтерпретацию.

Эти удивительные свойства его творческой деятельности, можно думать, объяснялись тем, что он обладал нечасто встречающимся у представителей научного сообще-

ства даром — способностью интуитивного постижения самых глубоких тайн мироздания, остающихся за горизонтом общепринятой научной парадигмы. Разумеется, далее возникала задача перевода этих духовных озарений на язык дискурса привычной аристотелевой логики. И конструируя соответствующие тексты, отец Сергей, естественно, пользовался той терминологией, которая была для него привычной.

Можно думать, что в этом сочетании несочетаемого — научной теории и религиозной концепции — мы имеем дело с антиномией, т.е. с противоречием между двумя положениями, каждое из которых признается верным. Но вспоминается старое изречение Декарта: дайте правильное определение смыслу слов — и многие противоречия будут сняты.

Известна картина Нестерова «Два философа». На ней изображены два друга — Сергей Булгаков и отец Павел Флоренский, погруженные в обсуждение какой-то сложной проблемы. Какой? Большой любитель неразрешимых противоречий, Флоренский создал философское учение об антиномичности. Может быть, философы обсуждают именно эту проблему. Но быть может, они ведут диспут о пневматизме: эта тема была не чуждой и для Флоренского: в переписке с В.И. Вернадским относительно теории ноосферы Флоренский высказал гипотезу о существовании пневмосферы, имея в виду планетарный слой духовной субстанции, обеспечивающей психическое всеединство человечества.

Однако антиномичность философско-религиозной теории хозяйства Булгакова может иметь и естественные, природные корни. Можно думать, что в этой теории нашла отражение реальная противоречивость явлений природы. Эта ситуация нам хорошо знакома на примере квантовой механики: для описания процессов в микромире мы вынуждены пользоваться понятиями классической механики — координатами, импульсом, энергией, которые строго определены для феноменов привычного макромира. А их применимость в области микромира, пространственный масштаб явлений в котором на много порядков величины меньше, оказывается условной. Но поскольку других терминов для этого у нас нет, то приходится следовать прин-

ципу дополнительности, предложенному Нильсом Бором. Согласно этому принципу, для достаточно полного описания свойств микрочастицы в одних экспериментах лучше использовать корпускулярную модель, а в других — волновую. В макромире обе модели явно антиномичны, а в применении к микромиру они взаимно дополнительные.

«В настоящее время, впрочем, как и всегда, — писал Булгаков, — борются между собой два отношения к миру вообще и к хозяйственной жизни в частности: механистически-утилитарное и религиозное». Первое из этих направлений ориентировано на идеологию потребительства и высокие экономические показатели (прибыль, производство, реклама и т.п.). С ним связано и отношение к природе как к мастерской, которую человек может эксплуатировать и переделывать по собственному желанию. Следование этим путем к концу XX в. привело к многократному повышению уровня жизни населения развитых стран, но одновременно послужило причиной того глобального кризиса, который угрожает в настоящее время человечеству.

Булгаков отдавал предпочтение другому сценарию эволюции, в основе которого лежит не сам по себе материальный результат, а его значение для духовного обогащения личности, для творческого преобразования окружающего мира. Сама природа рассматривается при этом не как бездушная машина, а как целостный организм. К концу XX в. этот предложенный Булгаковым подход был переформулирован в других терминах как концепция универсального эволюционизма.

Исходя из этих принципов Булгаков определял политэкономиию как прикладную науку, ориентированную на удовлетворение социально-этических исканий человечества, на обеспечение социальной справедливости и освобождение личности от социального и экономического гнета. Таким образом, согласно Булгакову, телеологический подход лежит в основе выбора научной методологии. В этом вопросе он расходится с Марксом, который ставил во главу угла непосредственно научный инструментарий.

«Хозяйство, — по определению Булгакова, — есть борьба человечества с стихийными силами природы в целях защиты и расширения жизни, покорения и очеловечения природы, превращения ее в потенциальный человеческий

организм». Хозяйство, таким образом, есть творческий процесс человека. Это, очевидно, означает признание трансцендентности субъекта хозяйства, которое тем самым не может быть сведено всего лишь к практическим актам отдельных индивидов.

Из идеи трансцендентности субъекта хозяйственной деятельности следует понимание богатства не как суммы материальных благ, а прежде всего как совокупности знаний, технологий и потенциальных возможностей, которыми обладает социум. И следовательно, побудительными мотивами труда являются не только материальные, но и этические стимулы.

Булгаков критиковал экономическую теорию Маркса за ее одномерный характер и сведение человека всего лишь к общественной функции. В отличие от этого методология философии хозяйства Булгакова носила комплексный, междисциплинарный характер. И если Маркс в качестве единственного средства освобождения человечества видел социалистическую революцию и отмену частной собственности на орудия производства, то Булгаков отмечал, что эта марксистская схема есть не что иное, как ветхая хилиастическая идея спасения нового «избранного народа», на этот раз пролетариата. Что же касается выбора оптимальной формы собственности, то Булгаков писал, что «наилучшей из хозяйственных форм, как бы она ни называлась и какую бы комбинацию капитализма и социализма, частной и общественной собственности она ни представляла, является та, которая наиболее обеспечивает для данного общества личную свободу как от природной бедности, так и от социальной неволи».

Как было бы хорошо, если бы наши либерал-реформаторы и горе-приватизаторы прочитали сочинения великого русского мыслителя Сергея Николаевича Булгакова и задумались над их смыслом! Что же касается научного значения творческого наследия Булгакова, то есть все основания утверждать, что его философия хозяйства может стать ядром экономической теории XXI в.

Последний из великих русских первопроходцев в области экономики и социологии — это Питирим Александрович Сорокин. Чудом избежав в 1922 г. расстрела, он также навсегда покинул пределы родины. Обосновавшись в

США, он возглавил одно из центральных направлений в социологии, получившее признание во всем мире. В России в настоящее время действует Международный институт Н.Д. Кондратьева–П.А. Сорокина, много делающий для развития творческого наследия наших замечательных ученых.

Завершая в 1962 г. свою автобиографию, П.А. Сорокин отмечал: «В то время, как я пишу эти строки, в мире вокруг нас вот-вот разразится страшная губительная буря. Сама судьба человечества балансирует на грани жизни и смерти... Вместо создания счастливой среды обитания «вожди слепые» и их недалекие последователи ведут человечество от одной катастрофы к другой, пока не поставят его на край бесславной гибели».

Заметим: это ожидание глобального коллапса, почти неизбежного Апокалипсиса характерно и для многих современных ученых. Приведем одно из высказываний такого рода, которое принадлежит почетному президенту Римского клуба А. Кингу: «Главный враг человека — сам человек... Жизнь, которую мы ведем на маленькой планете, одержима стремлением к разрушению, насыщена конфликтами. Нации богаты знаниями, но бедны мудростью. Мы ищем на ощупь ключи для выживания и стабильности».

Но существуют предпосылки и для оптимистического взгляда в будущее. Известна историческая закономерность, в соответствии с которой «периоды катастроф, — писал по этому поводу Сорокин, — отмечены дезинтеграцией системы ценностей данного общества и ростом деморализации, преступности войн и кровавых столкновений, с одной стороны, а с другой — созидательной реинтеграцией новой системы ценностей... Если в этом судьбоносном противостоянии силы позитивной поляризации, в конечном счете, будут превалировать над силами негативной поляризации, с человечеством будет все в порядке».

Самое удивительное, что эти слова, насыщенные жизнерадостной уверенностью в реальности именно этого, светлого сценария устойчивого будущего, принадлежат тому же самому человеку, с крайне мрачного прогноза которого мы начали наш рассказ о нем, — крупнейшему американо-российскому социологу Питириму Сорокину. И

эта новая, оптимистическая оценка грядущих судеб человечества высказана им всего год или два спустя после первой. Причем Сорокин не просто радикальным образом меняет акценты собственного футурологического прогноза, он ставит перед собой задачу по возможности детализировать основные особенности своего оптимистического сценария.

Анализируя главные тенденции исторического процесса, Сорокин приходит к выводу о том, что обе основные общественные формации — капитализм и социализм — обречены. На смену им должен прийти новый строй, который впитает в себя позитивные стороны обеих систем. Но при этом пойдет дальше. Этот новый строй, возникший на основе конвергенции капитализма и социализма, Сорокин назвал интегральным. На стадии становления этого нового строя Сорокин предвидит упадок западной цивилизации, смещение творческой активности на Восток, пробуждение его нарастаченного потенциала.

Современная Сорокину научная общественность весьма сдержанно отнеслась к его прогнозу. Однако последующий ход событий показал, что многие особенности реально происходивших процессов ему удалось предсказать правильно. Капиталистическая система испытала радикальную структурную перестройку, в особенности на стадии перехода к информационному технологическому укладу. Страны бывшего социалистического лагеря, хотя и с разной скоростью, перешли к построению рыночного хозяйства и либерально-демократической политической системы.

В своих более ранних работах Сорокин неоднократно писал о кризисе западной цивилизации, об истощении ее творческих сил, о сумерках бездуховной культуры. Слепые пастыри слепого человеческого стада, по его словам, допустили гигантскую растрату природных ресурсов и человеческого потенциала, не дали людям ни реальной безопасности, ни подлинной свободы, ни справедливого общественного устройства. Вместо всего этого они освободили губительные силы, поставившие человечество на грань апокалиптического самоуничтожения. Что же произошло, в чем причина, которая побудила весьма серьезного ученого, каким был П.А. Сорокин, столь радикально пересмотреть

в конце своего творческого пути свои взгляды на историческую перспективу мировой цивилизации?

Заметим: ход исторических событий сам по себе давал для этого мало оснований. Начало 1960-х годов — разгар «холодной войны» двух мировых систем. В 1962 г. Карибский кризис поставил человечество буквально на грань ядерной катастрофы. В 1961 г. была опубликована первая книга профессора Массачусетского технологического института Джея Форрестера, разработанная которым теория системодинамики послужила методологической основой апокалиптических прогнозов Римского клуба. А всего через несколько лет разразился энергетический кризис.

И тем не менее П. Сорокин уверенно заявляет: «Процесс возникновения и роста сил, планирующих и строящих новый порядок, уже заявил о себе и сейчас медленно развивается». Этот процесс, по его словам, есть главная тенденция нашего времени.

Концепция альтруистической любви — один из ключевых моментов интегрального сценария Сорокина. «Таинственные силы истории, — пишет он, — кажется, предъявляют человеку ультиматум: погибни от своих собственных рук или поднимись на более высокий моральный уровень посредством творческой любви». Где доказательства, что эта энергия любви может работать, спрашивали у Сорокина скептики. А если и может, то как поднять ее производство, как распространить ее в человеческом обществе?

Верно, соглашается Сорокин, научное знание об альтруистической любви пока совсем незначительно. Но это не мешает с уверенностью утверждать, что энергия неэгоистической любви потенциально представляет собой гигантскую созидательную силу. Любовь, утверждает Сорокин, — это высшая форма человеческих взаимоотношений. Постигание на этом пути Истины, Красоты и Добра требует от человека нелегкой душевной работы, но другого пути к спасению у него нет. В этих словах заключается ключ к возникновению нового социокультурного строя — «интегрального и подобного гармоничной семье».

Будущее покажет, сколько здесь утопии, а сколько мудрого предвидения о грядущих судьбах мира.

Глава 10

ГЕНИЙ АБСОЛЮТНОЙ ВЛАСТИ

Вся жизнь Сталина окутана густым туманом мифов. Похоже, что автором первого из них был главный противник Сталина Лев Троцкий, который весьма пренебрежительно отозвался о нем как о самой выдающейся посредственности. Сталин этого ему не простил. Всей своей последующей жизнью будущий генеральный секретарь партии доказал, что эта оценка была чрезвычайно далека от истины.

Другой, еще более злейший враг Сталина оценил масштаб Сталина совершенно иначе. «Сила русского народа, — писал он, — состоит не в его численности и организованности, а в его способности порождать личности масштаба Сталина. По своим политическим и военным качествам Сталин намного превосходит Черчилля и Рузвельта. Это единственный мировой политик, достойный уважения». Эти слова принадлежат... Адольфу Гитлеру, который тут же добавлял: «Наша задача — раздробить русский народ так, чтобы люди масштаба Сталина больше не появлялись».

Когда к началу 1930-х годов Сталин стал бесспорным лидером страны, его «друг и брат» Сергей Киров говорил: товарищ Сталин дает каждому из нас, всей нашей партии пример того, как надо по-ленински вести борьбу за социализм, за торжество мировой пролетарской революции. Товарищ Сталин — организатор и вдохновитель всемирно-исторических побед партии и рабочего класса. Могучая воля, колоссальный организаторский талант этого человека обеспечили партии своевременное проведение больших исторических поворотов, связанных с победоносным строительством социализма.

Еще несколько лет спустя Анри Барбюс делился с французской общественностью своими впечатлениями о посещении Советского Союза: Сталин — человек, через

которого раскрывается новый мир. Гигант. Железная рука. Сталин — это Ленин сегодня. Чем он отличается от Ленина? Ленин — это руководитель, Сталин — хозяин. Ленин — больше, Сталин — сильнее. В новой России существует подлинный культ Сталина, но этот культ основан на доверии: человек, чей профиль расположен на красных плакатах, заботится обо всех и обо всем. Это он создал то, что есть, и создает то, что будет.

И даже многострадальный Осип Мандельштам за пару лет до того, как его сотрут в лагерную пыль, наступая на горло собственному поэтическому чутью, вымучил из своей больной души дифирамб Сталину:

*Глазами Сталина раздвинута гора
И вдаль прищурилась равнина,
Как море без морщин, как завтра из вчера —
До солнца борозда от плуга — исполина.*

Затем прошли годы, и на трибуну XX съезда партии поднялся Хрущев. О былых заслугах Сталина он говорил сквозь зубы, зато о его преступлениях — в полный голос. Все беды нашей страны, заявил новый партийный вождь, — следствие культа личности Сталина, который искажил идеи Ленина. Логику Хрущева легко понять — ему надо было обелить самого себя в глазах общества. А чтобы усилить впечатление, пообещал, что теперь, когда культ личности развенчан, мы, следуя ленинским заветам, к 1980 г. построим в стране основы коммунизма, а у каждого нашего жителя будет отдельная квартира.

Бригада очередных вождей, сместивших слишком рьяно взявшегося за дело Хрущева, была более сдержанной в своих обещаниях и не пошла дальше развитого социализма. О Сталине теперь говорили мало, но зато только хорошее. Вместо слов для этого использовали кинофильмы о наших былых замечательных победах. Сталину в них отводилась почетная или даже центральная роль.

Потом пришло время сначала перестройки, а затем реформ. О Сталине теперь говорили в основном бывшие диссиденты и самозванные свежеиспеченные демократы. В их речах Сталин превратился в фигуру уже совершенно inferнальную. Под его руководством, утверждали они,

страна выпала из общего потока саморазвития цивилизации, а те победы, которые были за этот период времени, были одержаны не благодаря Сталину, а вопреки ему.

И чтобы увенчать этот новый поворот мифотворчества чем-то символическим, на экраны страны был выпущен сам по себе превосходный фильм Тенгиза Абуладзе «Покаяние», главного героя которого, почти средневекового тирана и изувера Варлама Абашидзе, в чьем облике без труда угадывались черты Сталина, после смерти выбрасывают на свалку. Посмотрев фильм, демократы вздохнули свободно: они решили, что теперь с советским прошлым покончено окончательно, а дорога к храму поведет в рай. Но оказалось, что это тоже был всего лишь миф, правда, на этот раз антисталинский.

Сталин принял от Ленина страну, еле уцелевшую в огне гражданской войны, в кольце крестьянских восстаний, разоренную и обнищавшую. А уходя от нас, оставил великую мировую державу, одержавшую историческую победу в только что закончившейся битве народов, владеющую могучим индустриальным потенциалом и лучшими в мире вооруженными силами. Человек, под руководством которого были одержаны все эти достижения, вне всяких сомнений заслуживает имя Гения. Остается только разобратся, в чем именно заключалась его гениальность.

История хранит память о многих гениях. Гений философии — Платон. Историки говорят, что все сочинения по философии, появившиеся после него, — это всего лишь комментарии к его трудам. Это, конечно, сказано слишком сильно, но тот факт, что его работы заслуживают самой высшей оценки, сомнений не вызывает. Но с другой стороны, хотя имя Платона, несомненно, останется в веках, много ли меньше заслуг у других великих мыслителей той же античной эпохи? Достаточно назвать имена Пифагора, Сократа, Аристотеля, да и многих других. Так что Платон, конечно, велик, но в своей гениальности он не одиночка.

Гениальный физик — это, конечно, Ньютон. В его эпиграфии говорилось, что это был не только величайший, но и счастливейший из смертных, потому что систему мира можно создать только один раз. Но много ли уступали ему в гениальности творившие, как и он, в XVII в. Галилей, Декарт и Лейбниц?

Гений музыки — Моцарт. Но в одном ряду с ним стоят имена Бетховена, Чайковского, Вагнера, Рахманинова и не только.

Когда Сталин умер, Черчилль сказал о нем: «Он принял Россию с сохой, а оставил ее с атомной бомбой». Есть ли у нас основания увидеть в личности Сталина признаки гениальности? Я думаю, есть. Вопрос в том, в чем эти признаки проявлялись. Сначала мне казалось, что Сталина можно назвать гением догмы. Он всю жизнь говорил, что является верным учеником Ленина. Для Ленина главным была победа коммунистической революции во всемирном масштабе. Сталин тоже неоднократно говорил об этом.

Сталин постарался придать этой марксистско-ленинской догме форму секулярной религии. У этой религии был свой бог — Карл Маркс и свой пророк — Ленин.

И все-таки главным была для него не догма: когда требовалось, он умел отступать от нее. Главным для него всегда было другое — власть. Причем власть абсолютная. И он добился ее. Сталин — гений абсолютной власти. В одном лице он объединил функции пророка, первосвященника и царя, которые во все времена, начиная с библейских, были разделены. Это придавало его власти никогда не бывшую ранее силу, но одновременно и слабость: сохранять устойчивость этой властной пирамиды можно было только за счет самых жестоких репрессий и постоянного идеологического оболванивания населения.

Еще раз процитируем Твардовского:

*Любой судьбине благодарен,
Тверди одно, что он велик...
Рукоплещи всем приговорам,
Каких постигнуть не дано.
Оклевети народ, с которым
В изгнанье брошен заодно.
И в душном скопище исходов —
Нет, не библейских, наших дней —
Превозноси отца народов:
Он сверх всего,
Ему видней.*

Впрочем, все это хорошо известно. Не до конца ясными остаются исторические корни этой идеологии, не прояс-

нен и вопрос, почему, выдержав самые жесткие исторические испытания и выйдя из них еще более окрепшей, эта система в конце концов развалилась как бы сама собой. Хрущев говорил исключительно о личных ошибках Сталина и о необходимости вернуться к ленинским нормам. Примерно с таких же речей начинал свою деятельность и Горбачев, провозгласивший лозунг «больше социализма». О Ленине говорит сегодня и Зюганов, впрочем, и о Сталине тоже.

За подобными речами просматривается одно — нежелание, а может быть, и боязнь разобраться в истинных причинах и истоках возникновения сталинской догматики. Я далек от мысли, что мне удастся справиться с этой задачей, масштаб которой мы только начинаем осознавать, но хочется добавить в понимание этих вопросов хотя бы немного дополнительной ясности. Думается, что корни этого феномена, оказавшего столь большое влияние на всю историю XX в., уходят в седую древность.

И начать следует с Платона и Аристотеля. Первый предложил проект идеального государства, которое удивительным образом напоминает то, что получилось у Сталина. И даже, сделав две неудачные попытки, продемонстрировал, каким образом можно было бы провести этот проект в жизнь. С этой целью он пытался заинтересовать своими идеями тиранов Сиракуз, но тем это в конечном счете не понравилось. И Платон был продан в рабство, откуда его, к счастью, выкупили друзья.

Аристотель развил идею Пифагора о том, что Космос — это мировая гармония. Все частное, утверждал он, является рабом по отношению к общему и, следовательно, весь Космос — это мировая рабовладельческая система. Высшая причина — фатум, рок — отражение непознаваемых космических сил. И, значит, судьба — понятие рабовладельческое. Разве и здесь не ощущается резонанс со сталинской догматической идеологией?

Христианство внесло в эту логику новую струю. Вселенная создана Богом, а человек — венец его творения. Его судьба на земле зависит теперь не от слепых сил космического фатума, а определяется божественным предопределением. Но с другой стороны, создав людей по собственному образу и подобию, Творец наказал им: плодитесь и

размножайтесь и наполняйте землю и владычествуйте над нею. Этот божественный глагол позволял совершенно по-новому осмыслить роль и место человека в мире. Показательно, что сделать это удалось только в рамках западной цивилизации, возросшей на синтезе идей античной философии и христианства. На Востоке не произошло ничего подобного.

Однако Вседержитель, наделив человека большими правами активной деятельности, не объяснил, как ими пользоваться. Ответ был найден только на излете Средних веков, когда вспомнили о тайном учении полубогородного египетского жреца Гермеса Трисмегиста — Трижды Величайшего. Оккультные науки, магия, алхимия, астрология — вот что откроет человеку самые сокровенные тайны мироздания и даст абсолютную власть над природой. С этим новым знанием за дело очень решительно взялись Парацельс, Альберт Великий, Роджер Бэкон. Среди них был и доктор Иоганн Фауст, имя которого триста лет спустя обессмертит великий Гете.

Разумеется, у них ничего не вышло. Но их идеями воспользовался Френсис Бэкон, который, наконец, понял, что ключ к тайнам мира сего в руках не у магов и колдунов, а у ученых. Этой основополагающей мысли он придал форму, ставшую знаменитой на все времена: «Знание — само по себе власть».

Первыми этот новый подход стали развивать физики — Галилей, Декарт, Ньютон, Лейбниц. За ними вдохновленные их успехами последовали экономисты, политологи и социологи Адам Смит, Давид Рикардо, Томас Гоббс, Опост Конт. Внес свою лепту и XVIII в. с его идеями Просвещения и революционными бурями. Стало ясно, что научная деятельность, опирающаяся исключительно на силу разума, не нуждается в сакральной поддержке Неба.

Эти идеи увлекли и молодого Маркса, который писал, что недалеко то время, когда социальные науки смогут отражать движения общественной жизни почти столь же хорошо, как, например, химия может предсказывать взаимопревращения веществ. Заметим: эту мысль повторил в четвертой главе «Краткого курса» Сталин с тем несущественным отличием, что сравнил точность марксистской науки не с химией, а с биологией (не уточнив, правда, какую

именно биологию он имел в виду — если судить по другим его высказываниям на эту тему, то видимо, ту, «достижения» которой в те же годы пропагандировал пресловутый Т.Д. Лысенко).

Экономические и философские работы Маркса насыщены гуманистическими идеями Возрождения и духом всеислия Разума эпохи Просвещения. У нас нет необходимости останавливаться на его научных заслугах, они хорошо известны. Но на одном из его открытий для целей нашего исследования надо остановиться особо. Социальные теории эпохи Просвещения были основаны на концепции общественного договора, одним из авторов которой был Руссо. Маркс перевернул этот вопрос и поставил социальные отношения перед людьми, а не после них. Предложенная им формула социальных отношений звучала так: общение — это и есть сущность человека. А наиболее важную, ключевую роль играют производственные отношения, определяемые технологическим базисом. Эту марксову теорию с полным на то основанием можно было бы назвать социальной механикой.

Маркс был, как видно, заморожен этим своим открытием, фундаментальную значимость которого никто не может отрицать и сегодня, а потому не сделал следующего логического шага: он не поставил вопрос, а откуда берется новая технология. За него это сделали М. Вебер и Н.Д. Кондратьев. Но первого из них Сталин, судя по его трудам, не читал, а второй по приказу Сталина был расстрелян в подвалах Лубянки.

Невидимые струны производственных отношений определяют бытие человека, которое в свою очередь определяет его сознание. Мир бытия, в котором живет человек, — это ценности, смыслы и целевые установки, которыми он руководствуется в своей деятельности. Реальная человеческая личность уходит в этой теоретической схеме на второй план или даже размывается вовсе. Маркс, прочно усвоивший идеи гуманизма, положивший в основу своей философской антропологии принцип «свобода каждого является условием свободы всех», не заметил этого дефекта своей социальной теории.

Ленин, считавший себя марксистом, был человеком дела. Для его политической деятельности был нужен дру-

гой принцип теории Маркса: «Философы до сих пор объясняли мир, между тем как задача состоит в том, чтобы изменить его». Для Ленина было естественно смотреть на человека как на общественную функцию. Мне вспоминается роман Ильи Эренбурга «Хулио Хуренито», написанный в 1921 г., в котором очень точно передано отношение Ленина к живому человеку.

— Мы ведем человечество к лучшему будущему, — рассуждает на страницах романа вождь мирового пролетариата, — одни, кому это невыгодно, всячески мешают нам. Мы должны их устранить, убивая одного ради спасения тысячи. Другие упираются, не понимая, что их ждет счастье впереди. Мы гоним их вперед, гоним в рай железными бичами.

Если кто-то подумает, что писатель искажил мысли Ленина, пусть перечитает собрание его сочинений. Что касается Сталина, то он оказался самым верным учеником и последователем Ленина и довел эту его логику до совершенства, придав ей вид отточенных лапидарных формул: «человек — это винтик государственной машины», «кадры решают все» и тут же — «незаменимых людей у нас нет», «партия подобна рыцарскому ордену». Неукоснительно следуя этим железным правилам, Сталин даже с заболевшим Лениным сумел выстроить свои отношения на чисто функциональной основе.

Из сказанного ясно, насколько глубокими и основательными оказались исторические и социокультурные корни феномена сталинизма. Это была естественная и органически неизбежная реакция на необходимость развязать тугой узел противоречий, возникших в ходе исторического процесса. К принятию именно такого сценария подталкивала вся логика предшествующего самодвижения философской и общественной мысли.

Это с высоты наших современных научных представлений ясно, что эта попытка была заранее обречена на неуспех. Объясняется это тем, что в ее основе лежала механистическая одномерная модель социальных процессов, которую попытались применить к описанию динамики системы, подчиняющейся в действительности нелинейным закономерностям. А еще точнее — геосоциальной системы. Руководствуясь этой теоретической моделью, основы которой были сформулированы Лениным, Сталин возвел ис-

кусственную конструкцию, в которой почти полностью отсутствовали механизмы обратных связей и отрицательных реактивностей. Между тем, без этих связей система неизбежно обречена на распад в условиях бифуркаций, или структурных кризисов, которые сопровождают процесс социокультурной эволюции. Построенная ценой колоссальных народных жертв сталинская социальная система была нежизнеспособной с самого начала. Ее существование можно было поддерживать только за счет новых и новых бесчеловечных репрессий.

Личные особенности Сталина сделали его идеальным лидером этой системы. Но, несмотря на все его усилия, ему так и не удалось добиться реализации базового ленинского постулата, согласно которому коммунизм победит капитализм потому, что обеспечит более высокую производительность труда. Этого, как известно, не произошло.

Несмотря на все это, Сталина можно назвать рыцарем без страха и упрека — в том смысле, что он за всю свою деятельность в качестве политического лидера страны не допустил ни одного отклонения от заранее выбранной идеи. Но, конечно, это был черный рыцарь, потому что эта идея была совершенно бесчеловечной.

Если иметь в виду две первые крупномасштабные кампании, осуществленные под руководством Сталина, — переход от нэпа к индустриализации и коллективизацию, сопровождавшуюся гибелью миллионов крестьян, то соответствие действий Сталина этой модели ни у кого из историков не вызывает сомнений. Спорные оценки обычно дают репрессиям, пик которых пришелся на 1937 г., «ленинградскому делу» и борьбе с «безродными космополитами».

Когда историки пишут о сталинских репрессиях, то обязательно упоминают жестокость Сталина, его двуличие и вероломство. Оснований для подобных оценок более чем достаточно. Но присмотримся, против кого в первую очередь были направлены репрессии 37-го года, кто они такие, эти «троцкистские и иные двурушники». Это партийная элита, позднее названная номенклатурой, успевшая вполне благополучно обустроить свою личную жизнь и начавшая понемногу забывать о сути ленинских револю-

ционных заветов. Именно такими были Зиновьев, Каменев, Бухарин, да и многие другие. У Сталина были веские основания думать, что сохрани эти люди, постепенно отходившие от революционных традиций, какие-то рычаги воздействия на власть, у него возникнут проблемы с продолжением той политики, которую он считал единственно правильной. И все они были беспощадно уничтожены. А если при этом пострадало также и много непрямых, то, что делать: это были, как научились говорить в наше время, «попутные жертвы».

Что касается двух последних кампаний, которые были развернуты в самые последние годы жизни Сталина, то тут говорят не только о его болезненной подозрительности и мании преследования, но и о первых признаках тяжелого психического заболевания. Видимо, так оно и было, но правда не только в этом. Чего добивались «космополиты» — они же «Иваны, родства не помнящие»? Они хотели укрепить взаимосвязи отечественной культуры с западной — и по существу не более того. А их обвинили в низкопоклонстве перед Западом, в пропаганде буржуазного образа жизни.

Сталину, несомненно, была хорошо известна доктрина Даллеса, провозглашенная в первые годы холодной войны: «Посеяв в России хаос, мы незаметно подменим их ценности на фальшивые. Литература, театр, кино — все будет изображать и прославлять самые низменные человеческие чувства. В управлении государством мы создадим хаос и неразбериху. Хамство и наглость, ложь и обман, пьянство и наркоманию, животный страх, ненависть к русскому народу — все это мы будем ловко и незаметно пропагандировать. Мы найдем своих помощников и союзников в самой России». Не об этом ли предупреждении думал Сталин, давая «добро» на развязывание кампании против космополитов?

А теперь припомним, какую программу действий предлагали демократы первой волны конца 80-х — начала 90-х годов. Они говорили о возврате в Европу и утверждали, что иного не дано. Мы знаем, к каким плодам привели в конечном счете эти призывы, выглядевшие поначалу столь благостно. Сталин, разумеется, не мог ничего знать об этом идейном резонансе, но, будучи фанатически пре-

дан своей идеологической догматике, он чутко уловил, какую опасность для выстроенной им конструкции несут эти настроения.

Можно думать, что подобная логика сработала и в процессах по «ленинградскому делу». Н.А. Вознесенский, А.А. Кузнецов и их сподвижники предлагали, в частности, создать Бюро ЦК КПСС по РСФСР. Сталин мог усмотреть в этом попытку умаления его власти — и ленинградцы были беспощадно уничтожены.

А в 1991 г. раскольники во главе с Полозковым создали компартию РСФСР — и это нанесло один из последних ударов по КПСС, основному кратологическому центру Советского Союза. Вслед за этим погиб и сам Советский Союз.

Бесчеловечная догма, которой всю жизнь оставался верен Сталин, требовала жертв. И жертвой этой оказалась живая человеческая душа. Оно и понятно: какую еще жертву мог потребовать от своих адептов враг рода человеческого? А тот факт, что, имея в своих истоках высокие идеи гуманности и торжества разума, эта догма приобрела в конечном итоге совершенно inferнальные очертания, вряд ли у кого вызывает сомнения.

Верность догме наградила Сталина каменным сердцем. У него не было друзей, только собутыльники. Да и тех он мог, не задумываясь, отправить к палачам. Впрочем, палачам он тоже не доверял, неоднократно меняя их команды и сводя в могилу их предшественников. Жену, которая, скорее всего, была единственной женщиной, которую он любил, Сталин довел до самоубийства, а может быть, и застрелил. Многих ее родственников, а также и родственников своей первой жены Екатерины Сванидзе он расстрелял или отправил в лагерь. Сложным было и его отношение к собственным детям. Со ссылкой на близкого к Сталину Авеля Енукидзе его племянница рассказала, что как-то во время застолья Сталин заявил, что истинный большевик не должен иметь семьи.

— У меня нет семьи. Это не мои дети — ее дети, — бросил он, указывая на Надежду Сергеевну.

Судьба его детей оказалась драматичной.

Он, конечно, по-своему любил людей. Но это была любовь к абстрактной функции, а не к живому человеку.

В своей первой теоретической работе «Анархизм или социализм» Сталин сравнивал отношение к человеку этих политических течений. Лозунг анархизма, писал он, «все для человека», а лозунг социализма — «все для массы». Ленин одобрил эту работу.

Живой человек оставался для него всего лишь функцией. Его бывший друг Бухарин писал ему в последнем письме из камеры смертников: «Коба, зачем тебе нужна моя жизнь?» Сталин не стал отвечать.

Его самого тоже полагалось воспринимать скорее как абстрактный символ. Вспомним «Песню о Сталине» М. Исаковского:

*Согрел он дыханием сердца
Полярные ночи седые,
Раздвинул он горы крутые,
Пути проложил в облаках.
По слову его молодому,
Сады зашумели густые,
Забил вода ключевая
В сыпучих горючих песках.*

Ведь это не о человеке, а о каком-то богоподобном титане вроде Прометея. Кажется, один только М.А. Булгаков, выполняя заказ Художественного театра, вымучил из себя пьесу «Батум», где рассказывалось о молодых годах Сталина. Герой пьесы получился у мастера вполне живым человеком. МХАТ с готовностью принял за ее постановку, но сначала пьесу отправили в Кремль. Хозяину пьесы понравилась, но ставить ее он не разрешил. У сверхчеловека не должно быть ни слабостей, ни простых человеческих черт.

Сталин добился своей цели: его власть была абсолютной. Однако несгибаемая верность мертворожденной догме, морали, отрицавшей человечность, вела в исторический тупик. Но Сталин не дожил до поражения своих идей. Не без содействия своих «преданных соратников» Берии, Хрущева, Маленкова и Булганина он в муках закончил свои дни на подмосковной даче в Кунцево.

Узнав о его кончине, президент США Д. Эйзенхауэр сказал: «С его смертью кончилась эпоха».

Г л а в а 11

ЕВАНГЕЛИЕ ОТ ВОЛАНДА

После того, как телевидение показало экранизацию романа «Мастер и Маргарита», вокруг него разгорелись бурные споры. Одни писали, что это «новое евангелие», которым автор в свой жестокий век напомнил, что христианство — гуманная мировая религия. По мнению других, все совсем наоборот: роман Булгакова — святотатственная клевета на Евангелие. Была даже и такая версия, что вся евангельская история — это финансовая афера Понтия Пилата.

Странно. Споры концентрировались главным образом вокруг той части романа, которая сочинена безымянным Мастером. Между тем, роман Булгакова — очень цельное произведение, и сочинение Мастера является только его органической частью. Это, правда, не сразу бросается в глаза.

Роман «Мастер и Маргарита» занимает свое место в ряду других произведений Булгакова — «Собачье сердце», «Роковые яйца», «Дьяволиада», пьеса «Иван Васильевич», в которых элементы фантастики используются для сатирического высвечивания темных сторон советской жизни. Выбирая этот прием, Булгаков следует нашим великим классикам Гоголю и Салтыкову-Щедрину. В этих повестях созданы замечательно яркие образы Шарикова, Швондера, бравого комиссара Рокка. В том же стиле сатирической фантастики написан и рассказ «Похождения Чичикова», в котором действие переносится в нашу советскую эпоху. Приспособившись к жизни в красной столице, Чичиков устраивает себе и своим родственникам академические пайки и продает Коробочке за бесценок здание Манежа.

В том же самом ключе сатирической фантастики выдержан и наиболее значительный роман «Мастер и Маргарита». Но масштаб задуманного намного превосходил все,

что было сделано раньше. Начиная работу над романом, Булгаков в 1931 г. пишет письмо Сталину, в котором рассказывает о своем замысле. «Дорогой Иосиф Виссарионович! — говорится в письме. — Чем далее, тем более усиливалось во мне желание быть писателем современным. Но я видел в то же время, что, изображая современность, нельзя находиться в высоконастроенном и спокойном состоянии, какое необходимо для произведения большого и стройного труда. Настоящее слишком живо, слишком шевелит, слишком раздражает: перо писателя нечувствительно переходит в сатиру... Сообщаю, что после полутора лет моего молчания с неудержимой силой во мне разгорелись новые творческие замыслы, что эти замыслы широки и сильны... На широком фоне словесности российской в СССР я был один-единственный литературный волк. Мне советовали выкрасить шкуру. Нелепый совет. Крашенный ли волк, стриженный ли волк — он все равно не похож на пуделя. Со мной и поступали как с волком. И несколько лет гнали меня по правилам литературной садки в огороженном дворе... Нет такого писателя, чтобы он замолчал. Если замолчал, значит, был не настоящий... по ночам начал писать...»

Я готов извиниться за слишком длинную цитату, но, право же, лучше изложить замысел романа «Мастер и Маргарита», чем это сделал сам Булгаков в этом письме, невозможно. Поэтому оценивая роман, мы должны исходить прежде всего из того, что хотел сказать нам автор. Любые другие толкования будут главным образом домыслами.

Приступая к разбору романа с этой точки зрения, начнем с сюжетного хода, которому в сатирической литературе нет аналогов, — евангельской истории, переименованной Мастером. В первых редакциях «романа о дьяволе» этот сюжет отсутствует и появляется только в дальнейшей работе над романом. Произведение Мастера слабо связано с основным текстом, выдержанным в стиле социальной фантастики Гофмана. Роман и без него читался бы как целостное произведение. Зачем же Булгакову потребовалось включить в него евангельскую историю? Попробуем разобраться в этом вопросе.

Покажем для начала, что кроме сюжетной канвы эта история не имеет с каноническим Евангелием ничего общего. Евангелие — это Благая весть о явлении миру Иису-

са Христа, сына Божьего, Богочеловека. Но в романе Мастера нет ни Христа, ни других героев Евангелия.

Христос послан в мир, чтобы искупить грехи человеческие и создать новое учение. Для этого он должен принять крестные муки, умереть, а затем воскреснуть. Догмат о воскрешении — одна из основ христианской религии «Если Христос не воскрес, — говорит апостол Павел, — то и вера наша тщетна». «Смертию смерть поправь сущим во гробех вечный живот даровав», — звучит в пасхальном богослужении.

В центре христианской религий сам Христос — «Божественное Слово, облеченное в плоть». Призывая людей к новой жизни в вечном Царстве Божьем, он говорит: «Я есть хлеб жизни, приходящий ко мне не будет алкать и верующий в Меня не будет жаждать никогда... и Я воскрешу его в последний день». И еще: «Я есть истина». Что общего у этой грандиозной фигуры вселенского масштаба может быть с героем истории, рассказанной Мастером?

Иешуа — тезка Иисуса Христа — бездомный бродяжка, не знающий ни роду, ни племени и любящий философствовать. И попасть на крест ему вовсе не хочется. «Отпустил бы ты меня, игемон», — просит он Пилата. И никакого воскрешения Мастер не упоминает.

Иешуа — бледная тень Иисуса Христа — не может быть главным героем романа. Им стал прокуратор Иудеи Понтий Пилат — сильный человек, проявивший однажды трусость, а потом непереносимо мучимый совестью. В образе Понтия Пилата воплотилась основная трагедия человечества — его полудобро.

Видимо, Булгакову хотелось через осмеяние советского мира, через буффонаду и скептическую философию Воланда привести читателя к высокому идеалу древней легенды, к учению, возникшему в ершалаимском мире и утверждающему торжество нравственно прекрасного и доброго человека, которого никакие муки и страдания не могут заставить отказаться от веры в добро. В этом увидели замысел Булгакова некоторые аналитики, анализировавшие его роман. Но, думается, реализовать эту идею в сатирическом романе невозможно.

Пилат пытается спасти Иешуа. Он пробует договориться с первосвященником Канафой, но тот полагает, что

вольные речи Иешуа могут смутить народ и подорвать власть фарисеев. То же самое делает Пилат, стоя перед толпой, требующей казни, и уступает, когда видит, что может вспыхнуть бунт.

Совершенно не похож на евангельского Иуду и роман- ный Иуда из Кириафа. Он служит в меняльной лавке в Ершалаиме, а в качестве хобби занимается провокацией и доносами. Прослышав об опасных речах Иешуа, он при- глашает его к себе в дом, проявляет гостеприимство и рас- спрашивает о его взглядах на государственную власть. Стоило несчастному философу сказать что-то неосторож- ное, как тут же вбежали люди, связали его и повели в тюрьму. А Иуда, получив за донос сребреники, довольный собой, отправляется на любовное свидание к Низе, кото- рая предала его, и он был зарезан по тайному приказу Понтия Пилата. Очень добрый человек, — говорит о нем Иешуа на допросе у Понтия Пилата.

По сравнению с Евангелием у Мастера нет еще двух ге- роев, которые в каноническом тексте играют ключевые роли — Бога и дьявола. «Евангелие от Воланда» — так первоначально называлась история, рассказанная масте- ром. А разве мог дьявол пересказать сюжет подлинного Евангелия близко к его основному смыслу? Пока для нас остается загадкой, зачем потребовалось Булгакову вклю- чать в свой роман это «Евангелие». Продолжим поиски от- вета на этот вопрос.

За год до письма к Сталину, которое мы цитировали, он пишет правительству СССР об особенностях своего творческого метода. Это сатирические произведения, «в которых изображены бесчисленные уродства нашего быта, яд, которым пропитан мой язык, глубокий скептицизм в отношении революционного процесса, происходящего в моей отсталой стране, а самое главное — изображение страшных черт моего народа, тех черт, которые задолго до революции вызвали глубочайшие страдания у моего учи- теля М.Е. Салтыкова-Щедрина». Против подобных произ- ведений с яростью выступали вся советская пресса и все идеологические учреждения. А потому, пишет Булгаков, борьба с цензурой — «мой писательский долг, так же как призывы к свободе печати».

Социальная фантастика — метод, который использует Булгаков для решения этой задачи. Но роман «Мастер и Маргарита» насыщен не только ядом. Здесь история взросления молодого невежественного поэта Ивана Бездомного, автора чудовищных стихов в стиле Демьяна Бедного, который в конце концов становится профессором Поныревым. Здесь и трогательная и прекрасная повесть о Мастере и Маргарите — символе чистой и верной любви.

Находит свое место и мистический флер: бал сатаны в злосчастной квартире номер 50, и полет Маргариты на шабаш ведьм. Вставной характер этих эпизодов хорошо виден на примере этого полета: в телеверсии романа, поставленной В. Бортко, посвященная ему серия выглядит совершенно ненужной и только затягивает действие. Но, видимо, Булгаков понимал: без этой мистики роман проиграет в глазах читателей.

Но кто же они такие, десятки персонажей, которые встают перед нами со страниц бытовой части романа? Это в основном народ нехороший: выжиги и плуты, доносчики и сексоты, валютные спекулянты и беспринципные литераторы, стяжатели и воры, взяточники и мелкие жулики. И простая публика, любящая погреть руки на дармовщину и увлекающаяся тем, что в наши дни называется страстью к потребительству. Любят деньги, легкомысленны, но милосердие иногда стучится в их сердца. Обыкновенные люди, квартирный вопрос только испортил их.

И все они получают по заслугам — команда Воланда с усердием выполняет работу, которую поручил им автор романа. Да полно — возникает тут еще один вопрос: дьявольское ли это дело устанавливать справедливость? И что же это за дьявол, который, прибыв в Москву, словно позабыл о своей извечной практике и начал заниматься делом, по библейским канонам совершенно ему чуждым? Видимо, таким был авторский замысел Булгакова. Об этом свидетельствует эпиграф, который он выбрал для своего романа, — это слова Мефистофеля из знаменитой поэмы Гете «Фауст»:

— *Так кто ж ты, наконец?*
— *Я часть той силы,*
что вечно хочет зла
и вечно совершает благо.

И надо сказать, выполняет Воланд эту работу мастерски. За пару минут он сам или его разбитная свита узнают, что за фрукт предстал перед ними, а затем наказывают его за прегрешения. Но излишней жестокости они при этом не проявляют. Убит только один профессиональный провокатор и тайный сексот бывший барон Майгель. Вспомним слова Булгакова из письма Сталину:

«Настоящее слишком живо, слишком шевелит, слишком раздражает: перо писателя переходит в сатиру». Перед нами превосходная реализация авторского замысла.

Редкостная по изобразительной силе череда персонажей встает перед нами в московской части романа. Все они изображены не менее ярко, чем Шариков и Швондер из «Собачьего сердца». Вот глава МАССОЛИТа Михаил Александрович Берлиоз, человек начитанный и идеологически хорошо подготовленный. Он не оценил ни собственного внезапно вспыхнувшего предчувствия, ни довольно-таки ясного предсказания Воланда, потому что не верил ни в какую мистику. И погиб безвременно.

А вот совсем другой образ — гениальный психиатр профессор Стравинский.

Степа Лиходеев — директор Театра варьете, который ничего не смыслит в этом деле и которого после сеанса черной магии перебросили в Ростов заведовать гастрономом. Развязный и пошловатый конферансье Бенгальский. Финдиректор Римский, перепуганный этим сеансом чуть ли не на всю жизнь. Известный всей Москве театральный администратор Варенуха, которому за грубость пришлось некоторое время побыть вампиром. Любитель разоблачений и большой поклонник женского пола товарищ Семплеяров. Заядлый бюрократ Прохор Петрович, продолжавший успешно выполнять свои обязанности, даже когда от него остался только пустой костюм с галстуком.

Взяточник и невольный валютчик Никанор Иванович Босой, председатель жилтоварищества. Родственник покойного Берлиоза Поплавский, стремящийся заполучить квартиру в Москве. Ловчила Алоизий Могарыч, написавший донос на Мастера, чтобы захватить его квартиру.

Буфетчик Андрей Фомич из Варьете, предлагающий посетителям своего заведения зеленую брынзу и тухлую осетрину. И накопивший на этом нехорошем деле нема-

лые сбережения, которые, впрочем, ему не понадобятся, так как через девять месяцев он умрет от рака печени, о чем ему заранее сообщает Коровьев. Аннушка-чума, любительница скандалов, невольно погубившая Берлиоза. Тайный сексот и шпион барон Майгель, единственный из героев романа, кого Воланд покарал смертью.

Поэт Рюхин, горько сожалеющий, что жизнь проходит мимо из-за дурных стихов, которые он сочиняет. И завидует Пушкину: что бы ни случилось с ним в жизни, все шло ему на пользу. И что такого особенного есть в этих словах: «Буря мглою...»

Непотопляемый чернобородый красавец, похожий на пирата, Арчибальд Арчибальдович, заведующий рестораном у «Грибоедова». Этот своего не упустит.

И наконец, Николай Иванович, выпросивший у Бегемота поразительную справку о том, что он провел ночь на балу у сатаны в качестве транспортного средства-борова.

Интересно отметить, что образы почти всех героев романа, которых разоблачают и наказывают Воланд и его команда, имеют свои реальные прототипы. Сатирические стрелы Булгакова точно бьют в живых людей, его современников. Мы теперь этого не замечаем, но если бы роман был опубликован в 1930-е годы, читателям того времени все было бы ясно.

Прототип литератора-конъюнктурщика Берлиоза — поэт Д. Бедный, автор опубликованной в 1925 г. в «Правде» антирелигиозной поэмы «Новый завет без изъяна евангелиста Демьяна». Беседа с Иваном Бездомным, Берлиоз повторяет эти рассуждения. Да и облик Берлиоза — почти точный портрет когда-то известного поэта.

Прототип Семплярова — советский и партийный деятель Абель Енукидзе, занимавший столь же бесполезный пост в искусстве и такой же поклонник женского пола.

«Нижний жилец» Николай Иванович, которого Наташа превратила в «транспортное средство», — вылитый Н.И. Бухарин, тоже любитель сладенького.

Друг Бездомного поэт Рюхин, завидующий Пушкину, — Маяковский.

Персонифицированы у Булгакова даже эпизодические герои. Так, сочинительница морских историй, пишущая под псевдонимом штурман Жорж, — Лариса Рейснер.

МАССОЛИТ — злая сатира на советских писателей, предающихся машинному сочинительству «пролетарской» литературы и лишенных подлинного дара творчества. Зато страстно увлекающихся всеми видами потребления.

Богатство и разнообразие персонажей поражают. Трудно указать другое сатирическое произведение, страницы которого были бы заселены столь плотно. На память приходят, пожалуй, только «Двенадцать стульев» и «Золотой теленок» Ильфа и Петрова.

Роман написан очень легким стилем, и многие высказывания его героев до сих пор у всех на слуху:

- Это факт. А факт — самая упрямая в мире вещь.
- Осетрина второй свежести
- Подумаешь, бином Ньютона!
- Нет документа, нет и человека. И, прошу заметить, не было.

— Никогда и ничего не просите. И в особенности у тех, кто сильнее вас. Сами предложат и сами все дадут.

И наконец, самое знаменитое: рукописи не горят.

А разве можно забыть первые слова романа Мастера: «В белом плаще с кровавым подбоем шаркающей кавалерийской походкой...»

Кажется, образ Москвы 1930-х годов предстает перед нами во всем многообразии населяющих ее типов. И все-таки для полного завершения картины кое-чего не хватает. 1930-е годы — это эпоха «большого террора». С ее манией всеобщего доноительства, трусливым предательством друзей и родных, выматывающим душу страхом репрессий за малейшее проявление свободомыслия. И дружные крики обезумевшей толпы на собраниях: «Бешеных собак к расстрелу!» По ночам москвичи просыпались в холодном поту, услышав возле своего подъезда шорох шин «черных марушь».

Рассказать об этой стороне московской жизни было никак невозможно. Но если бы Булгаков уклонился от упоминания этого ужаса, его роман мог бы напоминать обычную в те времена идеализацию советской действительности. Булгаков не мог на это пойти: он — «литературный волк», а не стриженный пудель. И мастер нашел способ, как, не говоря ничего, сказать все.

Вот тут и раскрывается тайный смысл «евангелия от Воланда», угаданного Мастером. О чем мы узнаем, прочитав роман непредвзято, отставив в сторону религиозные мотивы? О безмерной жестокости власти, когда она становится абсолютной. О доносах и подлых доносчиках. О пренебрежении к судьбе маленького человека. О беспощадном подавлении любого инакомыслия. О реве обезумевшей толпы «распни его!» Об удивительном всеведении секретных служб. О страхе, который испытывают перед этими службами даже самые высокопоставленные чиновники: вспомним, как заискивает всемогущий прокуратор Иудеи перед «человеком в капюшоне», представителе этих самых служб. О мучительных муках совести, испытываемых за однажды проявленную подлость.

Да, все это происходит две тысячи лет назад, в древнем Ершалаиме, но как узнаваемы эти картины! За ними легко угадывается жуткий облик эпохи сталинских репрессий. Так может быть, именно в этом и заключен тайный смысл совмещения в одном романе сатирической фантастики с псевдорелигиозной историей?

Решена задача, поставленная Булгаковым перед собой: портрет эпохи получил свое завершение, не упущена ни одна деталь. Это не удалось ни одному советскому писателю, даже А. Платонову. Можно, конечно, упрекнуть Булгакова за то, что он ничего не сказал о трудовом энтузиазме, о буднях великих строек. Но это не тема для сатирического романа. Булгаков это прекрасно понимал: вчитайтесь еще раз в письмо Сталину: подобных целей он перед собой не ставил.

Разумеется, тот, кто решился на подвиг создания столь глубокой и широкомасштабной картины советской действительности, не мог остаться безнаказанным. Скрытый смысл романа Мастера был легко разгадан идеологической стражей режима. Мастера затравили критики Латунский и Ариман, литератор Лаврович, погубившие его литературную карьеру. По доносу Магарыча его забрали в НКВД, а затем упрятали в сумасшедший дом. Он был сломлен. И осужден Булгаковым: «если замолчал, значит, был не настоящий» (из письма Сталину).

Не легче пришлось и самому Булгакову. В 1939 г. он пишет В.В. Вересаеву совершенно безрадостное письмо: «Убе-

дившись за последние годы в том, что ни одна моя строчка не пойдет ни в печать, ни на сцену, я стараюсь выработать в себе равнодушное отношение к этому. И, пожалуй, я добился значительных успехов: я уже привык смотреть на всякую свою работу с одной стороны — как велики будут неприятности, которые она мне доставит?.. Теперь я занят совершенно бессмысленной с житейской точки зрения работой — произвожу последнюю правку своего романа. Все-таки, как ни стараешься удавить самого себя, трудно перестать хвататься за перо. Мучает смутное желание подвести мой литературный итог (*подчеркнуто автором письма*).

Булгаков понимал, что работает «в стол». Роман был опубликован только двадцать семь лет спустя после смерти писателя, в 1967 г.

Великий роман остался незаконченным: Булгаков умер, продолжая над ним работать. Вот одно из интересных последних исправлений. В первоначальной редакции крылатый вестник передает Воланду указание решить судьбу Мастера и Маргариты. В окончательной редакции перед Воландом появляется Левий Матвей. Воланд глумится над ним, называя рабом и глупцом. Тот же, унижаясь перед Лукавым, от имени Иешуа выпрашивает у него наградить Мастера и его подругу покоем. Кто важнее — «силы тьмы» или «силы света»? В глазах Булгакова весь мир уже, кажется, окончательно потонул во мраке. Не случайно Маргарита говорит Мастеру: «Клянусь тебе жизнью твоею, клянусь тебе копьем сына звездочета, тобою найденного, тобою угаданного, твой заступник — Воланд! Все будет хорошо».

И Мастер получает от Воланда райский домик в цветущем саду со свечами и музыкой Шуберта.

— Слушай безмолвие, — говорит Маргарита, и песок шуршит под ее босыми ногами, — слушай и наслаждайся тем, чего тебе не давали, — тишиной. Смотри, вон впереди твой дом, который тебе дали в награду. Я уже вижу венецианское окно и вьющийся виноград, он поднимается к самой крыше. Я знаю, что вечером придут те, кого ты любишь. Они будут играть тебе, они будут тебе петь. Ты увидишь, какой свет бывает в комнате, когда горят свечи. Ты будешь засыпать, надевши свой засаленный и вечный колпак, ты будешь засыпать с улыбкой на губах. Сон укрепит тебя, ты станешь рассуждать мудро. Беречь твой сон буду я.

Глава 12

ЭТИЧЕСКАЯ КАТАСТРОФА РОССИИ

В России со времен татаро-монгольского ига существовало две альтернативные этические системы. Первая — коллективистская, общинная. В условиях нашего сурового северного климата крестьянин мог выжить, только опираясь на поддержку и взаимопомощь односельчан. Государство, добиваясь своего укрепления, оберегало эту систему, препятствуя свободному перемещению крестьян и поддерживая сельскую общину.

Вторая этическая система возникла в среде вольных людей, изгоев общества — казаков, ушкуйников, разбойников, воров. Спасаясь от феодального гнета и татарских притеснений, они уходили в леса, в заволжские дебри, в южные степи, плавали по рекам, занимаясь грабежом живших по берегам инородцев. По необходимости они хорошо владели оружием и чаще всего вели военный и походный образ жизни.

Их жизненным девизом была не свобода, а воля: никаких правовых или законодательных ограничений, без которых невозможна свободная жизнь, они не признавали. Заметим: русское слово «воля» не имеет смысловых эквивалентов в других европейских языках. Это был индивидуализм вольных людей, усвоивших понимание воли как возможности иметь и осуществлять свои желания, как ничем не ограничиваемую свободу.

Разумеется, они тоже не могли жить поодиночке, необходимо было создавать ватаги, казацкий круг или просто временные банды. Но это не был коллективизм, это были именно добровольные союзы вольных людей.

Порядки, царившие в казацкой вольнице, описал Н.В. Гоголь. Тарас Бульба, приехав с сыновьями в Запо-

рожскую Сечь и осмотревшись, пошел к сечевому атаману и сказал:

— А что, не пора нам погулять?

— Нет, — ответил тот, — не можно. У нас договор с посполитыми.

Тарасу этот ответ не понравился. Он подпоил кое-кого из знатной старшины. Собрали сечевой круг. Скинули прежнего атамана и выбрали другого, более покладистого.

И Тарас, собрав ватагу вольных лихих казаков, отправился разорять польские местности. Правда, кончилось все это для него весьма печально.

Русское государство подавляло эту деятельность, его моральной опорой всегда служила коллективистская этика. Иначе и быть не могло: 90% населения составляли крестьяне. Но в истории бывали периоды, когда по тем или иным причинам государственные механизмы управления оказывались ослабленными. И тогда вольная этическая система в жизни общества выходила на первый план. Именно это произошло в период Смуты в начале XVII в. По стране бродили своевольные казацкие отряды, многочисленные банды грабителей, в городах процветало воровство. Недалеко от них ушли и боярские круги, готовые торговать родиной и шедшие на предательство ее интересов. И все это на фоне иностранной захватнической интервенции. Патриотам во главе с Мининым и Пожарским пришлось немало потрудиться, чтобы положение в стране постепенно нормализовалось.

Но каждый раз, когда государство проявляло слабость, подобные события вспыхивали вновь. Такими были бунты Степана Разина и Емельяна Пугачева. Падение в 1917 г. самодержавия и последовавшая затем гражданская война стали той ареной, на которой вольные русские люди проявили себя в полной мере. Было их немало и в среде борцов за советскую власть. Наблюдательный А. Блок в поэме «Двенадцать» написал об этих «апостолах революции»: «на спину надо б бубновый туз». Во время репрессий 1930-х годов с наследием этой вольнолюбивой партизанщины было покончено самым жестоким образом. И снова восторжествовала коллективистская этика, только теперь на основе коммунистической идеологии.

Было бы, однако, ошибкой видеть в вольной этике одни только темные стороны. Вольные люди — русские землепроходцы в XVII–XVIII вв. — освоили сначала Урал, затем Сибирь и в конце концов вышли к Тихому океану. А потом двинулись на Дон и Кубань. Это были главным образом казацкие отряды. Роль казачества в истории России была противоречивой. Если еще в конце XVIII в. Екатерина II распорядилась разогнать Запорожскую сечь, то уже в XIX в. государство сумело интегрировать вольное казачество в собственные управленческие структуры.

На Западе в период формирования капитализма сложилась совершенно иная — либеральная — этическая система. В основе либеральной идеологии лежат идеи индивидуальной свободы, но одновременно верховенства права и равенства всех перед законом. Либерализм признает демократию, терпимость к инакомыслию, веру в прогресс общества. В области социальной политики главное для него — обеспечение максимальной автономии и свободы человека, охрана частной собственности, защита свободного предпринимательства и прав человека.

В России капитализм начал развиваться поздно, в основном после реформ 1860-х годов. Поэтому либеральная этическая система получила лишь незначительное распространение. Еще меньше шансов на успех было у нее после установления в стране советской власти, когда безусловно лидирующие позиции заняла традиционная коллективистская этика, правда в коммунистическом формате.

В наши задачи не входит анализ причин, по которым Советский Союз потерпел крушение. Для целей нашего исследования важно выделить только одну сторону этого процесса: шестидесятники, бывшие диссиденты, часть номенклатуры среднего уровня, либерал-реформаторы, прошедшие выучку в Чикагской школе экономики, прекрасно понимали, что без разрушения советской этической системы их победа никогда не будет полной.

Поэтому было сделано все, чтобы подорвать социально-политические опоры этой системы. Была запрещена КПСС. Распущен комсомол. Ликвидированы колхозы, значительная часть которых функционировала успешно и снабжала страну продовольствием. Перед СМИ была по-

ставлена задача активно пропагандировать западный образ жизни и идеи либерализма. И экраны телевизоров заполнили образцы самой низкопробной продукции масс-медии. «Иного не дано», — вешали шестидесятники, а некоторые экономисты вроде Ларисы Пияшевой заявляли, что через пару лет мы будем жить не хуже, чем в Америке.

В конце концов либерал-реформаторы пришли к выводу, что с коллективистской этикой покончено навсегда, а население усвоило принципы либерализма. «Либерализм победил в России», — в 2004 г. торжествующе объявил Чубайс.

Но произошло нечто совсем другое. В России действительно был построен капитализм, только это был такой капитализм, который сами реформаторы назвали бандитским. Этому капитализму традиционная российская коллективистская этика была не нужна. Но не нужны были ему и строгие принципы западного либерализма. Ему больше всего подходила ранее маргинальная вольная этическая система. Эту систему наш капитализм освоил очень оперативно, и теперь именно она стала играть главную роль в стране.

Президент России из танков расстреливает законно избранный парламент. О каком уважении к закону тут можно говорить? Будущие олигархи, используя изощренные воровские приемы, растаскивают национальные богатства страны. К началу XXI в. положение России стало более или менее стабильным. Какую картину мы наблюдаем сегодня?

Чиновничество, погрязшее в коррупции, ставящее превыше всего собственные шкурнические интересы. Посмотрите, сколько роскошных особняков выросло вокруг наших городов. Казалось бы, должен действовать основной принцип государственной бюрократии: указания, поступающие с верхних этажей государственной власти, следуют неукоснительно выполняться. Но у нас нет и этого: наши чиновники освоили технологию саботажа таких указаний. В результате многие хорошие решения тонут в бюрократических катакомбах. Получая указания, бюрократический аппарат стремится проводить их в жизнь таким образом, чтобы не причинить вреда собственным интересам. А

еще лучше что-то от этого выиграть. Недавно Организация экономического сотрудничества и развития (ОЭСР) определила Россию как «слабое государство с сильными чиновниками».

Корни коррупции проникли и в наши правоохранительные органы. У нас нет независимых судов. Милиция кое-где смыкается с криминальными структурами, а бывает, что и сама создает бандитские шайки из своих рядов. Население боится обращаться за помощью к милиции.

А что такое позор нашей когда-то доблестной армии — дедовщина? Старослужащий, с садизмом избивающий своего младшего товарища, — что ему известно о законности и правах человека? Со времен Петра Великого русская армия жила по законам коллективистской этики — солдатского братства, взаимопомощи и взаимоподдержки. Это делало ее сплоченной и стойкой. Эти ее качества отмечал и крупный немецкий военный историк Клаузевиц.

Удары, нанесенные либеральными реформами по коллективистской этике, не могли не коснуться и армии. Сейчас много говорят о необходимости покончить с дедовщиной. Лучший способ решить эту проблему — восстановить былые традиции солдатского коллективизма. Для этого надо, чтобы солдаты занимались не строительством генеральских дач, а суровой боевой подготовкой, которая может быть успешной только в условиях солдатской солидарности.

В стране процветает теневая экономика, для которой абсолютно чужды принципы либерального предпринимательства. Повсюду возникают процветающие бандитские шайки. Найти киллера, чтобы «заказать» конкурента, не представляет труда.

Все больше распускаются цветы национализма, очень напоминающие немецкий фашизм на этапе, когда Гитлер только готовился стать германским канцлером. Вольной этикой руководствовались штурмовые отряды Рема. Придя к власти, Гитлер понял, что эти слишком вольнолюбивые шеренги штурмовиков ему могут только помешать, и в одну ночь «длинных ножей» все их руководство во главе с Ремом было уничтожено. На наших национал-фашистов пока управы нет.

Нельзя не признать: картина складывается безрадостная. Господство вольной этики едва ли не на всех этажах современного российского общества может завести страну только в одном направлении — в исторический тупик.

Но есть ли у нас основания считать ситуацию безысходной? Нет, и прежде всего потому, что в стране сохранилось еще немало патриотов, хорошо образованных людей, интеллектуалов, продумывающих пути выхода из современного системного кризиса. Способа возврата к былой коллективистской этике уже не существует. Но есть другие перспективные идеи для интеллектуального поиска.

К настоящему времени стало очевидно, что механистическое мировоззрение, принципы которого еще в XVII–XIX вв. были положены в основу экономики, политологии и социологии, более не отвечает реалиям сегодняшнего дня. На смену ему приходят нелинейное мышление и синергичное миропредставление. На этой основе постепенно формируется и принципиально новая, синергичная этическая система. Разумеется, овладение ею широкими массами активного трудового населения — процесс не легкий и не быстрый. Однако история предъявила нам очередной тяжелый вызов. И нелинейное мышление является наилучшей идейной основой для достойного отклика на этот вызов.

СИНЕРГИЧЕСКАЯ ЭТИКА

Формирование идеологии классического либерализма и принципов капиталистической морали проходило под давлением «снизу» со стороны протестантской этики. Основа этой этики представлена Максом Вебером в следующем виде: индивидуализм, уверенность в своих силах, уважение к закону и вера в его действенность, ограничение материального потребительства и стремление делать свое дело как можно лучше. При переносе этих принципов на почву Нового Света на одно из первых мест выдвинулось одно качество, которое очень уважают американцы, — achievement, что можно перевести как «достижительность». Вот этот набор личностных характерных черт WASP-white Anglo-Saxon protestant, т.е. белый человек, — определил облик западной культуры и стал предпосылкой возникновения либеральной идеологии.

Российская этническая культура по многим показателям отличается от этого западноевропейского эталона, который изо всех сил пытаются пересадить на нашу почву отечественные «правые» реформаторы. А когда из этих попыток ничего толкового не получается, «правые» интеллигенты начинают сетовать на отсталость и неразвитость нашего народа. Но в действительности никакой отсталости или тем более «дикости» нет, все дело в том, что у нас иной тип этнической культуры, который отличается от западного.

Русская духовная традиция основана не на материально-технологическом, а на ценностном отношении к миру. Между прочим, эта ее особенность отчетливо проявляется в борьбе современных политических сил, которые совершенно независимо от собственной ориентации выдвигают на первый план именно идеи и идеалы, а не программу

действий. Некоторые партии попадают в парламент и даже становятся там конституционным большинством, вообще не имея какой-либо внятной программы. Их успех на выборах обусловлен во многом древним русским архетипом соборного сознания.

Русский человек в отличие от западного не замыкается в круге своей национальности, в нравственной норме общения сходятся индивидуальные различия. Русское национальное начало — этика коллективизма, сотрудничества.

Еще одна из специфических особенностей традиционной российской ментальности — бинарная логика, отсутствие середины в суждениях, неумение идти на компромисс. Сначала сотни лет торжествуют принципы самодержавия и православия, затем они отбрасываются и совершается решительный переход к коммунистическому выбору, на смену которому семь десятилетий спустя также без колебаний приходит либерально-рыночная идеология. Правда, все эти колебания носят верхушечно-поверхностный характер и не затрагивают основ этнической культуры. Подобных полярных переходов от одной крайности к другой нет на Западе, где часто торжествует дух компромисса и консенсуса.

Отсутствие в России гражданского общества породило и следующую характерную черту российской культуры — настроения патернализма, надежды на «царя-батюшку» (генерального секретаря, президента), который все, наконец, исправит. Это, впрочем, никогда не мешало нелюбви ко всему государственному, подспудному неприятию официальной идеологии, что находило выражение в творчестве народных бардов подобных Высоцкому, в острых политических анекдотах и т.п.

После этих пояснительных замечаний о методологических требованиях к выбору идеологии, которая могла бы послужить основой для практической работы по возрождению России, поставим вопрос, не существует ли уже в настоящее время научных предпосылок для формирования такой идеологии. К счастью для нас, на этот вопрос можно дать положительный ответ: такие предпосылки существуют. Это учение В.И. Вернадского о ноосфере. По мнению академика Н.Н. Моисеева, если вершиной науч-

ных достижений XVII–XVIII вв. была классическая механика Ньютона, XIX в. — эволюционная теория Дарвина, то в XX в. такой вершиной следует считать учение Вернадского о ноосфере.

По сравнению с другими идеологиями, с которыми в России экспериментировали практически весь XX в., концепция Вернадского обладает тем важным достоинством, что она явилась продуктом отечественной научной мысли. Правда, сам термин «ноосфера» был предложен бергсонянцем Е. Ле Руа, который в 1922 г. слушал лекции Вернадского в Сорбонне. Использован этот термин независимо от Вернадского и в книге П. Тейяр де Шардена «Феномен человека», но эта работа имеет мистическую направленность.

Зато между учением Вернадского и теорией постиндустриального общества Д. Белла можно обнаружить немало параллелей. Разумеется, эти вопросы освещены Беллом значительно более детально, поскольку он разрабатывал свою теорию тридцать лет спустя после Вернадского.

Рассмотрим основные положения учения Вернадского. В основе его концепции лежит хорошо аргументированная научная методология. «Главное в научном миропредставлении, — писал он, — это метод научной работы, известное отношение к подлежащему научному изучению явлению». Основной метод, который положен Вернадским в построение теории ноосферы, — это системное обобщение эмпирической информации и постулирование основополагающих принципов. Эта методология позволила Вернадскому сформулировать целостную мировоззренческую парадигму.

Следуя этому методу, Вернадский утверждает, что появление и эволюция человека есть не что иное, как закономерный этап эволюции биосферы, которая в свою очередь является органичным порождением космической среды Вселенной. Антропогенез, таким образом, рассматривается им как естественная составляющая развития биосферы и Космоса в целом. Эта парадигма позволяет вести анализ процессов становления ноосферы на основе обобщения фундаментальных закономерностей универсальной истории.

Завершающий этап становления индустриальной цивилизации внес в этот естественный процесс два новых фактора принципиальной важности. Первый из них состоит в том, что «человек на наших глазах становится мощной геологической силой... В геологической истории биосферы перед человеком открывается огромное будущее, если он поймет это и не будет употреблять свой разум и свой труд на самоистребление».

Второй фактор — это возникновение многочисленных экономических, финансовых, политических, технологических, культурных связей, превращающих мировое сообщество в целостную самоорганизующуюся систему. Если еще в середине XIX в. Н.Я. Данилевский и К.Н. Леонтьев имели основания утверждать, что человечество, рассматриваемое как целое, пустое слово, а в начале XX в. О. Шпенглер и А. Тойнби вслед за ними отрицали единство мировой цивилизации, то ко второй половине XX в. существование этого феномена и следующего из него процесса глобализации стало совершенно очевидным. Вернадский был одним из первых, кто заметил эти знаковые перемены.

Исторический процесс, писал он, меняется коренным образом. Перед человечеством, «перед его мыслью и трудом ставится вопрос о перестройке биосферы в интересах свободно мыслящего человечества как единого целого. Это новое состояние биосферы, к которому мы, не замечая этого, приближаемся, и есть ноосфера».

Этот тезис Вернадского о неизбежности становления ноосферы вызвал неприятие у ряда теоретиков. Основными положителями геополитики К. Макиндером, К. Шмиттом, А. Савицким и другими был провозглашен альтернативный постулат об извечном дуализме, неизбежном противостоянии двух мировых центров — талассократии и теллутократии, союзов морских и континентальных держав. В наше время эти идеи геополитики активно используются стратегами униполярной глобализации, цель которой состоит в создании новой мировой империи *Rex Americana*, в подчинении мировым финансовым центрам и транснациональным корпорациям со штаб-квартирой в Нью-Йорке всего остального человечества. Разумеется, эта тупиковая версия исторического сценария на XXI в. не

имеет ничего общего с оптимальным сценарием глобализации жизни человечества на основе концепции ноосферогенеза.

Основная функция биосферы, согласно учению Вернадского, состоит в адаптивноадаптирующей деятельности, направленной на приспособление к окружающей среде и одновременно на перестройку этой среды в целях расширения границ гомеостаза. С формированием антропосферы, а затем и ноосферы ведущая роль переходит к другой функции — креативной, или творческой, научно-технологической. Между этими двумя функциями существует противоречие: первая из них направлена прежде всего на поддержание состояния устойчивого неравновесия (или, иначе, динамического равновесия) с природной средой, а креативная деятельность, открывая новые, все более эффективные способы взаимодействия с этой средой, создает предпосылки для нарушения этого равновесия. Но одновременно это ведет к освоению новых экологических ниш во всем многомерном пространстве существования человечества и к расширению границ гомеостаза, включая дополнение природного мира искусственной средой обитания.

Снятие этого противоречия между обеими функциями происходит в точках бифуркации и последующего ветвления эволюционных паттернов. Понимая, что большинство этих паттернов неизбежно ведет в исторический тупик, Вернадский был озабочен поиском критериев априорного запрета выхода на эти далекие от оптимума сценарии. Соответствующий термин — принцип коэволюции природы и общества — возник в его переписке с Н.В. Тимофеевым-Рессовским. Этот принцип коэволюции, как его формулирует Н.Н. Моисеев, состоит в том, что выбор вектора технологического развития мировой цивилизации должен быть обусловлен требованием неразрушающих взаимодействий с биосферой.

Ни интенсивное развитие ноосферы, ни продвижение в практику все более эффективных и экологически совершенных инновационных технологий, ни реализация программ устойчивой коэволюции природы и общества невозможны, утверждает Вернадский, без опоры на достижения фундаментальной науки. «В XX веке, — писал он, —

одна единая научная мысль охватила всю поверхность планеты, все государства». Решающими условиями реализации программ научно-технологической модернизации, по мысли Вернадского, являются широкое образование народа и освобождение научного знания от всяческих идеологических, религиозных и прочих пут.

Эпоха ноосферы — это эпоха народных масс. Вернадский подчеркивал огромное значение демократических преобразований: «Это столь же необходимая предпосылка ноосферы, как и творческая научная работа». Следует вместе с тем отметить, что основная функция ноосферы — креативная — персонифицированная, она определяется деятельностью творчески одаренных личностей. «Я уверен, — писал по этому поводу Вернадский, — что все решает личность, а не коллектив, elite страны, а не демос».

Как снять противоречие, которое как будто возникает между этими высказываниями? Насущно необходима защита прав человека на собственность вообще и на интеллектуальную в частности, на свободу совести и слова, на образование. Отстаивая права человека, Вернадский подчеркивал: «Я нарочно употребляю слово человека, а не людей — так как из последнего более общего понятия... можно сделать эквилибристический скачок в сферу социально-рабских мнений».

Позже сферу этих «мнений» П.А. Сорокин и Ф. Хайек назовут феноменом коллективистской этики, без которой не может существовать ни одна тоталитарная система. «Ты ничто, твой народ — все», — так звучит одна из наиболее четких формулировок этой этики, отрицающей права личности. При желании вместо термина «народ» в эту формулу можно подставить любую другую мифологему — «коммунизм», «партия», «джихад» и т.п., существо от этого не изменится.

Насаждение в Советской России государственной морали этого типа никак не устраивало Вернадского, так как она сковывала свободную творческую мысль. Интересно сопоставить суждение Вернадского о морали с либеральной этикой.

Сравнивая основные принципы учения Вернадского о ноосфере с теорией постиндустриального перехода, трудно увидеть много общего между обоими сценариями

устойчивого развития мирового сообщества. Это означает, что в нашем распоряжении есть надежная и эффективная теоретическая основа для разработки стратегии возрождения России. Творческое наследие великих русских мыслителей — тот научный потенциал, который наряду с современными научными достижениями может быть использован при разработке экономической и социально-политической модели решения тех задач, которые стоят перед страной.

В качестве обобщающего девиза движения по этому пути можно предложить тернарную формулу «мобилизационная экономика — социальное обеспечение — национальная безопасность».

Проведение этой стратегии в жизнь станет возможным лишь при условии смены политической элиты. Нам на- сущно необходим процесс внутреннего перерождения. «Только глухие и незрячие этого не замечают, — писал по этому поводу В.И. Вернадский. — Новая интеллигенция — для новой России».

Представим для удобства дальнейшего анализа основные положения учения Вернадского в виде системы синергичных постулатов (табл. 1).

Из этих постулатов ясно, что в основе концепции ноосферогенеза, как и теории постиндустриальной трансформации, лежит примат творческого поиска в условиях свободы, понимаемой не как предзаданная необходимость, а как возможность выбора эволюционной альтернативы. Тем самым создаются предпосылки для преодоления одной из главных болезней современного индустриального общества потребления — массового тиражирования усредненного человека, унификации и размывания неповторимого личностного начала, торжества посредственности.

Второе важное преимущество системы постулатов ноосферогенеза состоит в том, что она задает процессу эволюции эоантропоцентрическую ориентацию, а потому служит предпосылкой снятия современных глобальных противоречий. Однако из теории самоорганизующихся систем, или синергетики, следует, что эволюционные процессы, развивающиеся по любой из этих моделей — ноосферогенеза или постиндустриальной трансформации, неизбежно будут сопровождаться структурными кризиса-

Базовые постулаты ноосферного сценария

№ п/п	Постулаты	Содержание
1	Принцип креативности	Основная функция ноосферы состоит в креативной (творческой, теоретической, инновационно-технологической) деятельности в интересах расширения границ гомеостаза и освоения новых экологических ниш
2	Принцип коэволюции	Интенсивность и скорость техногенной деятельности не должны превышать границ устойчивости и адаптационных возможностей биосферы в целом и региональных биоценозов в частности
3	Принцип компликативности	Социокультурная и информационно-управленческая инфраструктура ноосферы должна быть самосогласована с ее техносферой
4	Принцип гармонизации	Условия устойчивого самодвижения ноосферы не должны противоречить условиям максимальной самореализации творческого потенциала человека

ми, бифуркациями. Задача теории состоит при этом не в том, чтобы пытаться найти способ исключить их, поскольку это нереально. Необходимо другое: нужны алгоритмы заблаговременного прогнозирования этих кризисов и критерии, соблюдение которых будет обеспечивать минимальные потери при их преодолении и препятствовать перерастанию структурных кризисов в системные.

Но перед тем как двигаться дальше, следует дать ответ на фундаментальный вопрос о соответствии постулатов учения о ноосфере русской национальной традиции и социальным этническим архетипам. До тех пор, пока такое соответствие не будет выявлено, нельзя говорить о пригодности учения Вернадского в качестве научной основы национальной идеологии возрождения России. Для ответа на этот

вопрос обратимся к материалам монографии К. Касьяновой «О русском национальном характере».

«Терпение и страдание, — пишет она, — способ формирования личности, выработки сильного духом «непадающего» деятеля». Формирование этой, одной из ведущих черт русского характера — следствие комплекса географических, климатических и исторических условий становления русской национальности. За этим качеством, по мнению Касьяновой, скрывается более глубокий и древний слой, в котором терпение и самоограничение служат способом завоевания свободы духа и составляют основу существования, гармонического равновесия в мире.

Сопоставим эти качества с ноосферным постулатом коэволюции, который предполагает высокую адаптационную способность, служащую той же цели — поддержанию устойчивого, гармонического равновесия в мире. Согласованность обоих принципов достаточно очевидна.

Анализируя «достижительные» качества русского человека, Касьянова приходит к выводу, что соответствующий его потенциал выше, чем у американцев. Мы — лучшие достижители, чем американцы. Этот вывод — результат применения строгой научной методологии — так называемого теста ММРЖ — Миннесотского многофакторного личностного опросника. Сопоставляя его с постулатом креативности, нетрудно заметить высокую степень их параллелизма.

Что касается ноосферного принципа гармонизации, то он явно согласуется с коллективистскими навыками русской традиционной культуры, с феноменом так называемого соборного сознания.

Анализ показывает, таким образом, что в целом ряде фундаментальных отношений постулаты учения о ноосфере вполне удовлетворительно согласуются с чертами русского национального характера и с этническими социальными архетипами. Отсюда можно сделать заключение, что учение о ноосфере пригодно для формирования национальной идеологии, которая будет принята общественным сознанием.

Придя к такому заключению, логично сделать следующий шаг и продумать вопрос о подготовке этической системы, которая базировалась бы на учении о ноосфере и со-

ответствующей ему идеологии. Разговор о такой этической системе пойдет в следующей главе.

Н.Н. Моисеев считал, что рубежом, который ознаменовал выход человека из животного царства, было возникновение нравственности. Первый этический принцип, которому начало следовать первобытное племя, стал категорический императив «Не убий!». Археологи находят в древних захоронениях останки людей искалеченных и больных, которые жили еще долго после приключившегося с ними несчастья. Очевидно, они смогли выжить только благодаря заботам соплеменников. И это было великое изобретение: больные старики могли быть хранителями технологических навыков, а, кроме того, на той же основе начали формироваться первые социальные архетипы.

Направление философской мысли, обобщающее опыт развития нравственности, называют этикой. Интересно, что Аристотель, с именем которого связывают возникновение этики, относил ее к разряду практических знаний. Наш подход к этическим проблемам близок этому взгляду: задача состоит в том, чтобы, используя ноосферическую идеологию, получить критерии запрета действий, которые нарушали бы устойчивость ноосферогенеза.

Определить эти критерии можно, анализируя внутренние противоречия этого процесса. Зная эти критерии, можно заблаговременно встроить в систему управления эволюционными процессами соответствующие блоки отрицательной реактивности.

В табл. 2 дана сводка возможных противоречий эволюции по ноосферному сценарию и соответствующих им стабилизационных критериев. Система этих критериев, или императивов, имеет смысл правил запрета тупиковых эволюционных трендов, а потому отвечает требованию устойчивости ноосферного аттрактора. Будем поэтому называть эти критерии поэтическими.

Дадим комментарий к критериям табл. 2. Императив глобального мышления не следует понимать как призыв к подавлению каких-либо более частных интересов, речь идет о другом. Суть этого критерия хорошо выражена в афоризме: «Погибнуть люди могут и поодиночке, выжить — только сообща».

Поэтические критерии устойчивого развития.

№ п/п	Противоречия эволюционного процесса	Критерии
1.	Рудименты старого технологического уклада – предпосылки перехода к новому укладу	Императив когерентности
2.	Техносфера – окружающая среда	Экологический императив
3.	Креативная, новаторская деятельность – адаптивно-адаптирующая функция	Интерактивный императив
4.	Новый уровень развития техносферы – устаревшая структура социосферы	Императив толерантности
5.	Общечеловеческие интересы – региональные, национальные, конфессиональные, классовые интересы	Императив глобального мышления
6.	Экстенсивная антропогенная экспансия – ограниченность природных ресурсов «космического корабля» Земля	Космический императив
7.	Свобода выбора решений – уровень компетентности	Императив синергического мышления
8.	Техносфера – сфера духа	Императив духовности
9.	Государство – свободное самовыражение личности	Антропный императив
10.	Государство – гражданское общество	Демократический императив
11.	Позитивные и негативные последствия научных проектов	Моральный императив науки
12.	Свобода творческого поиска – инерция общественного мнения	Императив творческой свободы

Космический императив означает не только призыв к рациональному включению ресурсов внеземного пространства в эволюционный процесс человечества, но одновременно и указание на возможность раскрытия новых, остающихся пока неизвестными свойств Космоса. Что это может дать, видно на примере последних открытий в области квантового вакуума, которые служат основой разработки принципиально новых высокоэффективных технологий.

Очень важен синергический императив, который состоит в требовании усвоить принципы нелинейного мышления. Традиция следовать классическим моделям одномерного и линейного мышлений в XX в. почти всегда приводила к тяжелым провалам и неудачам и в экономике, и в политике. Чтобы понять, как это происходило на практике, достаточно вспомнить годы перестройки по Горбачеву и реформ по Ельцину, когда каждое стратегическое начинание неизбежно заканчивалось катастрофой.

Противоречие между техносферой и сферой духа носит многомерный характер. Как отмечал Э. Фромм, любовь к технике может вырождаться в разновидность некрофилии и привести к гибели личности в человеке. Возможна и другая крайность — технические достижения способны породить иллюзию абсолютной свободы, отсутствия каких-либо ограничений творческого порыва. Кроме того, именно техносфера служит тем материальным фундаментом, на котором расцветает идеология потребительства, выхолащивающая свободный творческий дух.

Что касается императива свободы творческого поиска, то о нем размышлял еще Вернадский. Глубочайшие проявления личности ученого, писал он, связаны с его моральной неудовлетворенностью, с основными побуждениями его к научной работе. «Эти побуждения свободной человеческой, научно осознающей окружающее, личности глубже каких бы то ни было форм государственного строя». Творчески-индивидуальный характер нравственных актов отмечал также один из основоположников философии экзистенциализма Н.А. Бердяев. «Этика творчества, — писал он, — утверждает ценность индивидуального и единичного... Личность, неповторимая, единичная личность, есть высшая ценность, она не есть средство для торжества об-

щего, хотя бы это общее было общеобязательным нравственным законом».

Говоря о свободе творческого поиска, следует вспомнить моральный императив науки. Традиционный взгляд на научное творчество состоит в признании его самоценности и просвещения как главной задачи науки. В XX в. сформировалась альтернативная точка зрения, утверждавшая за наукой мессианскую роль, а за ее деятелями безусловное знание единственно верных способов решения всех мировых проблем. Очевидно, неверны обе крайности. Научное исследование нельзя рассматривать как ценностно нейтральное, оно должно включать аксиологические факторы, а поиск стратегического оптимума требует комплексного подхода (императивы 1, 3, 4 и 7).

Система поэтических критериев образует этос становления ноосферы и в равной степени постиндустриального общества. Она может сыграть роль нового символа веры, провозглашающего в качестве нормы беспристрастное знание и ведущего к расхождению с бюрократическими и технологическими реалиями централизованной политической машины.

Однако харизматический аспект науки и ее служителей способен придать им нежелательный оттенок «свято-сти», несущий в себе неискоренимый налет утопии и даже мессианства. Противопоставить этой опасности можно императивы синергетического мышления и толерантности.

Поэтические критерии следует рассматривать как инструмент снятия тупиковых эволюционных сценариев и определения разрешенного коридора действий. Система этих критериев обладает тем важным свойством, что они образуют целостный комплекс: достаточно допустить нарушение хотя бы одного из них, оставив остальные в неприкосновенности, как вероятность потери устойчивости и схода с оптимального эволюционного паттерна резко возрастает. Это свойство — следствие теоремы хрупкости хорошего, известной в теории катастроф. Смысл этой теоремы состоит в том, что любая система может считаться хорошей, если она удовлетворяет некоторому набору требований, но должна быть признана плохой, если не соблюдается хотя бы одно из них. В силу этой теоремы все хоро-

шее, например, устойчивость процессов ноосферогенеза и постиндустриальной трансформации, более хрупко. Утратить ее легко, а восстановить потом трудно.

Поэтические критерии останутся скорее благими пожеланиями до тех пор, пока не будут определены соответствующие им механизмы регулирования эволюционных процессов. К их числу относится достаточный уровень финансирования образования, науки, культуры, здравоохранения, системы социального обеспечения, комплекс предпочтений, обеспечивающий активизацию фундаментальных научных исследований и поддержку инновационной технологической политики. Нужна разработка эффективной стратегии, концепции и долгосрочных программ действий по всему комплексу поэтических ориентиров устойчивости процессов постиндустриальной трансформации.

Возникает вопрос, как соотносится система поэтических критериев с традиционным этосом, прежде всего с христианской этикой. Протестантская этика, составившая идеологическую основу капиталистической формации, с завершением эпохи индустриализма в значительной мере исчерпала свой духовный потенциал. Несколько сложнее обстоит дело с этическими принципами православия.

Вот что пишет об этом С.Н. Булгаков — авторитетный философ и теолог одновременно. Православие с этической стороны, по его словам, — это душевное здоровье и равновесие, когда, сохраняя оптимистическое отношение к жизни, каждый должен быть монахом в сердце своем. Жизнь человека протекает в противоборстве сил мира и духовных устремлений к горнему свету. Православию чужд жесткий ригоризм протестантской этики, его духовный эстетизм иногда выражается в равнодушии к практичности. Характер православия определяется, как основными чертами, любовью и смирением.

Казалось бы, соотнесенность этих принципов с поэтическим этосом минимальна. Однако это не так. Если главной функцией ноосферогенеза, по Вернадскому, является творческая деятельность, а доминанта постиндустриальной трансформации состоит, согласно Беллу, в кодификации теоретического знания, то в перспективе здесь может возникнуть одна опасность. Творчество по своей сути — категория индивидуальная и элитарная, оно не может но-

сильного массового характера. Сочетание свободы творческого потенциала, т.е. условий, без которых творческая деятельность невозможна, способно породить комплекс сверхчеловека, о котором писал Ницше. И здесь на помощь могут прийти высокие нормы христианской морали.

Если ведущей функцией обеих моделей наступающего в XXI в. третьего исторического суперцикла — постиндустриальной цивилизации и ноосферогенеза — является научно-технологическая деятельность, то на практике это означает существенное повышение требований к рационализации аппарата управления процессами самодвижения общества. Растущее усложнение этих процессов в силу возникновения все новых и новых внутренних связей неизбежно увеличивает опасность неустойчивостей. Комплекс ноэтических критериев может поэтому сыграть роль механизма, стабилизирующего эволюционный процесс.

Важная особенность ноэтических критериев состоит в том, что они образуют целостную самосогласованную систему: если будут соблюдаться все критерии за исключением всего лишь одного, то перестанет работать вся система. Можно, конечно, рассматривать эти критерии как чисто личностные, подобно нравственным принципам, но с точки зрения синергетической кратологии их основной адресат — decision makers, лица, принимающие решения.

В Конституции РФ записано, что наше государство является социальным. Очевидно, однако, что с точки зрения ноэтических критериев это далеко не так. Правда, и во многих других странах дело обстоит не лучшим образом. Заканчивать разговор о синергетической кратологии приходится на этой невеселой ноте. Девиз Авраама Линкольна, который говорил: «Власть народа, власть для народа, власть посредством народа», для нас пока еще идеал, к которому надо стремиться.

Глава 14

НЕЛЬЗЯ ВЕЧНО ЖИТЬ В КОЛЫБЕЛИ

«Планета есть колыбель разума, — говорится в работе К.Э. Циолковского «Исследование мировых пространств реактивными приборами», но нельзя вечно жить в колыбели». В главе 1 мы говорили о Циолковском как о философе. Вспомним теперь, что он является признанным во всем мире основоположником теоретической космонавтики.

Что дает человеку освоение мировых космических пространств? Сегодня это спутники связи, космическая метеорология, навигация, наблюдение Земли из космоса, охрана окружающей среды и многое другое. Космическая отрасль превратилась в высокоэффективную промышленность, которая дает миллиарды долларов прибыли и является лидером научно-технического прогресса.

Космические корабли и исследовательские зонды в никогда ранее не бывавшей степени обогатили наши знания о солнечной системе, о далеком космосе.

В этой главе мне хочется рассказать о самой первой работе Циолковского, посвященной освоению космических пространств. Это повесть, которая называется «Вне Земли».

Циолковский начал работать над повестью в 1896 г., но довел ее лишь до 10-й главы. К 1916 г. работа была закончена полностью и в том же году около половины ее было опубликовано в журнале «Природа и люди». Целиком она была опубликована в Калуге в 1920 г., а впоследствии неоднократно переиздавалась.

Обычно эту повесть называют научно-фантастической. Но если это и верно, то только отчасти. Общий характер повести другой — научно-познавательный и социаль-

но-утопический. Научно-познавательный, потому что Циолковский хотел рассказать читателям, как прекрасен космос, как много еще в нем нераскрытых увлекательных тайн, как много богатств, овладение которыми, был убежден ученый, даст людям «горы хлеба и бездны могущества». И еще о том, что все эти знания и все богатства даст людям космонавтика.

А социально-утопическая потому, что Циолковский как ученый, овладевший многими знаниями своего времени, видел, что жизнь Земли катастрофична, что есть немало природных и социальных факторов, грозящих человечеству гибелью. Сознывая это, он выдвинул свой собственный проект, открывавший человечеству, как он был убежден, путь не только к спасению, но и к процветанию — к устойчивому развитию, сказали бы мы сегодня.

И было бы ошибкой относиться к этому проекту с высокомерным пренебрежением: после запуска в 1957 г. первого спутника и полета в 1961 г. Ю.А. Гагарина в космос эти идеи Циолковского получили бурное развитие. И в нашей стране, и за рубежом было опубликовано много книг и статей о космических поселениях. Самым масштабным из новых вариантов была сфера Дайсона — проект, предусматривающий заключение Солнца в сплошную обитаемую сферическую оболочку, позволяющую использовать целиком всю лучистую энергию нашего светила.

И не вина Циолковского и его многочисленных последователей, что нам, людям XXI в., эти идеи представляются утопическими. Для таких оценок есть серьезные основания, но об этом позже.

Об элементах фантастики

Приемы научно-фантастической литературы тоже использованы в повести. Но умеренно и очень продуманно. Первый из них — это изобретение «взрывчатого состава в сто раз более эффективного, чем существующие». Из всех известных топлив наиболее эффективен водород, теплота сгорания которого составляет 28 640 ккал/кг, что в 2,6 раза больше, чем при сгорании бензина. Ничего более энергоемкого химия предложить не может и вряд ли сможет когда-либо в будущем.

Циолковский, разумеется, все это знал, но эта фантастическая идея позволила ему очень доходчиво и без ненужных для его замысла подробностей рассказать и об исследовании околоземного пространства, и о полетах к Луне и к другим планетам.

Но, как известно, Циолковский думал не только о ракете, но и о других способах выведения на околоземные орбиты полезных грузов. Один из них — это «башня Циолковского» или, как ее теперь чаще называют, тросовая система. Преимущество этой системы состоит в том, что она позволяет обойтись без выбросов в атмосферу вредных химических веществ. В других работах Циолковский упоминал также использование плазменных потоков. Сегодня известны проекты ядерных и электроядерных двигателей, пригодных для межорбитальных перелетов. А электрореактивные двигатели с солнечными батареями в качестве источников энергии, начиная с 1964 г., используются для коррекции орбиты автоматических космических аппаратов.

Другой прием научной фантастики, использованный Циолковским, — это сам построенный героями повести космический корабль, предназначенный для многофункционального использования. Эта идея была удобна для тех же целей — избежать перегрузки повести ненужными техническими подробностями. Но сам Циолковский прекрасно понимал, что в реальности все эти задачи будут решаться поэтапно — об этом свидетельствует опубликованная им в работе «Исследование мировых пространств реактивными приборами» (1926 г.) программа исследования и освоения космоса. Причем прогноз, составленный основоположником космонавтики, оказался на редкость точным — развитие космических исследований происходило именно в соответствии с этой программой.

Что касается применения многофункциональных космических кораблей, то по этому пути пошли американские конструкторы, создавая «Шаттл» — многоразовый корабль, доставляющий на орбиту и грузы, и астронавтов. Это было ошибочное решение: «Шаттл» оказался чрезмерно дорогим и мало надежным. Два таких корабля потерпели аварию, а астронавты погибли. Поэтому Национальное управление по аэронавтике и космонавтике США приняло

решение в ближайшие годы заменить «Шаттл» другим кораблем.

Отечественные конструкторы пошли другим, намного более надежным путем. Наши пилотируемые «Союзы» уже более сорока лет успешно доставляют космонавтов на борт орбитальных станций. И если бы не они, то после аварии «Колумбии» Международную космическую станцию, наверное, пришлось бы затопить. А в последние годы в РКК «Энергия» на базе «Союза» создан проект нового космического корабля «Клипер».

Смелая работа инженерной мысли

Научный стиль Циолковского — тщательное продумывание всех основных узлов проектируемого им космического корабля. Используется не простая, а многоступенчатая ракета. Предусмотрены специальные устройства, обеспечивающие устойчивость полета. Продумана система трехслойной защиты космического корабля. Предусмотрена система управления полетом. Предложен способ охлаждения конструкции — путем излучения во внешнее пространство и с помощью холодного газа, циркулирующего между двумя оболочками.

Описаны способы регенерации воздуха и воды, камеры для хранения пищи. Для выхода в космическое пространство предусмотрены скафандры, а сам выход осуществляется через шлюзовую камеру. Оказавшись в свободном космическом пространстве, космонавты используют либо трос, связывающий их с кораблем, либо маломощный реактивный двигатель.

Чтобы обеспечить длительное пребывание в космосе, путешественники монтируют хорошо освещаемую Солнцем оранжерею, где непрерывно зреет новый урожай, а растения обеспечивают корабль кислородом.

Остановим на этом перечень изобретений, сделанных Циолковским: читатели обнаружат их еще немало на страницах повести. Важно отметить, что все это были не пустые выдумки — когда пришло время космических полетов, конструкторы космических кораблей использовали практически все идеи Циолковского.

О научных и технических неточностях

Атмосфера из чистого кислорода на космических станциях и кораблях не применяется — она слишком взрывоопасна. В 1967 г. при наземных испытаниях в результате пожара в кабине космического корабля погибли астронавты Гриссом, Уайн и Чаффи.

На высоте 1000 км космические корабли не летают, так как это зона опасных для здоровья космонавтов радиационных поясов Земли. Высота орбит современных космических кораблей — 300–400 км.

Старт тысяч ракет с Земли совершенно невозможен — это нанесло бы непоправимый вред всему живому на планете. Даже одиночные старты современных ракет-носителей, в особенности большой размерности, экологически далеко не безопасны.

Мало что было известно в начале XX в. о метеорной обстановке в космическом пространстве. Поэтому сведения, приводимые по этому поводу в повести, крайне неточны. Существует метеорная опасность столкновения с КА метеорной пыли и метеорных тел, которые могут пробить его оболочку или повредить оптические приборы. Опасными становятся уже частицы массой 10⁻⁵ — 10⁻⁴ г. А скорости спорадических метеорных частиц могут достигать 10–70 км/с.

Как рассказывается на страницах повести, путешественники обнаружили на Луне и на метеоритах чистые металлы, золото, алмазы и другие драгоценные камни. Луна к настоящему времени исследована достаточно обстоятельно. Советские космические аппараты сфотографировали ее обратную, не видимую с Земли сторону. На Луне побывали американские астронавты, а советские луноходы исследовали ее поверхность. На Землю были доставлены образцы лунного грунта.

Было показано, что поверхность Луны напоминает земную пустыню и покрыта тонким слоем пыли, так называемого реголита. Поверхность очень неровная, с горными цепями и многочисленными кратерами — следами метеоритной бомбардировки. Ни чистого железа, ни драгоценных камней на Луне нет.

Нет этих минералов и на астероидах. Большинство из них относится к углеродному типу, меньше — песчаных и совсем мало — металлических.

На космическом корабле, построенном Ивановым и его товарищами, отсутствует принудительная вентиляция. Между тем в условиях невесомости она совершенно необходима, чтобы космонавты могли дышать свежим, а не спертым воздухом.

Для связи с Землей наши путешественники используют световые сигналы и азбуку Морзе. Странно, что Циолковский не снабдил их с этой целью радиопередатчиком: первые радиостанции успешно эксплуатировались уже в начале XX в.

На Луне нет ни животных, ни растений, о которых пишет Циолковский, ни вообще каких-либо форм жизни. Лунный мир мертв.

Космонавты не могут разглядеть двойных и тройных звезд — разрешающая способность человеческого глаза для этого слишком мала.

Ртутный столбик не заполнит целиком стеклянную колбу барометра. Этому будут препятствовать силы поверхностного натяжения — стекло не смачивается ртутью.

О героях повести

Циолковский справедливо называет их гениями и не случайно дает им имена действительно всемирно известных гениальных ученых. А главным среди них оказывается русский инженер и изобретатель, которому автор присваивает самую распространенную русскую фамилию — Иванов. Читатели повести без труда заметят, что Циолковский наделил своего героя многими собственными чертами характера.

Не удивительно, что когда космический корабль стартовал с Земли, его командиром, или распорядителем работ, как его называет Циолковский, — стал именно Иванов. В характере этого вымышленного героя проявилась важнейшая для удачливого руководителя черта — умение организовать слаженную работу больших коллективов и способность активно сотрудничать с теми, кто в чем-то умнее тебя и владеет знаниями, в которых ты сам недостаточно силен.

На это способны только люди, обладающие немалой харизмой. Из учеников и последователей Циолковского этими качествами в наибольшей степени обладал Сергей Павлович Королев. Коллектив замечательных ученых, который возглавлял главный герой повести Циолковского, — разве это не прообраз Совета главных конструкторов, В.П. Бармина, В.П. Глушко, В.Н. Кузнецова, Н.А. Пилюгина, М.С. Рязанского, созданного С.П. Королевым полвека спустя?

Герои повести сказочно богаты — это еще одно фантастическое условие их успеха. В жизни наука — неважный способ, чтобы разбогатеть. Вспоминается, пожалуй, только один весьма состоятельный крупный ученый — Генри Кавендиш. Но он был потомственный английский аристократ.

Реальные удачливые инженеры и изобретатели — Вестингауз, Эдисон, Форд, Гейтс и им подобные — начинали свою жизнь едва ли не в бедности и приобретали свое состояние, продвигая в жизнь замечательные инновационные технологии. Это только в нашей стране появились миллиардеры, разбогатевшие несправедливым путем разграбления национального достояния. Но что-то не видно, чтобы их занимали инновационные проекты, в которых так нуждается наша страна. Их больше привлекает приобретение за границей дворцов, яхт и футбольных клубов.

Почему Циолковский считал неизбежным переселение человечества в космос?

Хорошо известны утопии Томаса Мора и Томмазо Кампанеллы. Их авторы предлагали новые схемы социально-политического устройства, которые, по их мнению, позволили бы людям избавиться от всех тягостных жизненных проблем. Первым в этом ряду утопистов был Платон, который даже попытался реализовать свой проект, за что и был продан в рабство. К счастью, друзья быстро купили великого философа.

Все подобные проекты обладали одной общей чертой, которую очень точно отобразил Ф.М. Достоевский в своей знаменитой легенде о Великом Инквизиторе. Эта особенность состояла в том, что люди действительно получали

достаточные, хотя и ограниченные, материальные блага (хлеб, по словам Великого Инквизитора), но зато полностью отказывались от индивидуальной свободы. Под угрозой жестокого наказания все они должны были прочно усвоить спущенную сверху идеологию. Как свидетельствует опыт истории, подобные утопические проекты иногда удаются провести в жизнь, правда, только на некоторое время.

Не такова утопия Циолковского. Ее предпосылки строго научны. Циолковский кладет в основу своего проекта анализ катастроф и бедствий, угрожающих человечеству, разумеется, на уровне позитивных знаний своего времени.

Во-первых, это астероидная, или кометная, опасность. Попадание на Землю крупного небесного тела способно нанести сокрушительный удар по биосфере. Эта тема хорошо проиллюстрирована в современных американских кинематографических блокбастерах. Хотя сейчас и разрабатываются различные проекты, предназначенные для предупреждения космической катастрофы, надежность их пока невелика.

Во-вторых, это изменение светимости Солнца, его угасание, как полагал Циолковский. Сегодня нам известно, что источником энергии Солнца служат происходящие в его недрах термоядерные реакции превращения водорода в гелий. И устойчивое протекание этих реакций, как считают специалисты, будет продолжаться еще не менее миллиарда лет.

В-третьих, это овладение практически неограниченными ресурсами солнечной энергии, для чего выход в космос дает принципиально новые возможности. Сегодня в связи с близящимся оскудением запасов нефти и газа человечеству действительно угрожает энергетический кризис. Но расставание с планетой — совсем не лучший и далеко не единственный способ решения энергетических проблем. В распоряжении энергетиков имеются проекты перспективных атомных электростанций. Принято решение о строительстве во Франции Международного экспериментального термоядерного реактора. Разрабатываются высокоэффективные преобразователи солнечной энергии. Во многих странах развернуты интенсивные исследования в области водородной энергетики. И наконец, нельзя исключить, что появятся возможности использовать запасы энергии кван-

того вакуума, плотность которой на много порядков превышает возможности термоядерного реактора.

В-четвертых, это пугающий Циолковского непрерывный рост численности народонаселения. В 1900 г. население мира не превышало 2 млрд человек, а через сто лет, по подсчетам Циолковского, должно было удвоиться. Реально сейчас на Земле живет 6,5 млрд человек. Но во многих странах коэффициент фертильности — число детей, рожденных одной женщиной, — снизился до величины меньше 2. Между тем для простого воспроизводства численности населения он должен быть не ниже 2,3. Специалисты оценивают эту ситуацию как наступление демографического перехода к постоянной или медленно меняющейся численности человечества. Популяционная катастрофа, которую рассматривал Циолковский, нам не грозит.

Как видно, проект переселения в космос по уровню знаний рубежа XIX–XX вв. был обоснован неплохо. Не приходится поэтому удивляться, что когда человечество узнало о преимуществах жизни в космических поселениях, нашлось много добровольцев, решившихся покинуть Землю. Циолковский описывал этот исход с родной планеты страстно и убежденно. И заметим — никакой Инквизитор с его насильственными методами для этого не понадобился.

Теперь мы знаем: последующее развитие науки и техники привело к снятию практически всех проблем, анализ которых был использован Циолковским для обоснования своего проекта.

Но признав проект Циолковского утопическим, можем ли мы сдать его в научный архив? Известный острослов английский писатель Оскар Уайльд однажды сказал: «На карту страны, где не обозначена утопия, не стоит даже смотреть». Другой английский писатель и одновременно неплохой физик Артур Кларк высказался в том же духе: «Тот, кто не умеет мечтать, не способен предвидеть будущее».

Французский антрополог и социолог Ф. Шварц размышлял сходным образом: «Мир Воображения также реален, как реальные предметы и образы. Какой человек смог бы прожить без поддержки образов, придающих смысл жизни всему, от мельчайшей пылинки до бесконеч-

ности Вселенной?» Точно так же думал и Циолковский, когда заявлял: «Невозможное сегодня станет возможным завтра».

В XXI в. проект заселения космических пространств реализован не будет. Но означает ли это, что человечеству не придется вспомнить об идеях Циолковского в следующих веках? Кто знает...

Повесть «Вне Земли» и современные космические программы

Есть один важный аспект космической деятельности, о котором в повести Циолковского не говорится практически ничего. Приведем конкретный пример. Американская программа полетов астронавтов на Луну «Аполлон» обошлась налогоплательщикам в 25 млрд долл. А продвижение в хозяйственную практику изобретений и технологий, созданных в рамках этой программы, принесло прибыль до 125 млрд. Космонавтика — один из лидеров научно-технического прогресса и чрезвычайно выгодное направление вложения капиталов. Современный финансовый оборот на мировом космическом рынке достигает многих миллиардов долларов.

Это спутниковое телевидение. Системы навигации. Космическая метеорология. Исследование природных ресурсов. Определение районов экологических бедствий. Системы спасения терпящих бедствие. Исследование Мирового Океана, районов стихийных катастроф, динамики снежного покрова. И еще многое другое.

Космонавтика как никогда расширила наши знания о Солнечной системе, о планетах и их спутниках, о солнечно-земных связях, о далеких звездах и других галактиках.

Во всех развитых странах приняты и осуществляются космические программы. Америка приняла решение вернуться на Луну не позже 2020 г. Проектируются новые космические корабли многоразового использования. Они будут более экономичны и надежны. Один из таких кораблей — российский «Клипер».

Согласно планам NASA, лунную экспедицию доставит к Луне новая тяжелая ракета «Лонг Феллоу». Самая круп-

ная из семейства этих ракет будет иметь грузоподъемность 100 т, имея в виду прицел на полет к Марсу.

На Луне предполагается основать постоянную исследовательскую и технологическую станцию. Эту станцию можно будет использовать для организации марсианской экспедиции. По оценкам, новая лунная программа обойдется в 100 млрд долл.

Современные космические программы грандиозны. Несомненно, XXI в. станет веком новых замечательных космических свершений и новых открытий. Программа освоения космических пространств, намеченная К.Э. Циолковским, получит новое развитие.

Поучимся у Циолковского

Работа над повестью была закончена в 1916 г. Это было страшное время: русская армия терпела поражение на фронте, хозяйственная деятельность страны разваливалась. Жизнь в провинции становилась все более неустрашенной. Обстановка в целом была напряженной: уже слышался рокот приближающихся революционных бурь.

А Циолковскому видится мир 2017 г. На Земле существует Мировое Правительство, в которое входят выборные представители всех государств и которое решает все общие для человечества вопросы. Войн нет, все споры улаживаются путем мирных переговоров. Стали ненужными и армии. Население живет при благополучных условиях. Процветают наука, техника, земледелие, искусство, торговля. В небе летают дирижабли и аэропланы. Словом, наступило всеобщее благоденствие.

Что это — очередная утопия, да еще среди моря всевозможных бедствий? Но не так прост Циолковский. Он не пустой мечтатель. Приведем некоторые характерные для него высказывания:

- Нет конца жизни, конца разуму и совершенствованию человечества. Прогресс его вечен.
- Самое высшее в мире — это сознательность, разум, жизнь.
- Разум — величайшая сила в Космосе.
- Что же могущественнее разума! Если же он сильнее всего, то он все победит.

— Жизнь на Земле прогрессирует и человек будет настолько же выше настоящего, насколько он теперь выше какой-нибудь лягушки.

Не маниловская мечтательность, а убежденность в неодолимой силе человеческого разума — вот источник, который позволял мыслителю предвидеть сквозь туманы своего безвременья светлое будущее человечества. Но он ошибся: прошло сто лет, которые Циолковский положил на реализацию этого будущего, а оно так и не наступило.

XXI в. оказался кризисным и катастрофичным. Крайне неустойчива ситуация в мире, неустойчива она и в России. Сдав в архив коммунистическую идеологию, наша политическая элита уверовала теперь в либеральную.

Но вот что пишет об этой идеологии американский социолог И. Валлерстайн: либерализм отражает реакцию на современную миро-систему. А эта миро-система представляет собой капиталистическое миро-хозяйство и основана на приоритете бесконечного накопления капитала. Потому в этих условиях бессмысленно говорить о каком-либо социальном, политическом или экономическом равенстве в обществе. Напротив, неизбежно усиливаются все поляризационные процессы.

Этот мир в отличие от того, который виделся Циолковскому, нельзя назвать ни справедливым, ни разумным. Но экономисты утверждают: мы живем в переходную эпоху, происходит смена исторических суперциклов — осуществляется переход от индустриальной цивилизации к постиндустриальному, или информационному, обществу.

А приоритетную роль в этом обществе должны играть фундаментальная наука и инновационные технологии — та самая сила разума, о которой писал Циолковский. Сегодня для нас главный вопрос состоит в том, удастся ли России включиться в процесс этого перехода или она останется на его обочине, продолжая играть определенную ей мировыми финансовыми центрами роль ресурсно-сырьевого придатка развитых стран.

Формулу этого благоприятного для России перехода можно представить в виде простой триады: «инновационная технология — социальное обеспечение — национальная безопасность». Совершенно очевидно, что отечественная космонавтика способна оказаться среди лидеров этого

благотворного для страны процесса, так как она представляет одно из магистральных направлений научно-технического прогресса.

Циолковский был совершенно прав, когда отводил ей именно такую роль. Сегодня у нас, его наследников, есть возможность не упустить в очередной раз того шанса, который нам предоставляет мировая история. Сможем ли мы дать достойный ответ на этот исторический вызов? Это зависит от нашего разума, нашей сознательности и нашей ответственности за судьбы своей страны и своего народа.

Глава 15

ВЛАСТЬ СОЛНЦА

В 1918 г. в Московском университете состоялась защита диссертации на весьма необычную тему. Ее автор — молодой ученый Александр Леонидович Чижевский — утверждал, что Солнце оказывает влияние на ход исторических событий. Он собрал большой статистический материал за несколько сотен лет, который позволил ему сопоставить годы активности Солнца и всплеск исторических событий — войны, государственные перевороты, народные восстания, эпидемии и т.д.

Наложение друг на друга обеих регистрограмм позволило сделать удивительный вывод: максимумы на обеих кривых совпадают. Означать это могло только одно: Солнце оказывает влияние на ход истории.

Позднее, значительно пополнив статистические материалы, Чижевский опубликовал обобщающую книгу «Эхо солнечных бурь». На него сразу же обрушилась официальная пресса: ученый осмелился выступать против основных положений марксистской теории. Маркс утверждал, что решающую роль в экономическом и социально-политическом развитии играют революционные изменения производительных сил. А Чижевский утверждает, что первостепенную роль играет власть Солнца. Он был подвергнут гонениям, но все же не посажен — эта судьба ждала его позже.

Зато на Западе его исследования были восприняты с пониманием. Ученое сообщество признало, что родилась новая наука — гелиобиология. А ее основоположником стал Чижевский.

Исследования проблем гелиобиологии велись широким фронтом. Было открыто много других эффектов жизнедеятельности организмов, зависящих от солнечной ак-

тивности: размножение насекомых, вспышки заболеваний, эпизоотии и т.п.

И уж нечто совсем удивительное: в том же ряду оказались даже такие события, как частота аварий на дорогах, сердечные приступы и др. Поистине власть Солнца над всем живым безгранична!

Чижевскому принадлежит ряд технических изобретений, в том числе знаменитая люстра Чижевского. Это был человек разносторонних талантов. Писал неплохие стихи. Оставил серию акварелей североказахстанской природы, куда был сослан. Его называли Леонардо да Винчи нашего времени.

Когда в Европе проходил международный конгресс по гелиобиофизике, председателем его был избран Чижевский. Но визу поехать на конгресс КГБ ему не дало. Он остался почетным председателем конгресса.

А затем пришло время репрессий. В ссылке Чижевскому пришлось пробыть много лет, и вернулся он оттуда совсем больным. Но все же взялся за большую работу, которую успел закончить. Он был земляком Циолковского — оба жили в Калуге. Циолковский рассказывал своему молодому другу, каким ему представляется развитие разумной жизни миллионы и миллиарды лет спустя. Циолковскому виделось торжество Разума над косными силами Вселенной. Он полагал, что Разум научится управлять процессами, происходящими во Вселенной, поставит под контроль закономерности ее эволюции и в конце концов станет ее хозяином.

Конечно, это были мечты, но мечты увлекательные. Много лет спустя Чижевский опубликовал книгу об этих разговорах, о космических эрах, которые виделась Циолковскому.

Оставался один важный вопрос: в чем состоит природа воздействия Солнца на жизнь, какие механизмы играют здесь главную роль? Ответа на этот вопрос Чижевский не знал. У современных специалистов по биологии здесь тоже нет ясности.

Спектральный состав солнечного излучения очень широк, но земная атмосфера надежно защищает нас от коротковолновых и длинноволновых лучей. Максимум солнечного излучения приходится на длину волны 500 мм.

Обычные электрические лампочки, лампы дневного света дают излучение, не сильно отличающееся от этой длины. Но никто никогда не наблюдал, чтобы этот свет хоть как-то влиял на события нашей жизни.

Тогда в чем же дело, почему так велика власть Солнца? Естественно предположить, что в составе его излучений присутствует компонента, которую нельзя наблюдать визуально и которую не регистрируют наши приборы.

И такая компонента нам известна — это торсионные поля, о которых мы уже писали. Их воздействие на живые объекты надежно установлено в многочисленных экспериментах, проведенных в земных лабораториях.

В нашем распоряжении нет пока данных ни о спектральном составе торсионных излучений Солнца, ни результатов исследований по их воздействию на живые объекты. И значит, перед молодыми энтузиастами, ищущими интересное и перспективное направление творческой работы, открывается широкое поле деятельности.

НА ПУТИ К НОВОЙ ПАРАДИГМЕ

Впервые с трудами Василия Васильевича Налимова мне довелось познакомиться лет тридцать или сорок назад. Я тогда занимался космическими исследованиями и мне очень помогли его книги «Математическая теория эксперимента» и «Наукометрия». Много времени спустя мое внимание в значительной степени переключилось на проблемы философии и тогда я познакомился с другим направлением исследований Налимова. Его работы меня приятно поразили: исключительная глубина научного поиска, безупречная аргументация своих утверждений, яркий блеск оригинальных мыслей — и все это на превосходном русском языке, делающем доступным для понимания и осмысливания далеко не стандартные суждения. Немного позже я смог и лично познакомиться с Василием Васильевичем. В беседах с ним я получил немало ценного и для развития моих собственных исследований.

В.В. Налимов — превосходный математик и замечательный философ. То направление философской мысли, которое он развивал, можно было бы назвать математической философией. Редактор одной из его книг, изданной за рубежом, назвал его вероятностной метафизикой. Будучи до педантичности пунктуальным, Налимов разъясняет, как в данном случае следует понимать спорный термин «метафизика». Ссылаясь на Мерсье, он пишет, что речь идет о науке, которая имеет дело с трансценденцией за пределы возможного. Сам Налимов говорил о вероятностно ориентированной философии и геометрическом понимании основ мироздания.

Комментируя этот супермасштабный замысел, Налимов писал: культура — это видение Мира. Доминирующим проявлением европейской культуры был детерминистиче-

ский образ Мира. Язык этих представлений заставляет видеть Мир как гигантский часовой механизм, управляемый жесткими причинно-следственными связями, а человека — как машину, запрограммированную этими связями. Правда, эта машина испорчена субъективностью человека, которая не описывается языком логики. Резко сузив горизонт своих представлений о мире, европейская культура вынуждена была прибегнуть к охранению собственного незнания. Но это всегда насилие. Отсюда и трагизм европейской истории.

Где же выход из этого мировоззренческого тупика? — спрашивает Налимов. И отвечает: наверное, всегда сквозь толщу процветающей культуры пробиваются ростки альтернативной контркультуры, которые в конце концов способны породить новую культуру. Мы полагаем, — подводит он итог этим рассуждениям, — что эти ростки контркультуры наших дней сплетаются в единое — вероятностное, — видение Мира.

Несомненно, это был революционный замысел. В этом заключалась его сила, но и слабость тоже: философские работы Налимова не вызывали большого интереса у научного сообщества. Произошло это, можно думать, по разным причинам. Во-первых, Налимов достаточно далеко вышел за пределы стандартной научной парадигмы, внес в нее целый ряд хорошо аргументированных, но безусловно неожиданных корректировок. Во-вторых, его идеи не заинтересовали философов, так как они не владеют языком математики. Не заинтересовали они и математиков, потому что они не философы. Психологи тоже остались в стороне: им были одинаково чужды и математика, и философия. Должны были проявить внимание физики, но для этого надо было «навести мосты» от метафизики, которую развивал Налимов, к нормальной методологии теоретических и экспериментальных исследований. А это и само по себе нелегкое дело.

Но перед тем, как продолжить разговор дальше, надо сказать несколько слов о самом профессоре Налимове. Он прожил долгую жизнь: родился в первом десятилетии XX в., скончался в последнем. Но за это немалое время самые плодотворные, по обычным меркам, годы — с 24 до 42 лет — он провел в сталинских лагерях и в ссылке. По-

лучил он этот срок за то, что проявлял интерес к идеям анархо-коммунистов. В этих идеях не было абсолютно ничего антисоветского, но с точки зрения официальной марксистско-ленинской идеологии это был большой грех. После реабилитации Налимов работал в Московском университете, где стал ближайшим сотрудником известного математика академика А.Н. Колмогорова. За эти годы Налимов опубликовал более 100 статей и 14 книг, многие из которых были изданы за рубежом на английском, немецком и других языках.

А теперь перейдем к рассмотрению его философских работ по существу. Приступая к изложению принципов своей вероятностно ориентированной философии, Налимов начинает с перечисления тех проблем, на новое освещение которых направлена его работа. Перечислим вкратце основные из этих проблем.

1. В философской мысли как Запада, так и Востока издревле развивалось представление о Ничто как первооснове Мира. Нельзя ли редуцировать это представление к геометрии, свойства которой можно обсуждать содержательно?

2. Если сознание, как считается, есть функция высокоорганизованной материи, то почему до сих пор не создана теоретическая модель, эксплицирующая это утверждение?

3. И если отсутствие ответа на предыдущий вопрос объясняется некорректностью его предпосылки, то нельзя ли предложить альтернативную концепцию, согласно которой смыслы и материя — это две различные реальности, имеющие общую первооснову?

4. Если сознание человека — это преобразователь смыслов, то не существует ли возможность построить математически заданную семантическую модель личности?

5. Можно ли построить формальную модель возникновения исходных предпосылок, обеспечивающих функционирование аристотелевой логики?

6. Возможна ли модель творческого процесса в его широком понимании, включая развитие биосферы и ноосферы?

7. Что такое смысл и какова его роль в структуре мироздания? Ответ на эти вопросы несомненно будет означать значительный парадигмальный сдвиг в современной кар-

тине мира. В основе методологии, на инструментарий которой Налимов опирается в цикле своих исследований этого комплекса проблем, лежит вероятностный подход к построению целостной модели Мира, включающий и человека. При этом ключевую для понимания человека роль, согласно Налимову, играет проблема бессознательного.

В психологии и философии, когда говорят о бессознательном, то в узком смысле имеют в виду невербализованную компоненту психической жизни субъекта, скрытую от его сознания. Но есть и более широкое толкование: этому термину иногда придают онтологический смысл. Шеллинг в рамках такого понимания писал об интеллектуальной интуиции, а Шопенгауэр — об абсолютно бессознательной воле, проявлением которой является сознание. Согласно Фрейдю, все невротические состояния обусловлены конфликтом между бессознательным (Оно), сознанием (Я) и идеальными нормами (Сверх-Я), а по Юнгу, кроме личного бессознательного, существует и коллективное бессознательное. Содержанием коллективного бессознательного являются архетипы — формы и образы автохтонного происхождения. Философы Франкфуртской школы распространили проблему бессознательного на сферу социологии. По мнению Хабермаса, можно говорить о соотношении системы ценностей с бессознательными детерминантами человеческой практики, закрепленными в идеологии. В русской философской традиции первой половины XX в. (Бердяев, Розанов, Вышеславцев) проблему бессознательного связывают с концепцией мэонального начала мира.

Весь этот объем крайне противоречивой информации хорошо известен Налимову. Стремясь не переусложнить поставленную им проблему, он определяет бессознательное как все многообразие тех проявлений сознания, которые находятся вне его логической структурированности. Или еще проще: бессознательное — это та часть нашей психической жизни, которая остается после того, как мысленно из него будет отброшено все, что можно передать ЭВМ, т.е. вся логическая, алгоритмическая деятельность. Заметим, что важнейшей компонентой этого «остатка» оказывается феномен интуиции, инсайта, озарения.

Каким же образом через посредство бессознательного человек усваивает новые смыслы? И что такое смысл?

Смысл — это содержание знакового, или символического, выражения, мысль, содержащаяся в словах (знаках), а также и назначение, цель какого-либо действия. Согласно классификации, предложенной логиком и математиком Г. Фреге, значение имени — это предмет (ноminat), носящий данное имя; смысл имени — это информация, которая содержится в имени. С помощью знака мы выражаем его смысл и обозначаем его значение.

Центральное место в математической философии Налимова занимает проблема смыслов, означающая проявленность Мира. Смыслы проявляются через человека в таких сферах его деятельности, как язык, искусство, наука. Бытие человека в Мире раскрывается через смыслы, а смыслы распаковываются через текст. Поэтому, приходит Налимов к парадоксальному выводу, человек — это текст, или, точнее, многообразие текстов, а если еще точнее, то преобразователь смыслов. В этом, по словам Налимова, и состоит функция сознания, которое в силу этого выступает в роли творца — микродемиурга.

Структура сознания носит многоуровневый характер. С первым, высшим, из этих уровней связано логическое мышление. Здесь раскрытие смыслов осуществляется через обычную аристотелеву логику. За этим следует второй уровень — уровень предмышления, где вырабатываются постулаты, на которых базируется логическое мышление. На третьем уровне функционирует бессознательное, а если вспомнить Юнга, то здесь хранятся архетипы коллективного бессознательного.

Над этой личностной иерархической структурой находится еще один этаж — уровень метасознания, принадлежащий надличностному, космическому, сознанию. На этом уровне при его взаимодействии с сознанием человека происходит спонтанное возникновение творческих импульсов — интуитивное постижение новых смыслов. А при отключении уровня логического мышления, например с помощью медитации, мы попадаем в область явлений, которые изучает трансперсональная психология. Заметим, что разговор об этих феноменах означает выход за пределы той парадигмы, на которой основана наука, называемая официальной.

Распаковывание смыслов осуществляется на втором и третьем уровнях, ответственных за процесс предсказания. Для вероятностного описания этого процесса Налимов предложил использовать формализм Байеса. Функция Байеса позволяет подсчитать математическое ожидание потерь, связанных с неправильными или неточными решениями, иными словами, апостериорную вероятность последствий каждого из альтернативных решений. Использование этой функции — основа способа минимизации риска или, что то же самое, принятия оптимальных решений.

Чтобы воспользоваться этим методом, Налимов вводит в теорию базовый постулат: изначально все возможные смыслы Мира соотнесены с линейным континуумом Кантора — числовой осью S , иными словами, смыслы Мира спрессованы так, как спрессованы числа на действительной оси. Это означает, что спрессованность, или непроявленность, смыслов Мира образует Семантический вакуум.

Распаковывание смыслов — появление текста — осуществляется вероятностным взвешиванием различных участков оси s . В итоге возникает функция распределения (или плотность вероятности) смыслов $P(s)$. Функция $P(s)$ — это окно, через которое человек всматривается в семантический мир.

Но функция $P(s)$, формирующаяся вследствие интуитивного озарения на уровне предмышления, — это пока не текст, она обычно имеет форму образов, которые еще только надо перевести на уровень слов. Для описания именно процедуры этого перевода Налимов и использует формулу Байеса, которая связывает три величины: исходный импульс информации $P(s)$, поступивший из Семантического вакуума через открытое интуицией «окно», индивидуальный фильтр, который сформирован у каждого человека из постулатов, хранящихся на его личном уровне предмышления, и, наконец, собственно новый текст, возникающий как результат наложения двух предыдущих величин.

Введенный в свою теорию Налимовым этот силлогизм Байеса отличается от обычного императива силлогизма Аристотеля: две первые посылки, лежащие в его основе, носят не дискретно-атомарный, а вероятностный, размытый, характер. В особенности это касается второй посылки — системы личностных постулатов, которая, хотя и ни-

велируется образованием и коллективным бессознательным, носит все же индивидуальный характер. Не случайно говорят, что каждый человек неповторим.

Между прочим, этот размытый смысловой характер текстов служит надежной основой межличностного общения. Представьте себе ситуацию, когда каждый из собеседников обладает собственной системой предельно жестко заданных исходных постулатов. Разговор между такими собеседниками невозможен: они никогда не смогут понять друг друга.

Базовый постулат в вероятностной концепции бессознательного у Налимова — это гипотеза о существовании Семантического вакуума. Какое содержание он вкладывает в эту гипотезу? Мир, согласно этой концепции, образован двумя дополняющими друг друга слоями реальности — дискретной разделенности материальной Вселенной и континуального пространства Семантической Вселенной. Эти два противостоящих друг другу описания Мира не сводятся в синтезе к единому. Семантическая Вселенная не только сосуществует с материальным космосом, но и проявляется в нем.

Проявление, или раскрытие, Семантической Вселенной осуществляется через задаваемые ей вопросы. Материализация этого спрашивания реализуется посредством сознания человека.

Мир Природы, по Налимову, — это проявленный вакуум. Сопоставляя два последних утверждения, взятых из разных книг Налимова, нетрудно видеть, что, по его мнению, раскрытие смыслов, содержащихся в Семантической Вселенной, осуществляется не только с помощью того инструмента, каким является сознание человека, но и посредством других объектов биосферы и даже, возможно, еще более широко. В своей непроявленной потенциальности Семантическая Вселенная представляет собой Семантический вакуум, который ассоциируется с древними представлениями о Ничто, Нирване и т.п. Семантический вакуум представляет собой континуальное пространство, геометрия которого образована равновзвешенными смыслами подобно числам на линейной оси.

В процессе раскрытия (проявления) Семантическая Вселенная структурируется числом, как это видели еще

Пифагор и Платон. Чтобы конкретизировать содержательную сторону математического континуума Семантической Вселенной, Налимов по аналогии с физическими полями вводит еще одно понятие — понятие семантического поля. В физике, говоря о поле, имеют в виду систему с бесконечно большим числом степеней свободы. Физические поля проявляют себя при воздействии на материальные объекты, имеющие массу, электрический заряд или другие квантовые числа. Подобно этому семантическое поле, введенное Налимовым, позволяет вести поиск смыслов. Функция семантического поля состоит в том, что оно играет роль той среды, через которую происходит взаимодействие. Человек размышляет наедине или взаимодействует с другими людьми с помощью слов, знаков или символов. Этот процесс осуществляется через соприкосновение с семантическим полем. Если воспользоваться языком физики, то можно, наверное, сказать, что происходит испускание и поглощение семантического поля.

Семантическое поле может выполнять и еще одну функцию — непосредственного взаимодействия человека с Семантическим вакуумом. Комплекс явлений сверхчувственного восприятия (телепатия, предчувствие, озарение, интуиция и др.) может получить интерпретацию через взаимодействие психики человека с Семантическим вакуумом. Непосредственное взаимодействие с Семантическим вакуумом оказывается возможным благодаря его флуктуациям, т.е. проявлению двух функций распределения смыслов — континуальной и дискретной.

Итак, мы получили триаду «Семантическая Вселенная — семантическое поле — человек». Нельзя сказать, чтобы суждения Налимова об этой триаде кристаллизовались в четких и однозначных формулировках, которые требуются при построении строгой математической теории. А может быть, здесь проявилось его пристрастие к вероятностному языку, позволяющему работать с нечеткими и размытыми понятиями?

Интересно сопоставить концепцию Налимова о Семантической Вселенной с идеями К. Юнга об *unus mundi* — едином Универсуме, охватывающем области разума и материи — *psyche* и *physis*. Над этими идеями он работал в сотрудничестве с одним из основоположников квантовой

механики В. Паулем. Области разума и материи, согласно этим идеям, — это самосогласованные проявления одной и той же трансцендентной реальности, которую Юнг и назвал *unus mundi*. Ментальными проявлениями этой реальности оказываются архетипы — динамические паттерны в психических и ментальных процессах. В ментальной сфере они проявляются в форме образов и идей, а в мире физической реальности — как структурирование формы материи и энергии в их взаимодействиях. А за пределами этих сфер и лежит высшая трансцендентная фундаментальная реальность — *unus mundi*,

А теперь снова дадим слово Налимову. Вот некоторые формулировки, выдержанные в этом ключе. «Каждый человек в своей индивидуальности — это только селективное проявление Семантического поля, о котором можно говорить как о Семантической Вселенной. Если селективность исчезает..., то Семантическая Вселенная переходит в Семантический вакуум». Однако вследствие его флуктуации сохраняется возможность прямого общения с ним человека. Получается, что человек синонимичен и семантическому полю, и Семантической Вселенной и, следовательно, семантическая триада «Семантическая Вселенная — Семантическое поле — человек» свертывается к чему-то единому. Вопрос еще более осложняется, если вспомнить, что человек — это не только наделенный сознанием субъект, но и вполне материальный объект материальной Вселенной.

Но в других своих высказываниях Налимов определяет творчески мыслящего человека как личность, открытую взаимодействию с семантическим полем и к тому же наделенную большой интеллектуальной мощью. Видимо, здесь имеется в виду, во-первых, способность к интуитивному постижению новых смыслов, а во-вторых, высокий потенциал логического мышления. Или вот еще одно, несколько иное, толкование содержания понятия «Семантическое поле». Налимов вспоминает свою беседу с неким знатоком Библии, который, взяв одно из слов какой-либо фразы из ее текста, немедленно называл другие фразы, содержащие это же слово. Так возникало Семантическое поле этой фразы, пишет Налимов.

Мне довелось беседовать с Василием Васильевичем, обсуждая эти неясности. Главный вопрос, по которому мне хотелось услышать его мнение, касался возможности указать физические референты Семантической Вселенной как автономного слоя реальности нашего мира и семантического поля, которое выполняет функции посредника сознания человека как с Семантической Вселенной, так и с другими разумными существами. Мне казалось, что вероятностная модель Мира, разработанная Налимовым, будучи очень серьезным дополнением к существующей картине мироздания, без ответа на эти вопросы не может считаться завершенной. А определение этих материальных референтов открывало путь к построению полноразмерных математических моделей этих феноменов и что не менее важно — к их экспериментальному исследованию. И уже на этой основе — к разработке новых прорывных технологий.

Без решения этой задачи вероятностная теория Вселенной в своей метафизической основе оставалась математическим оформлением идей Платона и Плотина. Между прочим, суждения, очень похожие на концепцию Налимова о семантическом пространстве, развивал другой крупный математик профессор Оксфордского университета Роджер Пенроуз. По его мнению, наряду с обычным миром существует мир математических понятий Платона, доступ в который осуществляется только благодаря работе сознания. Контакт с этим миром, утверждает Пенроуз, носит неалгоритмический, интуитивный, характер, а соприкосновение с ним приводит к возникновению в сознании ментальных образов, которые еще предстоит перевести на вербальный уровень с помощью последующей интеллектуальной обработки.

Высказываемые Пенроузом идеи представляются ему самому еще достаточно смутными. Думается, он получил бы в этих вопросах значительно больше ясности, если бы прочитал изданные в США на английском языке книги Налимова, которые были опубликованы значительно раньше монографии Пенроуза. Но, к сожалению, англоговорящие ученые редко ссылаются на труды русских предшественников.

«Говоря о мире идей Платона, — пишет Пенроуз, — мы приписываем ему некий вид реальности, которая опреде-

ленным образом сравнима с реальностью физического мира». Но если это так, продолжает рассуждать он, тогда и сама реальность физического мира кажется уже менее очевидной. (Заметим в скобках: как бы ему помогло разобраться в этих вопросах, если бы он узнал о тезисе Налимова: мир Природы — это проявленная потенциальность семантического вакуума.) И не может ли быть так, догадывается Пенроуз, что правильной окажется идея отождествления обоих миров — конкретного и математического. Что же касается сознания, то оно, пишет Пенроуз, «могло бы играть роль таинственного связующего звена между физическим миром и математическим миром Платона».

У Налимова роль этого звена отводится семантическому полю, а у Пенроуза сознание оказывается посредником с самим собой. Что-то вроде барона Мюнхгаузена, который, схватив самого себя за волосы, вытащил из болота себя вместе с конем.

Вероятно, Налимову удалось бы наполнить свою концепцию семантического поля более конкретным содержанием, если бы он познакомился с идеями своего коллеги по Московскому университету профессора Николая Ивановича Кобозева. Известный специалист в области физической химии Кобозев заинтересовался причинами того противоречия, которое существует между сравнительно медленной реактивностью нейронных структур головного мозга и высокой оперативностью их реакции на изменение внешних условий, которая особенно четко проявляется, когда человек оказывается во внезапно возникших критических ситуациях. Для снятия этой проблемы Кобозев выдвинул гипотезу о существовании психонов — сверхлегких частиц со спином $1/2$, которые, взаимодействуя с нейронами, и обеспечивают оперативность их реакций. Происходит это потому, что будучи примерно в 10 000 раз легче электрона, психоны в силу соотношений Гейзенберга характеризуются зонами неопределенности по пространству и времени, на несколько порядков превышающими соответствующие величины для электронов, атомов и молекул. И следовательно, ансамбль психонов обладает способностью первым реагировать на внешние раздражители, иными словами, на любые изменения потоков информации.

Недостаток модели психонов состоит в том, что она основана на принципе *ad hoc*, т.е. не носит дедуктивного характера, а придумана специально для объяснения загадки высокой реактивности мозга. Кроме того, с первого взгляда она никак не вмещается в существующую систематику элементарных частиц. Так, по крайней мере, казалось самому Кобозеву, когда он более тридцати лет назад работал над своей теорией. Тем не менее, если бы Налимов узнал об этой теории, он смог бы сопоставить идеи Кобозева со своей концепцией семантического поля. Это было бы тем более интересно, поскольку оба эти теоретические феномена носят квантово-механический характер.

Заметим, что теперь у нас есть возможность снять проблему, перед которой остановился Кобозев: мы можем указать класс элементарных частиц, физические параметры которых совпадают с характеристиками психонов. Это нейтрино, лишенные, как и психоны, электрического заряда, имеющие подобно им спин $1/2$ и массу, равную нулю, либо в 10 000 раз меньше массы электрона. А совсем недавно Г.И. Шипов показал, что нейтрино — это не что иное, как кванты торсионного поля, или поля кручения пространства, описываемого модифицированной теорией относительности (*torsion* означает кручение).

Но вернемся к нашему разговору с В.В. Налимовым. Я спросил его, не думает ли он, что семантическое пространство, являющееся источником информации в антиэнтропийных процессах типа интуиции, целесообразно соотносить с тонкими структурами квантового вакуума. Квантовый вакуум безусловно является космическим объектом, а в силу соотношений неопределенности Гейзенберга обладает голографическими свойствами. Василий Васильевич не стал возражать против этой идеи, но и не проявил к ней особого интереса. Понять прохладное отношение профессиональных математиков к физическим концепциям трудно: переход к экспериментальным исследованиям — это не их стихия.

С квантово-вакуумной интерпретацией семантического пространства можно сопоставить и еще одну гипотезу Н.И. Кобозева. По его мнению, можно допустить реальное существование феномена отрицательной энтропии как «энтропийного вакуума», который способен поглощать эн-

тропию в изотермическом процессе без затрат энергии. Взаимодействие материальной системы, например мозга человека, с этой областью «антиэнтропии», как ее назвал Кобозев, поведет к спонтанному информационному упорядочению этой системы. Этот процесс, очень напоминающий феномен интуиции, не следует интерпретировать как нарушение второго начала термодинамики, поскольку он не связан с обменом энергией. А переносчиком этого взаимодействия между областью «антиэнтропии» и миром материальных объектов — в первую очередь с мозгом человека, — согласно Кобозеву, может выступать ансамбль психонов. Снова обращаясь к теории физического вакуума Г.И. Шилова, мы можем утверждать, что в реальности эту функцию выполняет торсионное поле.

Оценивая общие результаты своих трудов, В.В. Налимов писал, что это была попытка возродить натурфилософию — философское направление, позволяющее увидеть Мир в его целостности через все богатство знаний, накопленных человечеством. Ключевым понятием его исследований стал феномен, который древние мыслители называли словом, скрывающим тайну мироздания, — Ничто. Об этом думали и античные, и средневековые философы и мистики, и мудрецы Запада и Востока. Как мы видели в предыдущих главах, свое слово по поводу разгадки тайн этого феномена сказали и Н.А. Бердяев, и С.Н. Булгаков, и П.А. Сорокин.

В.В. Налимову удалось сделать в этой области философских и мировоззренческих знаний особенно много. Его вероятностная модель сознания позволяет описать творческий процесс генерации новых идей, в котором актом свободной воли как потенциальное разнообразие раскрывается будущее. Геометрическое понимание семантики Ничто и полевая концепция раскрытия смыслов Мира через бессознательное — важнейшие достижения творческого поиска, который Налимов вел в последние десятилетия своей жизни.

«Соприкосновение с тайной Мира, — писал Налимов в заключении одной из своих книг, — делает нас романтиками. Сила соприкосновения с тайной в том, что она несет в себе моральное начало. И где еще можно найти основу для морали? Все сказанное здесь, если хотите, можно рассмат-

ривать как попытку дать современный ответ на основной вопрос философии жизни».

Тот ответ, который удалось дать В.В. Налимову, оказался в русле магистрального направления развития современной науки, которое на рубеже XX–XXI вв. привело к парадигмальному сдвигу в картине мироздания. И в центре этих достижений оказались успехи физики квантового вакуума.

Глава 17

УНИВЕРСАЛЬНЫЙ ЭВОЛЮЦИОНИЗМ

Я познакомился с Никитой Николаевичем Моисеевым на научной конференции «Новая планета», которую в августе 1995 г. в своем Фонде проводил М.С. Горбачев. С основным докладом на конференции выступил Никита Николаевич. В докладе речь шла о проблемах надвигающегося глобального экологического кризиса, опасность которого к тому времени стала очевидной. Человек должен «вписаться в Природу», говорил Никита Николаевич, необходимо выработать механизмы целенаправленной эволюции. Но попытки решить эту задачу на основе принципов планомерного развития, предупреждал он, обречены на провал: из теории управления следует, что сложность управляющей системы растет экспоненциально вместе с ростом сложности той системы, которой она должна управлять. Где же выход? Нужна стратегия «sustainable development» — стратегия согласованного, или допустимого, развития. А для разработки и проведения в жизнь этой стратегии потребуются организация Коллективного Интеллекта а, быть может, на основе Организации Объединенных Наций. Начать целесообразно с создания гуманистического центра — «Штаба мудрецов», который будет представлять не государства, а специальности. Этот «Штаб» должен будет разработать проект «Новой планеты».

«Я вижу два пути, — подвел итоги своего доклада Моисеев. — Либо исчезновение человека или, в крайнем случае, возвращение в пещеры, либо то состояние биосферы и общества, которое будет означать новый гомеостаз, т.е. «Новую планету».

Участвуя в прениях по докладу, я согласился с идеей создания «Совета Мудрых». Но далее задал вопросы: какими методами «мудрые» будут искать оптимальные решения этих очень сложных задач, как они добьются, что их рекомендации будут услышаны? Биосфера и еще более сложная социобиологическая система — это саморазвивающиеся системы, эволюционирующие по законам синергетики. Периодические кризисы для них неизбежны, причем в условиях кризиса решающую роль могут играть случайные и второстепенные факторы, которыми в обычных условиях можно и пренебречь. Эти особенности самоорганизующихся систем — следствие таких их свойств, как нелинейность и открытый характер. А потому, выбирая стратегию согласованного развития, следует изменить постановку задачи: вместо ответа на вопрос «Что делать?» лучше искать ответ на другой вопрос — «чего не делать?».

— Совершенно правильно, — согласился со мной Никита Николаевич. — Главная задача науки состоит именно в том, чтобы искать правила запрета. В первую очередь надо определить, какие действия могут завести нас в эволюционные тупики.

Я привел этот не очень значительный эпизод в творческой биографии академика Н.Н. Моисеева для того, чтобы читатели, познакомившиеся с настоящей книгой, могли судить, насколько значительно прогрессировала его мысль за сравнительно небольшой срок — всего пять лет. Да, жить Никите Николаевичу оставалось всего пять лет. Но, знакомясь с плодами его научной работы за это короткое время, остается только удивляться столь редкостной научной отдаче. Одних только книг появилось не менее девяти (возможно, есть такие, которых у меня нет): «Современный рационализм» (1995), «Агония России. Есть ли у нее будущее?» (1996), «Время определять национальные цели» (1997), «С мыслями о будущем России» (1997), «Путь к очевидности. Расставание с простотой» (1998), «Судьба цивилизации. Путь разума» (1998), «Размышления о современной политологии» (1999), «Быть или не быть... человечеству?» (1999). И, наконец, последняя — «Универсум. Общество. Информация» (2001), подготовленная к изданию уже после кончины Никиты Николаевича его коллегами и товарищами.

Кроме книг, было много статей в журналах и газетах, выступления на конференциях, руководство Международным независимым эколого-политологическим университетом и Российским Зеленым крестом, семинар в Политехническом музее, работа в Академии наук. В своей автобиографии Никита Николаевич вспоминает такой эпизод: в 1950 г. он пришел на работу в Ростовский университет, на кафедру механики. И поскольку руководство кафедры было репрессировано, ему пришлось читать сразу пять разных теоретических курсов всему физико-математическому факультету, «До сих пор не могу себе представить, — пишет Никита Николаевич, — как я сумел выдержать такую нагрузку. Вероятно, в 30 лет мы видим трудности в совсем ином свете, чем в 80. Если судить по той творческой активности, которую Никита Николаевич сумел сохранить и к 80 годам, то с уверенностью можно «изобличить» его в ошибке: научная производительность его не только не снизилась, но, пожалуй, даже и возросла, а ее общественно-политическая значимость, несомненно, стала почти предельно высокой.

Интересно проследить, как за эти годы в спорах с самим собой двигалась мысль Никиты Николаевича, каким образом он уточнял первоначально сформулированные вопросы, какие находил на них ответы, какие новые горизонты знания открывались ему в процессе этих далеко не простых поисков. Начать этот разбор лучше всего с методологии.

В 1991–1992 гг. Н.Н. Моисеев прочитал в МГУ и в Российско-Американском университете курс лекций по универсальному эволюционизму. В 1993 г. эти лекции были изданы в виде небольшой книги под названием «Восхождение к Разуму». Этот выбор — универсальный эволюционизм — красной строкой прошел через все последующие труды Моисеева. Но как же сильно отличается первый очерк этой действительно универсальной методологии от все более и более глубокого и обстоятельного ее изложения в последующих книгах!

Идеи универсального эволюционизма восходят к книге «Феномен человека» французского антрополога и гуманиста П. Тейяр де Шардена (1946) и «Самоорганизующаяся Вселенная» австрийского философа Эриха Янча (1980).

Тейяр попытался осуществить в рамках этой концепции синтез научного и религиозного миропонимания, введя гипотезу о существовании «космической энергии», которая и определяет динамику и направленность всех эволюционных процессов во Вселенной. Янч пошел значительно дальше, так как смог опираться на аппарат термодинамики необратимых процессов, разработанный И. Пригожиным. Поэтому, если у Тейяра эволюция Универсума носит телеологический, заданный извне, характер, то у Янча и Пригожина речь идет о парадигме самоорганизации природной среды и человеческого космоса, рассматриваемых как единая система открытого типа с нелинейными обратными связями.

Н.Н. Моисеев обратился к этой методологии еще в 1990 г. в своей книге «Человек и ноосфера». Но, обратившись к методологии универсальной истории, он сразу же внес в нее собственный оригинальный подход. Вместе со своими учениками еще в начале 1980-х годов он разработал численную модель эволюции биосферы в случае глобальной войны с использованием атомного и термоядерного оружия. Расчеты показали, что в этом случае условия на Земле изменятся таким образом, что жизнь на ней человека станет невозможной. Но точка на этом не была поставлена: компьютерная программа, которая оказалась в распоряжении Моисеева и его коллег, позволяла перейти к следующему этапу исследований — широкомасштабному моделированию процессов взаимодействия человека и биосферы. Это был самый передний край мировой науки.

К сожалению, осуществить эти замыслы не удалось: началась перестройка, а затем и «реформы» 1990-х годов, которые поставили отечественную науку на грань выживания. Главную вину за трагедию нашей страны, по словам Моисеева, «надо возложить на гайдариобразных экономистов (если вообще их можно считать экономистами) — они-то знали или, во всяком случае, должны были бы в силу своих дипломов знать, что такое рынок, что такое современная мировая рыночная система. Знать о ее могуществе, возможностях и претензиях корпораций на мировое господство! И их обязанностью было предупредить не очень образованных правителей».

После катастрофы оставалось одно — обратить все силы на личное научное творчество. И не случайно тема универсальной истории стала одной из центральных проблем, которые от этапа к этапу, от книги к книге раскрывались Никитой Николаевичем все более основательно и более глубоко. Откройте оглавление книги «Быть или не быть... человечеству?» — 60% текста посвящено проблемам методологии универсального эволюционизма.

Понимание философии и логики истории, подчеркивает Моисеев, важно потому, что оно во многом облегчает наше видение перспектив и альтернативных сценариев будущего. Знание истории позволяет человеку глубже познать самого себя и определить запреты тех или иных действий. Последнее, подчеркивает Моисеев, самое важное! Верно, что история есть миф, вслед за Н.А. Бердяевым повторяет Моисеев. Но любая мифологическая интерпретация представляет интерес — и как виртуальная версия реальности, и как свидетельство о личности ее автора. И о времени, когда эта история создавалась.

Философия истории дает нечто большее: она позволяет выявить главные пружины, раскручивающие процессы самоорганизации общества, раскрыть сочетание случайного и закономерного, личностного и общественного. И указать в этих процессах роль и место Разума и коллективной воли.

Основной урок, или основная аксиома философии универсального эволюционизма, в формулировке Н.Н. Моисеева звучит следующим образом: «Человек — элемент биосферы и может развиваться только в развивающейся биосфере. Этот принцип я называю принципом коэволюции человека и биосферы. Его выполнение — необходимое условие сохранения человека на Земле. Его достаточно полная расшифровка — задача большой науки».

Этот фундаментальный для выживания человечества принцип коэволюции, который Моисеев сформулировал вслед за Н.В. Тимофеевым-Рессовским, был подвергнут ожесточенной критике на страницах газеты «Зеленый мир», а затем и в некоторых монографиях. Если человек — часть биосферы, говорили критики, то, как можно без насилия над здравым смыслом рассуждать о коэволюции части и целого? Постановка этого вопроса, продолжали они, бессодержательна также и потому, что скорости эво-

люции подсистем биоты и техносферы различаются на много порядков. Регулятивные функции биоты не могут быть переданы техническим системам, — выносили они окончательный приговор идеям Моисеева, — и следовательно, под понятием коэволюции общества и природы нет научной основы.

Конечно, заманчиво пытаться нажать себе научное имя, выискивая ошибки у мыслителей такого масштаба, как академик Н.Н. Моисеев. Это сейчас входит в моду. Вот из стен Института истории естествознания и техники РАН выходят работы, в которых тшятся доказать, что гордость отечественной науки К.Э. Циолковский — вовсе не ученый, а всего лишь жалкий фантаст, к тому же крайне реакционный. А теперь взялись и за Н.Н. Моисеева...

Разумеется, в науке нет и не может быть тем, запрещенных для критики, право на сомнение — один из базовых принципов науки. Но другой принцип гласит: критика должна быть объективной, передержки и передергивания совершенно недопустимы.

Как же все-таки быть с принципом коэволюции? Самое правильное — дать для разъяснений слово самому Н.Н. Моисееву. Развивая учение В.И. Вернадского о ноосфере, Моисеев предпочитает говорить о ноосферогенезе — процессе перехода биосферы в состояние ноосферы, который начался в нашу эпоху. Одно из фундаментальных требований этого перехода — экологический императив. Биосфера меняется вследствие активной деятельности человека, и эти изменения можно изучать с помощью компьютерного моделирования. «Что же касается термина «коэволюция» в применении к обществу, то он означает такое поведение человека, которое имеет своим результатом не деградацию биосферы, а содействие ее развитию... за счет роста числа ее элементов и разнообразия свойств элементов (живого вещества)».

Биосфера меняется, и огромную роль при этом играет случайность. Как и способность человечества адаптироваться к этим изменениям. Наука может лишь исследовать тенденции этих процессов и разрабатывать альтернативные сценарии эволюции системы «общество + природа». Используя эти рекомендации науки, надо «сознательно повышать шанс сохранить себя в составе биосферы. Чело-

вечество должно найти силы повернуть колесо своей истории. Другими словами, будущность человека — в нем самом! А технические средства — лишь вспомогательный инструмент, позволяющий обеспечить жизнь в рамках естественных ограничений» (там же).

Нетрудно убедиться, что противники Моисеева избрали самый простой способ спора: академику пытаются приписать высказывания, которых он не делал. Вряд ли поэтому можно лучше возразить на подобную «критику», чем это сделал сам Никита Николаевич, который не стал опускаться до мелочного разбора искажений его собственных слов.

Но остается другой значительно более важный вопрос: как именно, какими средствами человечеству следует «повернуть колесо истории», чтобы не разделить печальной судьбы динозавров, бесследно исчезнувших с лика планеты. «Как преодолеть трудности экологического императива, найти основу для коэволюции с природой и справиться с преодолением кризисных барьеров, стоящих на пути его развития?» — спрашивал сам себя Моисеев на начальном этапе своих размышлений над этими проблемами. И давал честный и нелицеприятный ответ: однозначной ясности здесь пока нет. (Моисеев Н.Н. Восхождение к разуму. М., 1993. С. 155.)

Потребовались годы напряженного труда, чтобы найти ответ хотя бы в первом приближении.

Но сначала следовало разобраться в тех новых явлениях, которые существенно изменили всю международную жизнь. На волне научно-технической революции развитые страны совершили переход к информационному технологическому укладу. Масштаб перемен, происходящих в мире, был столь значителен, что заговорили о третьем после становления аграрного общества, а затем индустриальной цивилизации историческом суперцикле — постиндустриальной цивилизации. Этим проблемам посвящены обстоятельные монографии Д. Белла, Э. Тоффлера, Ю.В. Яковца, А.С. Панарина, В.Л. Иноземцева и других.

Моисееву также удалось сказать свое слово в исследовании особенностей постиндустриального перехода. Одним из первых он обратил внимание на тот факт, что эти процессы привели к постепенной утрате потенциала саморазвития локальных цивилизаций, которые стали все бо-

лее интенсивно интегрироваться в единый общепланетный экономический механизм с универсальной системой регулирования. Эту систему, пишет Моисеев, по инерции продолжают называть рыночной, или системой свободно-предпринимательства. Но в действительности она подчиняется другим закономерностям. Решающую роль в определении характера мировой экономической жизни стали играть ТНК — транснациональные корпорации. Возникновение ТНК, отмечает Моисеев, — результат естественного хода процессов самоорганизации, соответствующего принципам универсального эволюционизма.

Не стану повторять той детальной характеристики мира ТНК, которую приводит в своих книгах Моисеев. Отмечу только, что следствие деятельности этих новых распорядителей хозяйственной жизни планеты состоит в том, что капиталы и ресурсы перемещаются туда, где их использование дает максимальную прибыль. Никита Николаевич нашел очень образный термин, который определяет результаты этих процессов, — «дьявольский насос», действие которого ведет к углублению стратификации государств: богатые становятся еще богаче, а бедные навсегда погружаются в мир нищеты. И еще одно удачное сравнение находит Никита Николаевич, чтобы более рельефно обрисовать несправедливость этого нового постиндустриального мира: он уподобляет его властителей гражданам античной Спарты, а всех прочих — илотам, лишенным всяких прав коллективным рабам этого жестокого древнего государства.

Постиндустриальный мир продолжал эволюционировать, причем очень быстро и после того, как были написаны основные книги Н.Н. Моисеева. Кроме ТНК, в экономической жизни появились и более крупные монстры — мировые финансовые центры, взявшие под контроль движение капиталов. Ведущие отечественные экономисты обстоятельно исследовали это новое явление, ему посвятили свои работы В.Г. Белолипецкий, С.Г. Кара-Мурза, В.М. Коллонтай, Ю.М. Осипов и др. Господство финансовых центров привело к возникновению совершенно нового феномена — финансомики, суть которого состоит в том, что финансовый механизм приобрел ведущую роль во всех экономических и хозяйственных процессах. Финансовая рента начала превалировать над производством, земельной и финансо-

вой рентой, она подчинила себе весь процесс формирования и распределения доходов. Ежедневный объем глобальных финансовых транзакций достиг чудовищной величины — триллиона долларов. Сегодня деньги делают деньги.

Более сложной, чем это представлялось Н.Н. Моисееву, оказалась социально-политическая структура постиндустриального мира. Он приобрел не двух-, а трехуровневую структуру: Центр, населенный процветающим «золотым миллиардом». Периферия, поставляющая ему ресурсы, сырье и собственные таланты, и Глубокий Юг — некоторые страны Африки, Азии и Центральной Америки, обреченные на вечную нищету. В последнем докладе Римскому клубу, который называется «Фактор четыре», его авторы — Э. фон Вайцекер и его коллеги рекомендуют взять эти обнищавшие страны под контроль ООН (читай — Центра), убедить их руководителей добровольно отказаться от национального суверенитета и внедрить у них под международным контролем «зеленые технологии», чтобы спасти население от голодной смерти.

Самые откровенные проповедники этой стратегии нового глобализма, например Э. Бжезинский, видят в качестве идеала создание новой мировой империи во главе с США как первой, единственной и последней истинно мировой державой. Сторонники этой стратегии забывают, что судьба всех империй была, в конечном счете, одинаковой: все они терпели крах. К счастью, на Западе есть немало политиков, которые прекрасно понимают гибельность подобной стратегии. В качестве примера уместно сослаться на американского футуролога П. Кеннеди, который в своей книге «Вступая в XXI век» рекомендует сделать основную ставку на поиск компромиссных решений, позволяющих избежать новых кризисов на нашей беспокойной, изломанной планете.

У Н.Н. Моисеева уже не осталось времени, чтобы разглядеть многие детали этих сверхбыстрых перемен нашего неустойчивого мира, но их главные тенденции он отметил совершенно правильно. Ему была ясна и та цена, которую платит Запад за стремление проводить в жизнь имперскую стратегию глобализма. Вспоминая о временах могущества Римской империи, порядок, утвердившийся на планете после распада Советского Союза, иногда называ-

ют Pax Americana. В упоении своими успехами американские политологи З. Бжезинский и Ф. Фукуяма утверждают: мы победили надолго, и на этом история закончила течение свое.

В вашей победе, возражает им Н.Н. Моисеев, заложены зерна вашего грядущего поражения. Верно, что в военном, политическом и экономическом положении США ныне не имеют соперников. Но верно и другое: однополюсная система всегда неустойчива — как математик высшей категории академик Моисеев знает это совершенно твердо. Мирровая история XX в. подтвердила тезис Маркса о неравномерности развития капиталистических стран. В XXI в. неизбежно поднимутся новые центры силы — в Европе, в Тихоокеанском регионе.

Но уже сегодня, отмечает Моисеев, американцы проигрывают своим соперникам в культуре — основе всякого развития. Ссылаясь на данные П. Кеннеди, он пишет о низком образовательном уровне населения США: 22% взрослых не могут правильно написать адрес на конверте, американская поп-культура глубоко антиинтеллектуальна, индустрия развлечений ориентирована на технологию манипуляции с человеческой массой.

«Культ абсолютного индивидуализма, — пишет Моисеев, — чистогана, максимальной прибыли, какофонии вместо настоящей музыки, крутых детективов вместо произведений классиков, секса, наркотиков — все это естественное развитие событий, начавшихся в XVII в. Это результат развития капитализма».

Эпоха, которая началась в годы Реформации и английской революции, исчерпала свой эволюционный потенциал. Система капитализма дала человечеству невиданное могущество, но загнала его в тупик. Следование системе ценностей, лежащей в основе капитализма, становится опасным для человечества.

Чтобы избежать обвинений в предвзятости, которые кое-кто, возможно, захочет высказать старому русскому ученому и патриоту своей страны за столь суровые оценки западного мира, мне хочется процитировать высказывания об Америке французского философа Жана Бодрийяра. Совершив путешествие в эту страну, он был восхищен ее достижениями и одновременно удручен ее духовной ни-

щето́й. Возможно, пишет он, истина Америки состоит в том, что здесь можно найти совершенный симулякр, симулякр имманентности и материального воплощения всех ценностей. «Это страна без надежды, — подводит итог своим наблюдениям критически мыслящий европейский философ. — Для нас, фанатов эстетики и смысла, культуры, вкуса и соблазна, для нас, считающих прекрасным лишь то, что глубоко нравственно, а увлекательным лишь героическое противопоставление природы и культуры, для нас, неразрывно связанных с авторитетом критического разума и трансцендентности, открыть очарование нонсенса — значит перенести ментальный шок... Узнать, что можно получать наслаждение от устранения всякой культуры и воодушевляться торжеством безразличия».

Чтобы окончательно отвести от Н.Н. Моисеев незаслуженные обвинения в предвзятом отношении к Западу, приведем слова, принадлежащие известному американскому экономисту Даниелю Беллу, автору фундаментальной монографии «Грядущее постиндустриальное общество». Спустя 15 лет после опубликования этой работы он написал другую книгу — «Культурные противоречия капитализма». Сравнивая «космологические принципы» индустриального и постиндустриального миров, для первого Белл определил их как рациональность и прогресс, а для второго — страх и трепет. Заметим: столь критическая оценка принадлежит автору наиболее полной теории этого самого постиндустриального общества!

И здесь возникает еще одна тема, занимающая в творческом наследии Н.Н. Моисеева одно из центральных мест. Само появление человека как нового биологического вида, который много позже его представители назвали *Homo sapiens*, стало возможным благодаря новой бифуркации в его эволюции — появлению нравственности. Если бы этого не произошло, пишет Моисеев, «наш биологический вид, вероятнее всего, сохранился бы. Но он не превратился бы в человека. Появился бы еще один вид умных обезьян». Это был новый природный феномен, открытый еще в эпоху палеолита, который таил в себе неисчерпаемый потенциал развития и который стал решающим фактором на пути восхождения наших далеких предков к Разуму.

Надлом произошел на рубеже становления индустриальной цивилизации. В мораль западного человека вошел принцип, провозглашенный Френсисом Бэконом: «Наука нужна для того, чтобы покорять Природу и ставить ее силы на службу человеку». Опасность состояла в том, отмечает Моисеев, что технические возможности человека растут неизмеримо быстрее его миропредставления, материальная сторона его бытия эволюционирует быстрее его духовной составляющей. Как следствие, это ведет к деградации моральных основ общества, к снижению уровня духовной культуры. Академик Моисеев совершенно точно разглядел эту опасность.

В начале XX в. один из основоположников науки нового времени Анри Пуанкаре предсказывал: «Мораль и наука по мере своего развития будут превосходно согласовываться друг с другом». Сто лет спустя академик Моисеев имел все основания утверждать иное: великий математик ошибся в своих ожиданиях. Наука XX в. сыграла со своим временем ту самую роль, которую угадывала Мэри Шелли в своем фантастическом романе «Франкенштейн». Да, был обеспечен колоссальный технологический прорыв, позволивший поднять качество жизни на новый небывало высокий уровень. Но в нравственном отношении современная наука оказалась несостоятельной и инертной.

Высший плод современной науки — постиндустриальное общество — привело к повороту экономики к новой форме антропоцентризма. Был подвергнут ревизии базовый принцип жизнедеятельности западной цивилизации — индивидуалистической самодостаточности в пользу господства технобюрократии — менеджеров и хозяев ТНК и мировых финансовых центров. Когда идеологи социалистической системы хозяйства обещали советскому человеку избавление от всех несчастий капитализма — конкуренции, анархии производства, кризисов, социальной незащищенности, они тем самым уводили нас с передового Запада на отсталый традиционный Восток. В конце XX в. сходный процесс пошел на Западе: всюду возникают мощные центры коллективно организованных действий, растет мощь науки, общепланетная мегамашина производства подавляет индивидуальные творческие порывы.

Современная духовная жизнь западной цивилизации внутренне противоречива, подводит итог своему анализу Моисеев. С одной стороны это рост индивидуализма, новые технические возможности для свободного творчества. Но с другой — мощные силы, стремящиеся поставить все под свой контроль. В столкновении этих противоречивых тенденций происходят загрязнение информационного пространства и монополизация информации, а это ведет к кризису экологии духа. «Самое страшное, что может случиться с нашей цивилизацией, — предупреждает Моисеев, — это отказ интеллектуальных датчиков. Представим себе, что система автоматического управления самолетом перестала реагировать на показания гироскопа. Финал очевиден — самолет сорвется в штопор. То же самое происходит с цивилизацией, когда народ перестает слышать слова ученых, мыслителей, когда собственные мелочные заботы делают неинтересными все другие общечеловеческие проблемы».

Как избежать близящейся катастрофы, что надо для этого делать? Ключ к предотвращению подобного сценария, по мнению Моисеева, лежит в личностном начале. Только союз свободных личностей — гражданское общество — способен противостоять монополизму информации, поставить заслон искажению массового сознания и обеспечить свободное проявление того творческого потенциала, который заложен Природой в человеческой индивидуальности.

Альтернативные пути развития человечества, конкретизация эволюционных сценариев перехода к регулируемому развитию — эта тема красной нитью проходит через все работы Н.Н. Моисеева, над которыми он трудился в последние годы своей жизни. Обстоятельно говорится об этом и в книге «Быть или не быть... человечеству?» Поэтому у меня нет нужды останавливаться на этих вопросах сколько-нибудь подробно, достаточно, вероятно, обратить внимание на те проблемы, на освещение которых у Никиты Николаевича уже не осталось времени.

«Существо современного этапа антропогенеза, а тем более его формы и перспективы, — признает Моисеев, — нам еще очень мало понятны, если не сказать сильнее... Говорить о будущем более чем сверхтрудно. А говорить приходится, говорить необходимо, поскольку обществу надо жить, надо действовать!» Мы вступили в мир Рах

Americana, где подлинными хозяевами жизни планеты являются ТНК. Добавим: и мировые финансовые центры. Экономический и политический полицентризм и культурное разнообразие — вот что, по мысли Н.Н. Моисеева, можно противопоставить стратегии имперского глобализма, губительной для человечества как единого целого. Парадокс при этом состоит в том, что при соблюдении принципов христианской морали общепланетный тоталитаризм мог бы оказаться благом для всех государств и всех народов. Все было бы хорошо, если бы не одно «но» — для всех материальных ресурсов, запасы которых на планете ограничены, не хватит. Вставая на позиции универсального эволюционизма, можно указать способ, позволяющий избежать сценария глобальной экологической катастрофы, которая иначе становится неизбежной. Этот способ, считает Моисеев, состоит в разработке новой структуры общественных отношений для единого планетарного сообщества на основе концепции В.И. Вернадского о ноосферогенезе. Нет сомнений, это правильные предложения, но их недостаточно, так как они не содержат соображений о том, какими должны быть конкретные шаги, чтобы начать движение в сторону этого сценария. Ответ на эти вопросы дан в последних трудах отечественных ученых. Известный российский экономист Ю.В. Яковец опубликовал монографию «Глобализация и взаимодействие цивилизаций». Существует оптимистический сценарий взаимодействия локальных цивилизаций Востока и Запада, основанный на равноправном партнерстве. В рамках этого сценария главным ресурсом сопротивления экспансии Запада является цивилизационная самобытность, своеобразный духовный мир народов Востока. Решающее значение для вступления на этот путь будет иметь технологическая модернизация, освоение и тиражирование достижений НТР эпохи постиндустриальной трансформации. К этому следует добавить то важное замечание, что развитие фундаментальных научных знаний и перспективных инновационных технологий, основанных на новых научных открытиях, продолжается. Новыми лидерами прогрессивной ветви эволюции в XXI в. станут те страны и народы, которые первыми сумеют поставить себе на службу эти плоды нового знания. И нет оснований считать, что это обязательно будут страны Запада.

Другая идея, над которой много размышлял Н.Н. Моисеев, — это концепция управляемого и направляемого развития, или «принцип кормчего». Эту функцию, считает он, мог бы взять на себя Коллективный Интеллект человечества, который может проявить себя в высокообразованном гражданском обществе. Помочь становлению этого коллективного Интеллекта, или Коллективного Разума, может создание «Совета мудрых» — наиболее авторитетных и высоконравственных специалистов, выбранных в разных странах. Несомненно, эти идеи заслуживают внимания, и они достаточно активно обсуждаются научной общественностью. Близкие предложения высказывают, например, супруги Д. и Д. Медоуз и Й. Рандерс в книге «За пределами допустимого», но одновременно признают, что никто не знает, как совершить революцию для перехода к этому обществу устойчивого роста.

Иногда высказывается мнение, что функции этого Коллективного Интеллекта, которому предстоит возглавить работу по снятию современных глобальных проблем, должен взять на себя Запад. Такую позицию отстаивает, например, В.Л. Иноземцев в книге «Расколота цивилизация». Эта точка зрения не нова: ее защищают в своих работах западные политологи и экономисты П. Дракер, М. Кастельс, Р. Райх, С. Сакайя и другие. По существу все эти проекты сводятся к разным вариантам обновленного колониализма.

Н.Н. Моисеев всегда рассматривал мировую цивилизацию как единую саморазвивающуюся систему — этот подход прямо следовал из принципов универсального эволюционизма. Не думается поэтому, чтобы Моисеев мог бы согласиться с этой концепцией доминирования Запада над всем остальным человечеством.

Нет ни одной книги Н.Н. Моисеева, в которой одно из главных мест не уделялось бы судьбам России. Чтобы выжить и добиться возрождения страны в современных жестких условиях нарождающегося мирового тоталитаризма, следует сосредоточить внимание на двух главных направлениях, пишет он в своей итоговой книге «Универсум. Информация. Общество». Во-первых, это целенаправленное развитие экономики, которое позволит нашей стране стать полноценным партнером, а не ресурсным придатком

в мире ТНК. А во-вторых, необходимо обеспечение собственной безопасности, чтобы исключить возможность югославского варианта и сохранить самостоятельность политических и экономических решений. Конкретизируя первое из этих направлений, Моисеев высказывает несколько ценных предложений: государственная поддержка высоких технологий и фундаментальной науки, укрепление системы образования, проект пути «из англичан в японцы» — новой транспортной инфраструктуры. История нашего народа показывает, сколь огромную роль в его судьбе всегда играл прорыв, пишет Моисеев. И новая программа возрождения страны, напоминающая ГОЭЛРО, несомненно, найдет широчайший отклик в народе, особенно среди многомиллионной технической интеллигенции.

До конца своих дней академик Н.Н. Моисеев продолжал размышлять над этими проблемами, искал конструктивные пути их решения. Буквально за несколько дней до кончины он писал: «Человек подошел к пределу, который нельзя переступить ни при каких обстоятельствах. Один неосторожный шаг — и человечество сорвется в пропасть... Хочу подчеркнуть, что такая катастрофа может случиться не в каком-то отдаленном будущем, а, может быть, уже в середине наступившего XXI века».

Книги, оставленные нам академиком Н.П. Моисеевым, — исключительное явление в мировой литературе. Это детально и убедительно обоснованное предостережение народу нашей страны и населению всей планеты о том, что дальше так жить нельзя. Нам предстоит изменить весь строй жизни, перестроить миропредставление и систему ценностей или сойти в историческое небытие. Осознавая всю грозную полновесность того вызова, который на этот раз предъявила людям история, Никита Николаевич сумел выбрать такой стиль изложения, который делал его труды понятными читателям самого разного уровня подготовки — и одновременно интересными. Можно сказать, что это был стиль страстной проповеди. Никита Николаевич Моисеев не только предостерегал, он по возможности и подсказывал, какой ответ нам следует дать на этот вызов истории. И, быть может, самое ценное: он учил читателей думать над самыми важными и самыми актуальными вопросами современности.

Глава 18

ГОРИ, МОЯ ЗВЕЗДА!

Умирать не хочет никто. Быть забытым тоже не хочется никому. Есть два способа избежать того и другого. Первый — это оставить достойных наследников, которыми вы можете гордиться и которые продлят ваш род. Второй — это оставить о себе память в делах и свершениях.

Здесь каждому дан свой масштаб. Имена немногих, чьи заслуги особенно велики, помнит человечество. Другие — их большинство, — пусть и оставаясь безымянными, оставляют свой вклад в делах, которые нужны людям, делают их жизнь лучше. По большому счету это нисколько не хуже. Эти люди тоже мастера и энтузиасты своего дела.

За время моей долгой трудовой жизни я постоянно имел дело главным образом с такими людьми. И пришел к выводу: именно они составляют то, что принято называть солью земли. О некоторых из них хочется рассказать на этих страницах. Они достойны того, чтобы о них узнали и их помнили.

В 1963 г. наш коллектив — сначала это была лаборатория, а потом после прихода новых сотрудников она выросла до масштаба отдела — получил новое задание: создание электрических ракетных двигателей. Новое дело оказалось увлекательным и интересным: когда мы начали им заниматься, о двигателях этого типа были известны только самые общие, весьма скудные сведения.

Каждый школьник знает, что импульс равен произведению массы тела на его скорость. А инженерам известно, что тяга двигателя есть произведение скорости истечения из него рабочего тела на его массу. В случае жидкостного ракетного двигателя эта скорость — около 300 м/с. В электрическом ракетном двигателе разгон рабочего тела — плазмы или ионов — осуществляется электромагнитными

силами, и они вылетают из сопла с огромной скоростью — порядка 100 км/с, т.е. в 30 раз больше. А это означает, что во столько же раз можно уменьшить запас рабочего тела и, следовательно, пропорционально этому увеличить массу полезной нагрузки. Энергию электрический двигатель получает от бортовой солнечной батареи или ядерной энергоустановки. Высокая эффективность двигателя этого типа очевидна. Заместитель С.П. Королева М.В. Мельников сказал по этому поводу, что не создав электрических ракетных двигателей, мы не сможем завоевать околосолнечное пространство.

Наш коллектив, как я уже говорил, энергично взялся за работу. Его костяк, который сохранялся долгие годы, составили превосходные специалисты Виталий Васильевич Савичев, Валерий Иванович Гаркуша, Аркадий Михайлович Петров, Валентин Леонидович Левтов, Мкртыч Затыканович Мухоян (мы называли его просто Макаром), Александр Платонович Невский, Александр Федорович Фролов, Феликс Афанасьевич Севин. В нашей опытной мастерской трудились первоклассные мастера Федор Григорьевич Морозенко, Петр Андреевич Шкроб, Владимир Васильевич Егунов. Это были люди, которым была по плечу самая тонкая работа, и они умели изготавливать уникальные изделия, причем с большой изобретательностью.

Все вместе мы образовали дружный коллектив, спаянный общим делом. У нас никогда не возникало по-настоящему крупных конфликтов. Каждое утро мы шли на работу с радостью, зная, что нам предстоит решать пусть трудные, но нужные и интересные задачи. Мне хочется подробнее рассказать о каждом из моих коллег и товарищей.

Виталий Савичев пришел на наше предприятие, закончив МФТИ. Физику он знал очень хорошо. Основной чертой его характера была коммуникабельность, ему удавалось легко устанавливать взаимопонимание с самыми разными людьми. Он хорошо запоминал имена, и это облегчало ему установление контакта. Будучи человеком самолюбивым, он тем не менее предпочитал коллективную работу, которую умел организовать, а этим даром обладает далеко не каждый.

Валерий Гаркуша — однокурсник Савичева. Эдакий слегка медлительный, с хитрецей, малороссиянин. Но научно-производственных талантов у него было несколько не меньше, чем у Савичева. Его деловой стиль отличался обстоятельностью. Он никогда, как говорится, очертя голову не хватался за какую-либо задачу, но сначала все тщательно продумывал, взвешивал возможные трудности, старался составить хотя бы приблизительный план работы и только потом брался за дело.

Аркадий Петров пришел к нам после МВТУ. Прекрасный инженер, он решал у нас проектно-конструкторские задачи. Обычно он брался за создание какого-либо сложного агрегата или изделия и вел эту работу от самого начала до конца — от разработки проекта до сдачи изделия в эксплуатацию. Правда, последнее удавалось ему не всегда. Так получилось, например, когда он создавал довольно сложный прибор совместно с сотрудниками Харьковского авиационного института. Сбои происходили по вине ХАИ, но Аркадий, будучи человеком нервического склада характера, принимал их близко к сердцу.

Валентин Левтов тоже закончил МФТИ, но он был младше Савичева и Гаркуши. Подготовлен он был не хуже, чем они и очень быстро включился в общее дело. Это был спокойный и уравновешенный внешне, но чувствовалось, внутренне пылкий человек, обладавший нечастым даром изобретательства. Одной из задач, для решения которой этот дар был необходим, стало создание системы компенсации микроускорений на борту космического корабля. Созданная Левтовым система и до сих пор работает на борту международной космической станции.

Макар Мухоян, тоже физтеховец, — человек чудесный и всеобщий любимец. Он никогда не лез на первые роли, но мастерству, с которым он умел выполнять самую тонкую работу, мог позавидовать любой. К тому же он превосходно владел физической диагностикой, а потому получаемые им результаты всегда были особенно ценными. В нашем городе Королеве Макар прославился удивительными шоу, которые он регулярно устраивал к Новому году. Чего там только не было — железные дороги, по которым ехали маленькие поезда, летящие по небу космические корабли, дед Мороз, умевший разговаривать, и мно-

гое другое. Родители стремились привести туда своих детей, и Макар охотно принимал гостей.

Александр Невский закончил физический факультет МГУ. Высокий, с чуть насмешливым взглядом и почти постоянной улыбкой, он с самого начала стремился получить самостоятельный участок работы. Разумеется, мы не препятствовали ему. Он создал собственную экспериментальную установку и долго вел на ней исследования. Правда, получить особо значительные результаты ему не удалось. Александр был большим выдумщиком. Его живо интересовали различные техногенные и природные загадки — от Тунгусского метеорита до НЛО. При этом в его публикациях на эту тему нередко появлялись свежие идеи.

Александр Фролов, тоже выпускник физфака, был среди нас единственным, кому пришлось рядовым солдатом побывать на войне. У нас он взял на себя функции главного электротехника. Человек обстоятельный и умелый, он прекрасно справлялся с этим делом. Личным качеством его характера была доброта, и поэтому в коллективе его любили, пожалуй, не меньше, чем Макара.

Физфаковцем был и Феликс Савин, наш главный теоретик. Внешне настоящий скромняга, он был по-хорошему коммуникабелен. Этому способствовало тонкое чувство юмора, которым наш Фел обладал в полной мере. Занимаясь моделированием непростых физических процессов в плазменных ускорителях, он никогда не увлекался построением сверхсложных математических конструкций, которые нравятся некоторым теоретикам. Научный стиль Фела был другим: он стремился к предельной ясности, пусть даже ценой некоторого упрощения модели. Такой подход давал превосходные результаты и нам, экспериментаторам, значительно облегчал работу.

Благодаря дружным и слаженным усилиям нашего коллектива, наши дела пошли неплохо. Были созданы превосходные образцы ЭРД, разработана их теория. Все было готово к продвижению в практику, но дело сдерживалось отставанием в разработке бортовых энергоустановок.

Дело двинулось вперед много позже, уже в наше время. Калининградское ОКБ «Факел» создает образцы ЭРД, которые используются на спутниках связи, в космической

метеорологии, для наблюдения Земли из космоса и для многих других задач большого прикладного значения.

Когда наша лаборатория стала отделом, в него со своей лабораторией пришел Аскольд Владимирович Жаринов. В этом коллективе тоже было немало превосходных людей и умелых специалистов — Валентин Сергеевич Ерофеев, Мансур Абдрахманович Абдюханов, Владимир Петрович Наумкин, Евгений Абрамович Адпин.

Что касается Аскольда Жаринова, то его редкая одаренность как физика и талантливость проявились в том, что он стал автором важнейшего для ЭРД открытия: им был создан наилучший среди всех ЭРД плазменно-ионный ускоритель — двигатель с анодным слоем (ДАС). Помню, когда на одной из международных конференций он рассказал о принципах работы ДАС профессору Эрнсту Штуливегеру, который занимался исследованием ионных ускорителей: тот пришел в полный восторг. Чтобы читатель мог судить о ценности этой похвалы, напомним, что в годы войны Штулингер был ближайшим сотрудником Вернера фон Брауна — создателя первых в мире боевых ракет ФАУ-1 и ФАУ-2, а позже главного конструктора американской тяжелой ракеты, доставившей астронавтов на Луну.

К сожалению, нашлись ученые, которые попытались приписать открытие Жаринова себе. Свои необоснованные претензии они оформили в виде изобретения ЭРД, который назвали стационарным плазменным двигателем (СПД). Пользуясь поддержкой президента Академии наук и директора Института атомной энергии А.П. Александрова, они сумели организовать летные испытания СПД.

У Жаринова такой возможности не было, он работал на закрытом предприятии и не располагал поддержкой президента. Кончилось тем, что Аскольд оставил наш институт и перешел на другое место работы. Там у него тоже появилось несколько смелых, взрывных идей.

После уходе Жаринова лабораторию возглавил Валентин Ерофеев, оказавшийся его достойным преемником. Стать автором новых открытий ему не удалось, но он сумел довести ДАС до полного совершенства. Много позже ДАС заинтересовались американцы, и теперь по этой теме они ведут совместные исследования и разработки с со-

трудниками нашего института. Насколько мне известно, к СПД они интереса не проявили. Скромный, упорный в достижении цели и умеющий сдерживать природную обидчивость, Валентин смог организовать дружную работу лаборатории.

Это был тоже слаженный коллектив. Мансур Абдюханов, упрямый, как и положено татарину, выдвинул целый ряд интересных идей. Евгений Ляпин — старательный и аккуратный исполнитель — из тех, без которых ни одно дело нельзя довести до завершения. Физфаковец Владимир Наумкин — умелый экспериментатор. К сожалению, он допустил личный промах: долго ожидая получения жилья, он, чтобы ускорить решение вопроса, пошел на прием к председателю профкома института, и положил перед ним пачку денег. Но наш председатель был человек принципиальный и порядочный. Разгорелся скандал, и Наумкину пришлось оставить интересную тематику и уйти из института.

А теперь о наших руководителях. Начальником отделения, в которое входил наш отдел, был Сергей Дмитриевич Гришин, а его заместителем, Сергей Георгиевич Миронов. Они распределили между собой обязанности в точном соответствии со своими способностями и склонностями: Сергей Дмитриевич стал отвечать за руководство научной деятельностью, а Сергей Георгиевич взял на себя общие, в том числе производственно-технические и хозяйственные, вопросы.

Страдавший излишней полнотой, Гришин был очень спокойным и выдержанным в общении с подчиненными человеком. Тематику, которой занималось отделение, он знал очень хорошо, а потому ему всегда удавалось отстаивать наши интересы перед более высоким, в том числе министерским, начальством. В то же время он никогда не сковывал творческой инициативы своих сотрудников, а напротив всегда готов был оказать им поддержку.

Гришин и Миронов дружили домами. Их характеры были сходны: бывший фронтовик Миронов был столь же сдержанным и знающим руководителем. Разумеется, ему приходилось проявлять и жесткость, и требовательность. Но он умел оставаться справедливым и никогда не переходил на оскорбительный тон в общении с сотрудниками,

который нравится некоторым нетерпеливым и вспыльчивым начальникам.

И наконец руководство нашего института — директор Юрий Александрович Мозжорин и Всеволод Сергеевич Авдуевский.

С Авдуевским, когда я вместе с отделом перешел на другую тематику, мне приходилось общаться особенно часто: он стал научным руководителем нашей новой темы — космического материаловедения. Он был по-человечески очень интересен. Характер у него был не без язвительности и иногда он бывал резок с подчиненными, допускавшими те или иные огрехи в работе. Но его резкость и требовательность всегда были справедливы. Он умел доходить до самой сути то и дело возникавших проблем, а потому высшее руководство часто включало его в состав комиссий, расследовавших сложные аварийные ситуации.

У меня с Всеволодом Сергеевичем установились добрые, доверительные отношения. Мне приходилось бывать у него дома и на даче. Он внимательно и критически обсуждал со мной проблемы наших исследований, нередко поправляя мою природную склонность к поспешным суждениям. Наши долгие разговоры нередко прерывались отступлениями: уставая, Всеволод Сергеевич начинал вспоминать что-нибудь о былом. И его рассказы всегда были очень интересны.

Мозжорин и Авдуевский по научному стилю были немного антиподами: Авдуевский знал, как разрешить возникшую трудность, а Мозжорин умел поставить дело так, что эта трудность перед ним не возникала. Можно сказать так, что первый обладал глубоким и сильным умом, а второй — мудростью.

С Мозжориным общаться было приятно, чувствовалось, что это был добрейшей души человек, хотя по своему служебному положению ему приходилось бывать и требовательным и жестким. Он обладал почти энциклопедическими знаниями по космической тематике, а потому высокому начальству, которому иногда хотелось поставить подчиненных в затруднительное положение, с ним этого не получалось.

Когда мне — не очень часто — приходилось получать от него служебное поручение, я испытывал что-то вроде удо-

вольствия. Думается, дело было в его доброте, о которой я уже писал.

Я рассказывал о своих друзьях и коллегах, о наших руководителях. Может быть, надо кое-что рассказать и о себе самом, лучше всего о своем творческом методе. В науке высшее наслаждение — это услышать голос Бога, первым узнать нечто выдающееся, о чем раньше не знал никто. Эти вспышки интуитивного озарения случаются редко и всегда после долгих и упорных поисков решения трудной проблемы.

Интересно, в каких условиях такие вспышки происходят. Когда я был молод, со мной это чаще всего происходило во время ходьбы. Может быть, поэтому в часы отдыха мне нравилось, пусть даже бесцельно, где-нибудь бродить. Внимание было рассеяно, мысль лениво двигалась в проблемном направлении — и вдруг, словно яркая вспышка света, приходило искомое решение.

Позже это чаще случалось во сне. Правда, и сон мой в этих случаях не был крепким, он крутился вокруг некой проблемы. Но решение приходило уже не в виде вспышки, а как ясные и четкие формулировки, которые поступали извне, кажется, откуда-то сверху. Оставалось их покрепче запомнить, а потом записать уже в готовом виде.

И наконец о самом высоком руководстве. С нашим министром Сергеем Александровичем Афанасьевым мне практически не приходилось общаться, чаще я имел дело с его заместителями. Но судить о министре можно было по его делам. С министром нам повезло — он был организатором высшего класса: внимательно отслеживая работу по основной тематике, он находил время решать и другие вопросы — жилья, культурного отдыха, здравоохранения.

Когда я вспоминаю те, теперь уже далекие времена, то мне думается, что наше министерство и мы, его служащие, составляли целостный органически спаянный важнейшим государственным делом коллектив. Мы все были энтузиастами этого дела.

Даниэл Белл назвал такую структуру ситуативной, а не классовой: вертикальные связи здесь играли более значительную роль, чем горизонтальные. Но и без прочных коллективных, дружеских горизонтальных связей наше дело не могло бы двигаться вперед. Очень жаль, что после на-

циональной катастрофы 1992 г. все это осталось в прошлом.

За прошедшее с тех пор время изменилось многое, причем в основном в худшую сторону. Из-за отсутствия финансирования распались даже самые дружные коллективы, а их тематика была свернута.

Многих из тех, о ком я писал, уже нет с нами. Ушли из жизни Афанасьев, Мозжорин, Авдучевский, Гришин, Миронов, Ерофеев, Петров, Невский, Шкробл, Морозенко. Савичева постиг тяжелый недуг, что-то вроде болезни Альцгеймера.

Хорошо, что XXI в. начался с новых надежд. Создано Российское космическое агентство, во главе которого встали умелые руководители. Возникла сильная общественная организация — Российская академия космонавтики имени К.Э. Циолковского. Укрепилось финансирование. Разработана программа развития российской космонавтики на период до 2010–2015 гг. Появились новые перспективные проекты. Что ж, будем ждать новых побед и свершений.

Г л а в а 19

ДУША РОССИИ

Безруков-старший написал роман о Есенине, а потом вместе с сыном снял о нем телевизионный фильм. Поэт изображен в фильме хулиганом, запойным пьяницей, любителем женского пола и даже не вполне чистоплотным человеком. На стихи у него и времени не остается. Герой фильма совсем не похож на того Есенина, которого мы знаем и любим.

Фабула фильма состоит в расследовании гибели поэта. Герой, ведущий расследование, в конце концов доискивается до того, что поэта убили чекисты при поддержке Троцкого. И сам погибает при странных обстоятельствах — гебешники не хотят раскрывать свои тайны.

Сцена убийства показана в фильме с садистским сладострастием во всех ее жутких подробностях.

Разумеется, снимая такой фильм, авторы думали о саморекламе. Но за этим скрывается нечто, более существенное. Хотели того авторы или нет, но сверхзадачей фильма стало стремление втоптать в грязь, опорочить то, что мы всегда считали святым. Фильм Безруковых — это плевок в душу России. Телевидение охотно приняло фильм: для него важна острота сюжета, что же касается оплевывания отечественной истории, то в этом деле наши телевизионщики давно поднаторели.

Я люблю Есенина. Для меня он самый лиричный, самый задушевный из русских поэтов. И после тех потоков грязи, которые выплеснуло на экраны наше телевидение, мне захотелось вспомнить подлинного Есенина, поговорить с ним.

Маяковский сказал о себе: «Я поэт. Этим и интересен». То же самое мог бы повторить и Есенин.

Сергей Александрович, вы не против пообщаться? Вот и хорошо.

Русь

*Я люблю тебя, родина кроткая!
А за что — разгадать не могу.
Весела твоя радость короткая
С громкой песней весной на лугу.
Я люблю над покосной стоянкою
Слушать вечером гул комаров.
А как гаркнут ребята тальянкою,
Выйдут девки плясать у костров.
Загорятся, как черна смородина
Угли-очи в подковах бровей.
Ох ты, Русь моя, милая родина,
Сладкий отдых в шелку купырей.
Ой ты, Русь моя родина кроткая,
Лишь к тебе я любовь берегу.
Весела твоя радость короткая
С громкой песней весной на лугу.*

Береза

*Белая береза
Под моим окном
Принакрылась снегом,
Точно серебром.
На пушистых ветках
Снежною каймой
Распустились кисти
Белой бахромой.
И стоит береза
В сонной тишине,
И горят снежинки
В золотом огне.
А заря, лениво
Обходя кругом,
Обсыпает ветки
Новым серебром.*

*Клен ты мой опавший, клен осиротелый,
Что стоишь, нагнувшись под метелью белой?
Или что увидел? Или что услышал?
Словно за деревню погулять ты вышел.
И, как пьяный сторож, выйдя на дорогу,
Утонул в сугробе, приморозил ногу.
Ах, и сам я нынче чтой-то стал нестойкий,
Не дойду до дома с дружеской попойки.
Там он встретил вербу, там сосну приметил,
Распевал им песни под метель о лете,
Сам себе казался я таким же кленом,
Только не опавшим, а всюю зеленым.
И, утратив скромность, одуревши в доску,
Как жену чужую, обнимал березку.*

Звезды

*Звездочки ясные, звезды высокие!
Что вы храните в себе, что скрываете?
Звезды, таящие мысли глубокие,
Силой какую вы душу пленяете?
Чистые звездочки, звездочки тесные!
Что в вас прекрасного, что в вас могучего?
Что увлекаете, звезды небесные,
Силу великую знанья могучего?
И почему так, когда вы сияете,
Маните в небо, в объяття широкие?
Смотрите нежно так, сердце ласкаете,
Звезды небесные, звезды далекие?*

Собаке Качалова

*Дай, Джим, на счастье лапу мне,
Такую лапу не видал я сроду.
давай с тобой полаем при луне
На тихую, бесшумную погоду.
Дай, Джим, на счастье лапу мне.
Пожалуйста, голубчик, не лижись,
Пойми со мной хоть самое простое,
Ведь ты не знаешь, что такое жизнь,
Не знаешь ты, что жить на свете стоит.
Ты по-собачьи дьявольски красив,*

*С такую минуо доверчивой приятцей,
И никого ни капли не спросив.
Как пьяный друг, ты лезешь целоваться.*

*Не бродить, не мять в кустах багряных
Лебеды и не искать следа.
Со снопом волос твоих овсяных
Отоснилась ты мне навсегда.
С алым соком ягоды на коже,
Нежная, красивая была
На закат ты розовый похожа
И, как снег, лучиста и бела.
Зерна глаз твоих осыпались, завяли,
Имя тонкое растаяло, как звук,
Но остался в складках смятой шали
Запах меда от невинных рук.
Пусть порой мне шепчет синий вечер,
Что была ты песня и мечта,
Все ж, кто выдумал твой гибкий стан и плечи —
К светлой тайне приложил уста.*

*Шаганэ ты моя, Шаганэ!
Потому что я с севера, что ли,
Я готов рассказать тебе поле,
Про волнистую рожь при луне,
Шаганэ ты моя, Шаганэ.
Потому что я с севера, что ли,
Что луна там огромней в сто раз,
Как бы ни был красив Шираз,
Он не лучше рязанских раздолий,
Потому что я с севера, что ли.
Шаганэ ты моя, Шаганэ!
Там, на севере, девушка тоже,
На тебя она страшно похожа,
Может думает обо мне,
Шаганэ ты моя, Шаганэ!*

Никогда я не был на Босфоре,
Ты меня не спрашивай о нем.
Я в твоих глазах увидел море,
Полыхающее голубым огнем.
Не ходил в Багдад я с караваном,
Не возил я шелк туда и хну.
Наклонись своим красивым станом,
На коленях дай мне отдохнуть.
Я сюда приехал не от скуки —
Ты меня, незримая, звала.
И меня твои лебяжьи руки
Обвивали, словно два крыла.
Я давно ищу в судьбе покоя,
И хоть прошлой жизни не кляню,
Расскажи мне что-нибудь такое
Про твою веселую страну.
И хотя я не был на Босфоре,
Я тебе придумую о нем.
Все равно — глаза твои, как море,
Голубым колышутся огнем.

Отговорила роща золотая
Березовым, веселым языком,
И журавли, печально пролетая,
Уж не жалеют больше не о чем.
Кого жалеть? Ведь каждый в мире странник —
Пройдет, зайдет и вновь оставит дом.
О всех ушедших грезит конопляник
С широким месяцем над голубым прудом.
Стою один среди равнины голой,
А журавлей относит ветер в даль,
Я полон дум о юности веселой,
Но ничего в прошедшем мне не жаль.
Не жаль мне лет, растроченных напрасно,
Не жаль души сиреневую цветь.
В саду горит костер рябины красной,
Но никого не может он согреть.
Не обгорят рябиновые кисти,
От желтизны не пропадет трава,

*Как дерево роняет тихо листья,
Так я роняю грустные слова.
И если время ветром разметя
Сгребет их все в один ненужный ком,
Скажите так... что роща золотая
Отговорила милым языком.*

Письмо матери

*Ты жива еще, моя старушка?
Жив и я, привет тебе, привет!
Пусть струится над твоей избушкой
Тот вечерний несказанный свет.
Пишут мне, что ты, тая тревогу,
Загрустила шибко обо мне,
Что ты часто ходишь на дорогу
В старомодном ветхом шушуне.
И тебе в вечернем синем мраке
Часто видится одно и то ж:
Будто кто-то мне в кабацкой драке
Саданул под сердце финский нож.
Ничего, родная! Успокойся.
Это только тягостная бредь.
Не такой уж горький я пропойца
Чтоб тебя не видя, умирать.
Я по-прежнему такой же нежный
И мечтаю только лишь о том,
Чтоб скорее от тоски мятежной
Воротиться в низенький наш дом.
Я вернусь, когда раскинет ветви
По-весеннему наш белый сад,
Только ты меня уж на рассвете
Не буди, как много лет назад.
Не буди того, что отмечталось,
Не волнуй того, что не сбылось, —
Слишком раннюю утрату и усталость
Испытать мне в жизни привелось.
И молиться не учи меня. Не надо!
К старому возврата больше нет.
Ты одна мне помощь и отрада,
Ты одна мне несказанный свет.
Так забудь же про свою тревогу,*

*Не грусти так шибко обо мне,
Не ходи так часто на дорогу
В старомодном ветхом шушуне.*

Но как же все-таки ушел из жизни наш любимый поэт? Мне известна версия, которую я считаю верной. Эти сведения идут от ближайших родственников поэта — его последней жены Софьи Андреевны Толстой и Никиты Алексеевича Толстого. Никита Алексеевич был профессором ЛИТМО и у него был дипломник А.А. Ануфриев, впоследствии мой аспирант. Он и рассказал мне эту историю.

В тот роковой вечер Есенин вместе с другом выпивали в гостинице «Англетер». Другу потребовалось выйти на десять минут, и Есенин решил его разыграть. Он накинул веревку на горячую трубу шедшего под потолком водяного отопления, надел на шею петлю, имитируя повешение. А сам ухватился руками за трубу. Видимо, он хотел отпустить руки, когда услышит шаги друга, но тот задержался. В конце концов ладони Есенина не выдержали жара, и глупая шутка закончилась трагедией.

Почему эта очень правдоподобная версия осталась практически неизвестной? Друг, разумеется, промолчал — кому хотелось бы, чтобы его объявили пусть невольным, но все равно убийцей поэта? А на руках Есенина, видимо, заметных ожогов не было.

Вот и все.

СИНЕРГИЧЕСКИЙ МАНИФЕСТ

Существует мироощущение — эмоционально насыщенное восприятие человеком мира окружающей реальности и собственного места в нем. Рационалистические соображения при этом играют скорее второстепенную, подчиненную роль. Именно мироощущение в большей степени, чем другие родственные по смыслу факторы — идеология и мировоззрение, определяет поведение и поступки человека.

Палитра оттенков мироощущения весьма разнообразна и лучше всего ее умели передавать поэты. Вот Николай Гумилев — любитель уходить от жгучих проблем современности:

*На далекой звезде Венере,
Солнце яростней и золотистой
На Венере, ах, на Венере
У деревьев синие листья.*

Тонкий лиризм Осипа Мандельштама:

*Народу нужен стих таинственно-родной,
Чтоб от него он вечно просыпался
И льнокудрой, каштановой волной —
Его звучаньем — умывался.*

А вот страстный Николай Заболоцкий:

*Во многом знании — немалая печаль,
Так говорил творец Экклезиаста.
Я вовсе не мудрец, но почему так часто
Мне жаль весь мир и человека жаль.*

Разумеется, мироощущение тесно связано с другими пластами мировосприятия — мировоззрением и идеологией. Между этими пластами и мироощущением есть как минимум два различия. Во-первых, как мы уже отмечали, в мироощущении чувственное восприятие реальности значительно преобладает над ее рациональной оценкой. А во-вторых, если представления о мировоззрении и идеологии есть только у некоторых людей, причем скорее не очень многочисленных, то мироощущением наделены решительно все без единого исключения. Поэтому его практическое значение трудно переоценить.

Но поговорим подробнее о мировоззрении, а потом и об идеологии. В Новое время именно мировоззрение, причем прежде всего в форме технологической картины мира, оказало решающее влияние на формирование основных гуманитарных научных дисциплин — политической экономики Адама Смита, Давида Рикардо и Карла Маркса, политологии Томаса Гоббса и Джона Локка, социологии Огюста Конта, демографии Томаса Мальтуса. Фундаментальные недостатки механистического миропредставления — редукционизм, линейность теоретических моделей, жесткий лапласовский детерминизм — были один к одному перенесены в сферу социальных теорий и привели к тому, что после первоначальных успехов уже в XX в. эксплицитный и прогнозный потенциал этих теорий почти оскудел.

Идеология появилась на свет почти одновременно с первыми социальными теориями и на той же мировоззренческой основе. Если задача теорий состояла в том, чтобы построить по возможности адекватную модель сложных социальных процессов, то у идеологии, придуманной на рубеже XIX и XX вв. аббатом Сийесом и Дестутом де Траси, цели были иными. Идеология стала системой принципов, которые определяли отношение человека к социальной действительности, служили для него ориентиром в жизни и составляли основу для практической программы изменения этой действительности (или же для ее консервации). Ясно отсюда, что, будучи телеологически ориентированной, идеология отражала интересы тех или иных социальных классов или страт, а потому не могла быть строго научно объективной и неизбежно носила чер-

ты утопического мышления. Органически включая в себя программу действий, в качестве обязательного элемента идеология должна содержать образ врага, иными словами, тех сил, сопротивление которых следовало сломить, чтобы провести в жизнь намеченную программу преобразований.

В соответствии с той реальной политической обстановкой, которая сложилась в Европе в XIX в., сформировались три основных противостоящих друг другу идеологических направления — консерватизм, либерализм и социализм. Целью двух последних было максимально возможное удовлетворение материальных потребностей максимально большого количества людей. Различались они тем, что либерализм отстаивал прежде всего права отдельного человека, которые должно было защищать суверенное государство, изымающее с этой целью часть прибавочной стоимости у капиталистов. Социализм защищал интересы трудящихся классов, а не отдельных людей, и с этой целью считал необходимым ограничить частную собственность капиталистов или вообще ликвидировать ее.

Либерализм соответствовал восходящей ветви индустриальной цивилизации, социализм был порожден ее недостатками и первыми признаками упадка. Основным мироощущением этой эпохи была вера во всемогущество человеческого разума, для которого не существует неразрешимых задач, и в неостановимость научно-технического прогресса, который обеспечит человечеству победу над темными силами природы и всеобщее благополучие. Героями эпохи стали Солдат и Рабочий, которые воплощали решимость титанов одержать верх в борьбе с противостоящим им космосом богов-консерваторов. Это мироощущение получило название «модернизм».

Первым литературным героем, усвоившим принципы модернизма, оказался Робинзон Крузо. О таких людях писал Жюль Верн в романе «Таинственный остров». А в Советском Союзе героям этого поколения богоборцев были посвящены производственные романы «Цемент» Ф. Гладкова, «Время, вперед!» В. Катаева, «Битва в пути» Г. Николаевой и другие. К этой плеяде негибавших борцов за светлое будущее относился и Павка Корчагин — Солдат и Рабочий одновременно.

Титаноборческий аспект модернизма предполагал не только строительство нового мира, но и сокрушение старого, отжившего свой век. Когда с началом XX в. индустриальная цивилизация вступила в полосу затяжного тяжелого кризиса — две мировые войны, цепь революционных взрывов и многое другое, — эта деструктивная сторона модернизма приобрела гипертрофированные формы, проявившиеся прежде всего в искусстве. Поздний модернизм отказывается от описания реальности и стремится создать свою. Первичным элементом изображаемого поэтому оказывается не реальность, а сознание художника. Основной конфликт уходит во внутренний мир Героя. В художественной литературе это «Улисс» Джойса, в изобразительном искусстве — «Черный квадрат» К. Малевича, в музыке — «Кольцо нибелунгов» Вагнера и «Поэма экстаза» Скрябина.

Но если в искусстве модернизм явился новым словом в художественной семантике, то его закат как мироощущения сыграл совсем другую роль. Его крайними проявлениями оказались Освенцим и Гулаг, а вечная настроенность на завоевание природы поставила человечество на грань экологического коллапса.

За тяжелым кризисом ранее столь бодрого модернистского мироощущения скрывались еще более глубинные процессы — быстрое разрастание внутренних противоречий индустриальной цивилизации и исчерпание действующего потенциала либеральной и социалистической идеологии. После 1917 г. единый ранее мир индустриальной цивилизации раскололся на два противостоящих лагеря — системы капитализма и социализма. Социалистическая идеология с концом Советского Союза первой исчерпала свой потенциал.

Либеральная идеология потерпела сокрушительное поражение практически одновременно с социализмом. Лидеры западного мира после докладов Римскому клубу осознали, что ресурсов Земли на всех все равно не хватит. А потому их главной заботой стали интересы «золотого миллиарда». Возникновение мирового рыночного хозяйства вело к ограничению суверенитета национальных государств или даже к отказу от него. А боязнь растущего сопротивления обездоленного большинства человечества не-

избежно требовала сокращения гражданских демократических прав. Все это вместе взятое означало отказ от основных принципов либерализма.

На фоне этих процессов на смену сдавшему свои позиции модернизму в середине XX в. пришло новое мироощущение — постмодернизм. Его адептами он очень быстро был провозглашен основным направлением современной философии, искусства и науки, а также политики, экономики и моды. Основные принципы постмодернистского мироощущения просты — это отказ от веры во всеислие разума, «мир как хаос», «мир и сознание как тексты». Все слова о реальности уже сказаны, провозглашают теоретики постмодернистской философии Ж.-Ф. Лиотар, И. Хассан, Д.Фоккема и другие, остается только искусство цитат из былых текстов, которые образуют нечто вроде огромной всемирной библиотеки. А потому лишены смысла поиски истины, так как доискаться до первооснов бытия в хаосе окружающей жизни все равно не удастся. И следовательно, сама реальность не представляет интереса, надо творить собственную виртуальную реальность, а точнее, столько таких реальностей, сколько сможет предложить вам ваше воображение.

Разумеется, это мироощущение в силу столь экстравагантного набора его свойств может носить исключительно элитный характер, стать массовым ему не суждено. Но дело даже не в этом: современный западный мир переживает исключительно важный момент в своей истории — переход к третьему историческому суперциклу в эволюции человечества. Речь идет о становлении информационного общества и постиндустриальной цивилизации. А наиболее важным отличительным признаком этой эпохи является безусловный переход в старинной формуле власти «насилие — богатство — знание» к третьему элементу, т.е. к фундаментальной науке и инновационным технологиям. «Контроль над знаниями, — пишет по этому поводу Элвин Тоффлер в своей книге «Метаморфозы власти», — вот суть будущей всемирной битвы за власть во всех институтах человечества».

Между тем постмодернизм, объявленный основой науки, политики и экономики, отрицает и силу разума, и ценность нового знания. Возникает вопрос: принимая на веду-

щие роли это мироощущение, не подписывает ли Запад сам себе смертный приговор? Отвечая на этот вопрос, вспомним два ключевых обстоятельства. Первой основной стратегией политиков Запада является сегодня всемерное укрепление мира «золотого миллиарда». А еще более точно — строительство новой мировой империи Pax Americana, которая должна поставить под свою власть природные ресурсы всей Земли. «Уникальное положение Америки в мировой иерархии сегодня общепризнанно, — пишет в своей последней книге «Выбор: мировое господство или глобальное лидерство» один из ведущих стратегов этой политики З. Бжезинский. — Даже русские, которые по причинам ностальгического порядка менее всех склонны признавать масштабы американского могущества и влияния, согласились с тем, что в течение некоторого времени Соединенные Штаты будут оставаться определяющим игроком в мировых делах».

Ясное дело, при таком мировосприятии постмодернистским настроениям нет никакого места. Это даже не восстановленный в былых правах модернизм, а прямо-таки какой-то гипермодернизм. Тогда в чем же дело? Вспомним второе обстоятельство: постмодернизм рассчитан исключительно на узкие слои интеллектуальной элиты. А именно из кругов этой элиты, по словам того же Бжезинского, может исходить основное сопротивление проведению в жизнь стратегии Pax Americana. И тогда становится ясной социальная функция постмодерна: это сладкий наркотик для потенциально опасных интеллектуалов и, следовательно, эффективное орудие укрепления власти «золотого» меньшинства над миром.

Но тут возникает еще одна опасность для американского гипермодернизма: а не могут ли возникнуть какие-либо нежелательные тенденции в мироощущении массового «человека толпы»? Что, если появится какой-нибудь новый харизматический лидер вроде аятоллы Хомейни или Ясира Арафата и поведет за собой широкие человеческие массы?

Это, конечно же, серьезные вопросы. Но и тут есть подходящий рецепт: это мировосприятие консьюмеризма — философии потребительства, которая в последней трети XX в. получила чрезвычайно широкое распространение на

Западе. Да, она действительно отвлекает широкие массы от «вредоносных» настроений. Человек приучается потреблять как можно больше, следовать за модой, следить за тем, что сумел приобрести сосед, и постараться не отстать от него — этим теперь в значительной мере определяется социальный престиж.

Все бы хорошо, но и здесь возникают свои тупики, причем исключительно серьезные. Вот что пишет известный американский политический деятель П. Бьюкенен в своей книге «Смерть Запада»: «Новый гедонизм, как представляется, не дает объяснений, зачем продолжать жить. Его первые плоды кажутся ядовитыми. Неужели эта новая культура «освобождения», которая оказалась столь привлекательной для нашей молодежи, на деле станет смертоносным канцерогеном?» Запад, продолжает он, задыхается в этой консьюмеристской «культуре смерти», если западная цивилизация не найдет способов изменить преобладающее миронастроение, ее скорее всего ждет гибель.

Мы вынуждены сделать тревожный вывод: идейное наследие, которое XXI в. получил от своего предшественника, не может служить основанием для поиска путей к устойчивому будущему. Как мы могли убедиться, либеральная и социалистическая идеология больше не способна адекватно отражать социальную реальность. А потому не могут служить основой для практических действий. Механистическая картина мира, долгое время служившая мировоззренческой основой гуманитарных научных дисциплин, безнадежно устарела. Релятивистские и квантовые теории внесли в него главным образом лишь одно изменение — переход к индетерминистической вероятностной гипотезе причинно-следственных связей. Но эта гипотеза относится лишь к микромиру.

Что касается системы мироощущения, то все его современные модели являются безусловно тупиковыми — и постмодернизм, и консьюмеризм, т.е. безудержное потребление. И американский гипермодернизм: опыт истории свидетельствует — судьба всех без исключения мировых империй была одинаковой, все они кончали распадом. Получается, что XXI в. начинается в условиях идейного и этического вакуума. Это очень опасное состояние, потому

что оно означает начало конца, неизбежное скатывание к глобальной катастрофе.

«Человек подошел к пределу, который нельзя переступить ни при каких обстоятельствах, — предупреждал незадолго до своей кончины академик Н.Н. Моисеев. — Один неосторожный шаг — и человечество сорвется в пропасть. Одно необдуманное движение — и биологический вид *Homo sapiens* может исчезнуть с лица Земли. При этом глобальная экологическая катастрофа может подкрасться совсем незаметно, совершенно неожиданно и столь внезапно, что никакие действия людей уже ничего не смогут изменить».

Но пока у нас еще есть время и наше положение совсем не безнадежно. Выход, как всегда в критических ситуациях, подсказывает наука. Мы рассмотрели критическую цепочку, ведущую к кризису: механистическая картина мира — идеология — мироощущение. Чтобы сойти с тупикового эволюционного паттерна, следует начать с ревизии этой цепочки.

Первый шаг — это корректировка мировоззрения. Начать следует с отказа от традиционных принципов линейности, редукционизма и жестких причинно-следственных связей. На смену им должна прийти, во-первых, нелинейность, понимаемая в самых разных смыслах: как порядковая, т.е. нарушение одномерной упорядоченности, алгебраическая, когда в уравнения входят члены в степени, отличной от единицы, топологическая — выход к многомерным пространствам. Качественно нелинейность проявляется в таких свойствах систем, как необратимость, неустойчивость, неоднозначность.

Второе новое качество — это принцип системности, введенный в науку А.А. Богдановым. Причем речь должна идти о системах открытого типа, иными словами, обладающими источниками и стоками по энергии, веществу и/или информации. Свойства систем этого типа И. Пригожин определил так: «То, что полностью контролируемо, никогда не бывает вполне реальным. То, что реально, никогда не бывает вполне контролируемым».

И *третье* — это индетерминистический, вероятностный принцип причинности, который является следствием бифуркационного характера эволюции сложных нелиней-

ных систем. За точкой бифуркации лежит спектр альтернативных виртуальных сценариев эволюции. И поскольку на выбор сценария у нас есть возможность в определенных пределах оказать влияние, то появляется шанс отказаться от классического определения свободы как осознанной необходимости. В рамках синергической парадигмы свободу следует понимать как возможность выбора при одновременной ответственности за этот выбор. Тем самым этические факторы перестают быть нормативами, задаваемыми извне, а становятся органической частью новой философской парадигмы.

Синергическая философская парадигма сближается с постмодернистской философией в отказе от мифа о всеисилии разума и знаний, а с модернизмом в бодром настрое. Согласно синергической методологии, задачи социальной эволюции не имеют однозначно верного решения: в окрестности бифуркации фундаментальную роль начинают играть случайности. Энергетически оптимальные решения за миллиарды лет эволюции нашла биосфера. Поэтому первое, что нам следует сделать, чтобы избежать ошибок, это принять принцип универсального эволюционизма, требующий неразрушающих взаимодействий с природной средой.

Синергическая парадигма требует отказа от линейно-детерминистического мышления, которое в условиях технологической мощи человечества, возросшей до планетарных масштабов, неизбежно ведет к катастрофам. Взамен этого принципы нелинейности предлагают другую, намного более эффективную стратегию управления геосоциальными процессами: эти задачи можно решать с помощью слабых программируемых триггерных воздействий в точках бифуркации.

Если с корректировкой системы миропредставления ясность в первом приближении существует, то следующий вопрос, который необходимо задать, относится к идеологии. Здесь речь идет уже не о корректировке, а о поиске принципиально новых подходов, хотя и не следует забывать о том позитиве, который оставили нам в наследство либерализм и социализм. Капиталистическая формация, четыреста лет служившая экономической и социально-политической базой развития индустриальной цивилизации,

к концу XX в. привела человечество на грань глобальной катастрофы. Поэтому насущно необходим поиск эффективных альтернатив капитализму и в особенности проекту глобализации по модели Pax Americana.

Теоретическая мысль экономистов и социологов упорно ищет решения этой задачи, и первые успехи на этом пути уже достигнуты. Не углубляясь в разборку этих работ, ограничимся анализом менее масштабного вопроса: какие идеологические соображения целесообразно положить в основу концепции и стратегии возрождения России и ее перехода на сценарий устойчивого развития?

Для начала здесь можно высказать несколько почти очевидных соображений. Президент В.В. Путин поставил задачу удвоения ВВП к 2010 г. Справиться с этим делом можно только при том условии, что будет обеспечено обновление основного капитала на новой технологической базе. Для этого необходимо в несколько раз увеличить инвестиции в инновационные технологии. Где взять для этого необходимые финансовые средства? Следует пересмотреть рентные отношения и направить основную часть ВВП не на счета олигархов, как это делается в настоящее время, а на модернизацию экономики.

Начиная с первых лет XXI в., производство в рамках пятого технологического уклада вступило в понижительную стадию. И соответственно начался подспудный и внешне пока мало заметный процесс подготовки технологического базиса шестого уклада. Через 10–15 лет на мировом рынке будет конкурировать продукция тех государств, руководство которых сумеет своевременно поддерживать эти процессы. Это означает, во-первых, поддержку науки, но именно науки, непосредственно перспективных научных исследований, ориентированных на разработку инновационных технологий, а не бюрократических структур научных ведомств. А для определения именно таких направлений необходимо второе условие — разработка государственной программы развития и размещения производительных сил страны. Разработка такой программы позволит, в частности, решить очень опасную для страны проблему депрессивных регионов, которых у нас недопустимо много.

И третье, что необходимо сделать, опираясь на эту программу: следует придать структуре образования такой вид, который будет соответствовать перспективной технологической программе. Но при этом нельзя упускать из виду проблемы фундаментальной науки и необходимость подготовки широко образованных в области культуры специалистов. А рационализация системы образования позволит решить и четвертую приоритетную задачу — подготовить достаточное количество молодых талантливых менеджеров, капитанов производства, которые смогут заменить на высших этажах государственной власти современных руководителей, лишенных стратегического мышления и совершенно недостаточно компетентных.

И пятое: решение всего круга перечисленных приоритетных задач обеспечит не только удвоение ВВП, но и достойное место для страны в мировом рыночном хозяйстве. А уже на этой основе подлинное, а не на уровне «разговорного жанра» в Государственной Думе решение задач национальной обороны и достойного социального обеспечения граждан страны.

Подводя общие итоги этим наметкам, можно коротко сформулировать основные принципы той идеологии, которую можно было бы принять в качестве базиса для возрождения России и перехода к устойчивому развитию. Эту идеологию можно представить в виде триады основополагающих принципов: мобилизационная экономика — социальное обеспечение — национальная безопасность.

И наконец последний вопрос: какое мироощущение может соответствовать сформулированным стратегическим целям? Разумеется, это не унылый постмодернизм и не бесперспективный консьюмеризм, т.е. ненасытное потребление. В условиях скатывания мировой цивилизации к глобальной катастрофе невозможен и возврат к модернизму. Остается одно: синергическая философская парадигма, о которой мы ведем достаточно обстоятельную речь, в состоянии принять на себя роль также и нового перспективного мироощущения. Этим мироощущением XXI в. станет синергизм.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие	I
Введение	3
Глава 1. Космос зовет	7
Глава 2. Русская идея в ее самодвижении	22
Глава 3. Как грустна наша Россия!	36
Глава 4. В сетях нравственного императива	45
Глава 5. А.С. Пушкин как экономист	60
Глава 6. Советы Д. Менделеева	74
Глава 7. Буря! Скоро грянет буря!	81
Глава 8. Ленин	90
Глава 9. Альтернативы	102
Глава 10. Гений абсолютной власти	123
Глава 11. Евангелие от Воланда	135
Глава 12. Этическая катастрофа России	145
Глава 13. Синергическая этика	151
Глава 14. Нельзя вечно жить в колыбели	166
Глава 15. Власть Солнца	179
Глава 16. На пути к новой парадигме	182
Глава 17. Универсальный эволюционизм	196
Глава 18. Гори, моя звезда!	212
Глава 19. Душа России	221
Синергический манифест	228

Научное

Лесков Леонид Васильевич

О ГЕРОИЧЕСКОМ ЭНТУЗИАЗМЕ
(интеллектуальный потенциал российской цивилизации)

Главный редактор ***Е.В. Полиевктова***
Компьютерная верстка ***Т.В. Дмитриенко***

ИД № 03627 от 25.12.2000.

Подписано в печать с оригинал-макета 29.06.2006.
Формат 84 x 108¹/₃₂. Бумага офсетная. Гарнитура «Петербург».
Печ.л. 15,5. Усл.печ.л. 13,02. Изд. № 8154а.
Тираж экз. Заказ № .

ЗАО «Издательство «Экономика»
123995, Москва, Бережковская наб., 6.